

"Ранчо "Кобыла потерялась""

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Глава 1

Проснулся он в неплохом настроении. Конечно, не в приподнятом, и уж ясно, что не в хорошем. Кэли Джон знал, что сегодня — вторник, потому что именно по вторникам он ездил в Тусон. Там он должен встретиться с миссис Клам, которую звали Пегги. Пусть даже ничего хорошего они друг другу не скажут, но эти встречи все равно радовали. Приятно было и другое: по вторникам не надо было бриться и не надо с раннего утра заниматься скотиной.

Через низкое оконце было видно, как Гонзалес усердно и неторопливо чистит его лошадь, и пока Кэли Джон будет завтракать, Гонзалес как раз закончит наводить последний лоск на седло.

Итак, сегодня вторник, Кэли Джон был в этом уверен. Он был также уверен, что шел тысяча девятьсот сорок седьмой год и на дворе стоял октябрь. Единственно, о чем Кэли Джон не думал, так это какое сегодня число. Ему доставило удовольствие, пусть даже смехотворное, выбирать сапоги помягче и брюки — не жесткие повседневные джинсы, а бежевые габардиновые брюки.

И только когда Кэли Джон распахнул дверь — он всегда наклонялся вперед, — когда спускался по лестнице, понял, что наступило седьмое октября. Шли годы, но в этот день все оставалось по-прежнему: та же дюжина носовых платков и тот же запах жареных свиных щечек, и тот же мягкий аромат духов, которыми его сестра надушила в этот день платье.

— С днем рождения, Джон. И да хранит тебя Бог...

Неизменно, из года в год, в один и тот же день, в один и тот же час слышал он эти слова, да и он сам некогда произносил их, обращаясь к отцу, матери, старшим братьям.

— Спасибо, Матильда, — проговорил он, целуя сестру. Затем, как заведено:

— Сколько стукнуло?

— Шестьдесят восемь, Джон. Но тебе и шестидесяти не дашь.

Бедняжка Матильда, ей-то уже семьдесят три! А ему все кажется, что она не изменилась. Она никогда не была худышкой — спокойная, с материнской улыбкой на лице, дрябловатая толстуха. Когда Матильда была совсем маленькой, а он еще и не появился на свет, она, играя в куклы, уже улыбалась так, как сейчас, — это он выяснил по одной почти стершейся фотографии.

— Прими этот маленький подарок...

Носовые платки, ежегодная дюжина носовых платков: он должен был развязать на ее глазах ленточку и сделать вид, что восхищен. Не пройдет и часа, как то же самое повторится у Пегги Клам, только с коробкой сигар. Вот уже более тридцати лет из года в год Пегги из самых лучших, конечно, побуждений, неминуемо путала сорта и покупала ему коробку совершенно неудобоваримых сигар, которые, выйдя от нее, он вынужден был менять на те, что можно было с грехом пополам курить.

Что-то щелкнуло у него в голове; впрочем, этого следовало ждать.

Этого трудно было избежать в другие дни, но седьмого октября — просто невозможно. Кэли Джон устремил свой взгляд куда-то поверх плеча сестры, сурово оглядел комнату, потом уставился в окно поверх коралля, Гонзалеса, склонившегося над его седлом, поверх пастбища — взгляд Кэли Джона устремлялся к подножию горы, которую утро окрашивало в розовый цвет.

Другому, Неназываемому, сегодня тоже исполнялось шестьдесят восемь, и он, невидимый, продолжал присутствовать здесь, между братом и сестрой, которая так старалась казаться оживленной, — она постелила на стол самую веселую скатерть, поставила мексиканские тарелки с большими цветами.

Улыбка не сходила с ее лица, пока она ставила перед ним мясо с кровью, картофель — Джон по утрам всегда ел мясо и картофель. Ни сало, ни ветчину, как у родителей, а большой красный кусок бычатины со своего ранчо, с тех пор как он обосновался в Аризоне.

Матильда интригующе улыбалась. Господи, старуха так и осталась наивной или снова ею стала? Интригующая улыбка обещала свиные щечки.

А все потому, что когда он был мальчишкой, то до сумасшествия их любил. И вот однажды, лет в семь или восемь, он попросил родителей дать ему на день рождения свиные щечки на завтрак, дать столько, сколько сможет съесть. Это стало традицией, и шестьдесят лет спустя, на другом конце Соединенных Штатов, очень далеко от их фермы в Коннектикуте, любящая Матильда продолжала ее поддерживать.

А ему так и не набраться храбрости и не сказать, что он щечки эти возненавидел. Матильда уже ставила блюдо в духовку. Запах щечек портил вкус мяса.

— Надеюсь, ты пообедаешь у Пегги?

— Может, и пообедаю...

Конечно, ведь сегодня день его рождения. И там тоже самое...

Матильда чувствовала приближение другого. Джон вызывал в памяти родительский дом в Фарм Пойнт, где зимой стояли такие холода, но другой тоже был частью этого прошлого, и именно в один такой зимний день он выбил Кэли Джону зуб снежком, в который был закатан камень. Неужели уже тогда ему надо было остерегаться другого, это ему-то, Кэли Джону, который был гораздо сильнее: в юности он был силен, как молодой бычок, И светлые волосы у него завивались, за что и получил прозвище Кэли Кудряш.

— А вот и твои щечки. В точности, как делала мама...

Он чуть не забыл взять с собой новый носовой платок — это тоже было частью традиции, — и сестра сунула его ему в карман.

Во дворе старик китаец поздравил Кэли Джона с днем рождения, потом Гонзалес, который протянул ему повод, и он знал, что эти двое тоже думали о другом.

В седле Джон держался так же прямо, как сорок лет назад. Он пустил лошадь в легкий галоп, дорога была знакома до мельчайших деталей, но все вокруг по-прежнему приводило его в восхищение. Великий Путь, по которому прошло столько людей, стад, столько тысяч и тысяч голов скота, лошадей, повозок, прошло еще тогда, когда ни поездов, ни автомобилей не было и

в помине, оставался все таким же — люди могли лишь поцарапать поверхность пути — величие его было вне досягаемости. Подумаешь там, дымки на горизонте... Они терялись в светящемся мареве, поднимавшемся от пустынных песков: горные цепи, которые, казалось, закрывали мир со всех сторон, по-прежнему являли немеркнущие в своей новизне краски.

Сейчас там, где на всю равнину зеленеют несколько кактусов, он, как всегда, почувствует, что левая рука перестает его слушаться, еще немного — и наверняка проснетесь давняя боль.

Пятнадцатое августа 1909 года... Никогда не забыть этот день, хотя он и не отмечался в семейном кругу. Шел дождь. Канавы взбухли от воды, теряющуюся в песках дорогу пересекали желтые ручьи. Тогда поехал в противоположную сторону. Кэли Джон возвращался из Тусона, как будет возвращаться и сегодня вечером. В сумерках, сквозь струи дождя, ему показалось, что перед ним неподвижно стоит лошадь с опущенной головой.

Прогремел выстрел. Он почувствовал удар в левую руку. Инстинктивно выхватил правой револьвер и выстрелил.

— Это был второй человек, которого он убивал в своей жизни. Как потом выяснилось, звали его Ромеро, и, как и тот, воровавший скот, был мексиканцем.

Кэли выровнял галоп и так погрузился в мысли о другом, что путь показался ему короче, чем когда бы то ни было. Он почти удивило, когда перед ним предстала непрерывная лента большой дороги, поток машин, красные пятна бензоколонок.

Кэли мог отправиться с ранчо на машине, до самого Тусона. Но он никогда не хотел иметь машину, и, наверное, это тоже была его форма протеста против другого.

Около бензоколонки старик испанец держал лавочку, за которой было нечто вроде выгона, скорее, просто пустырь, и Кэли, по обыкновению, оставил там свою лошадь.

Место называлось Джейн-Стейшн Уже в их времена здесь проходил поезд, но он никогда не останавливался. И чтобы преодолеть оставшиеся до Тусона пять миль, Кэли Джон селся в автобус.

Пока автобуса не было, он закурил сигару. Потом с большим достоинством поднялся на подножку подошедшего автобуса, неопределенно махнул рукой знакомым. Достоинства ему было не занимать. Высокий, широкий в плечах, если не сказать, толстый. Лицо его, несмотря на солнце, оставалось розовым, такого розового цвета, что прекрасно гармонировало со светло-голубыми глазами и соломенными волосами, которые незаметно сделались из соломенных серебристо-белыми.

Джон вышел из автобуса напротив отеля «Пионер Запада», который видел еще тогда, когда его только Начинали строить, свернул налево и втиснул свое тело в салон парикмахерской, где навстречу ему бросился цирюльник.

Спинка кресла, в которое он сел, тут же была опущена, и пока Кэли Джону намыливали щеки, негр — чистильщик сапог деликатно подвернул ему брюки и принялся наводить лоск на сапоги.

Не осталось ли в Кэли Джоне что-то ребяческое? Он так никогда и не осмелился — смешно ведь, правда? — согласиться еще и на услуги маникюрши. Над головой крутился вентилятор. Когда Кэли Джон вошел, все поздоровались с ним по имени, потому что все его знали. И все в глубине души были за него и против другого, даже если так и не посмели никогда в этом

признаться. Это чувствовалось в мелочах: например, по тому, как они замолкали, стоило ему появиться где-нибудь на людях. Тишина эта свидетельствовала об их уважении. Старики, те, кто знали его не один год, запросто окликали:

— Хелло, Кэли...

Молодые ограничивались лишь приветствием. Но не таким, как всем.

Почти всегда за этим «Хелло!» следовал шепоток — это его историю пересказывали тем новичкам, которым она была еще неизвестна.

Это приносило удовлетворение. Но он в этом не признавался. Однако Пегги — такую злюку еще поискать — говорила все как есть.

— Видишь ли, Джон, дорогуша, если бы все это с тобой не произошло, ты был бы просто несчастен, во-первых, потому, что был бы как все, и, во-вторых, потому, что ты бы, наверное, на мне женился...

Не надо думать, что в словах Пегги Клам была только ирония. Вернее, ирония в них была, но против воли самой Пегги, которая эти слова говорила.

После бритья, горячих салфеток, из-под которых виднелся лишь кончик его носа, оставалось только ждать, когда парикмахер его от них освободит. Клиенты менялись в кресле один за другим. Они смотрели друг на друга в зеркало и, когда переговаривались между собой, казалось, обращались к призракам. Вот, освободившись от теплого компресса, явил себя один из них: молодое лицо, темные волосы, несколько агрессивная улыбка обнажала роскошные зубы.

Сын другого. И этот парень — двадцать два года! — приветствовал врага своего отца взглядом, взмахом руки, радостным «Хелло!». Верил ли парень в эту историю? Кэли Джон не утруждал себя выяснениями... Старая история, история почти доисторических времен, когда у мальчишки и быть не могло большой спортивной машины, что стоит теперь у тротуара, и самолета, на котором можно слетать развлечься в Лос-Анджелес. Пионеры Запада, как их тогда называли, которые Бог весть откуда сползлись сюда как муравьи: кто приехал на крошечном поезде, кто в повозках с детьми и женщинами, за которыми плелся скот, — все они со слезами на глазах увидели наконец перед собой эту огромную, мерцающую между горными отрогами долину. Они приезжали, чтобы освоить ранчо, и им уже виделись стада быков, которых гаучо загоняли в корали, сотни голов скота, или же они собирались перекапывать эту ярко расцвеченную землю, чтобы найти в ней золото, серебро, медь или цинк...

«Дурачок...» — хотелось Кэли Джону шепнуть мальчишке.

Он прошел в следующую дверь, ту, что вела в бар, несколько голосов поздоровалось с ним, он пожал несколько рук и, ни слова не говоря, сделал глоток бурбона, который ему подали, как было заведено. И вовсе не для того, чтобы придать себе храбрости перед свиданием с Пегги Клам.

Просто по привычке.

Воздух был сухим и жарким, но стоило только очутиться в тени, как в легкие проникала прохлада. Казалось, не дышишь, а пьешь этот воздух.

На первом углу он свернул со Стоун-стрит с ее большими магазинами.

Подумать только, теперь надо было дожидаться зеленого света, чтобы перейти улицу, по которой он столько раз скакал на лошади!

Он подходил к зеленому массиву — что-то вроде парка, среди которого белели дома, проходящие на дворцы. О'Хара-стрит! Ну разве не смешно? Эта старая обезьяна О'Хара теперь тоже имел свою улицу, как Вашингтон или Мэдисон, а ведь начинал с бакалейной лавки и гвоздей в магазинчике, где торговали досками! Теперь на Стоун-стрит этот магазинчик превратился в трех — или четырехэтажный магазинище с витринами, залитыми по вечерам неоновым светом.

Старик вот уже пятнадцать лет, как умер, а магазин произносит имя О'Хары и еще одно, за ним, именно то имя, Которое произносить не следовало.

На О'Хара-стрит, если, можно так сказать, должны были быть только дома О'Хары, теоретически должны были бы быть, будь улица длиннее, а его жена плодовитей, поскольку этот тип построил дворец для себя, построил еще один, рядом, для своего старшего, потом еще один — для своей младшей, и мог бы продолжать в том асе духе.

Кэли Джон быстро миновал первый дом. Теперь в нем жил Неназываемый, тот, кто женился на Розите, самой молоденькой из дочек старика.

Перед тем как позвонить во второй дом, Кэли остановился и зажег сигару. Не для того ли, чтобы выразить таким образом свое презрение к роскошествам О'Хары?

Или же просто для того, чтобы именно в тот момент, когда Пегги собиралась дарить ему сигары, которые было невозможно курить, сунуть ей под нос тот образчик сигар, которые он курил?

Никогда не знаешь, в каком виде она тебя встретит — размалеванная, как попугай, и увешанная всеми драгоценными вестями, или же под насмешливыми взглядами слуг в каком-то тряпье с пыльной тряпкой в руках.

Хотя одному Богу ведомо, не смеялась ли она сама над людьми — все-таки дочь О'Хары, и старшая дочь, между прочим!

— Хелло, Джон моего сердца!..

Дверь открыла сама Пегги в старом цветастом хлопчатобумажном платье, в шлепанцах на босу ногу, с неприбранными седыми волосами.

— Покажи-ка свой новый платок...

Она расцеловала его в обе щеки, как клюнула, больно и прочувствованно.

— С днем рождения, старая противная скотина... Пришел за своими сигарами?.. Представь, я совершенно одна...

На пороге этого громадного дома стояла маленькая и еще крепкая женщина, и на это нельзя было смотреть без смеха.

— Пакита в больнице рожает... Мамми решила не отпускать ее одну...

Шофер отправился приводить машину в порядок, она вчера вечером забарахлила, ну а

садовник сегодня утром не пришел... Входи... У меня для тебя куча новостей...

Не переставая болтать, она шлепала через анфиладу комнат, где из-за опущенных жалюзи было почти ничего не видно; в тот момент, когда раздался телефонный звонок, она как раз дошла до двери в патио.

— Это по поводу того, кого ты знаешь... Алло!.. Да... Как поживаешь, дорогая?.. Я совсем не хорошо вернулась...

Голос у нее, особенно по телефону, был визгливый, таким голосом разговаривают куклы у чревоугодников. А так как рот у нее был маленький, с сухими губами, она старалась как можно шире открывать его и напоминала тогда твякающую собачонку.

— Это Долорес, — сказала она Кэли, который устроился в кресле.

Кэли не знал Долорес, но это не имело никакого значения.

— Что?.. Все ли хорошо?.. Так плохо, как только возможно, любовь моя... Я одна-одинешенька дома, слуг никого, и, естественно, это происходит тогда, когда Джон пришел ко мне на завтрак...

— Мы вчера были вместе в клубе, — это Кэли, зажав рукой трубку. — Моя сестра тоже там была... Там-то я и узнала об ударе, который он хочет мне нанести... — В аппарат:

— Во-первых, машина по дороге сломалась и Терра сейчас ее чинит... Пакита беременна... Ну да, я и говорю — беременна...

Вы не заметили?.. Я тоже... Вот такие у меня дела... — Она расхохоталась. — Мамми, кухарка, повезла ее в больницу... Нет, Мамми не беременна, иначе почему бы и мне не быть беременной? Что вы говорите? Кэли:

— Она оскорблена... Вот карга... Сейчас тебе все скажу... Алло!

Если бы здесь не было Кэли, который мне помогает... Да, Кэли, это Джон... Кэли Джон... Джон идет на кухню посмотреть, не сгорело ли все у меня в духовке...

Да, она приготовила на двоих легкий завтрак. Есть даже коктейли, бутылка французского вина, и они поедят в кухне, чтобы было меньше хлопот.

Счастье, что на кухне не было телефона, который звонил беспрестанно, и каждый раз она повторяла приблизительно одно и то же, разве что теперь добавляла, что Кэли и она сейчас сидят за легким завтраком, как молодые. И постоянно прерывала разговор:

— Можешь взять одну из твоих сигар, Джон, дорогуша...

И в телефонную трубку:

— Представь себе медведя, играющего с ручкой, так вот это он... Это его день рождения... Который год на его день рождения я дарю ему сигары... Ты же знаешь Джона... В нем, наверное... Сколько ты вешишь, Джон?.. Какая разница... Около двухсот двадцати ливров... Он не хотел бы брать сигару из той коробки, что я ему подарила, потому что тогда уже не сможет ее обменять... Поняла? Что?.. Не специально ли я это делаю? Да нет, дорогая, просто я рассеянная... Правда, Джон?..

В паузе взмах руки в сторону соседнего дома.

— Мне нужно завтра обязательно повидать моего поверенного...

Действительно, держу пари, что они вручают ему сейчас подарки и что вечером перед их дверью будет стоять двадцать машин... Прости, Джонни...

В конце концов, о чем-то ведь надо говорить... Тебе-то повезло, живешь у черта на рогах, а я, можно сказать, день и ночь рядом с ними, вижу, как они входят и выходят, слышу, как у них играет радио, даже слышу, как поет моя сестра, когда принимает ванну, а окно в ванной открыто... Кто бы мог подумать, что наши родители были настолько безумны, что учили ее пению! В довершение всего у нас общее владение имуществом. И просто так такие сложные дела, как у нас, не разделишь. Позволь я только это сделать, останусь нищей...

Выглядела она забавно — лохмы, старое платье, говорит о нищете, а у самой добрая четверть города, не говоря уж о капиталах, которые муж оставил ей, вложенных в шахты.

— Стой! Это Терра вернулся. Нужно его тоже покормить, бедняжку.

Терра, шофер, обогнув угол дома, входил через дверь, ведущую в сад.

— Входи, Терра. Мы закончили. Поесть найдешь в духовке. В два часа мне нужна машина. Сколько эти воры с тебя содрали?

Никому доподлинно не было известно, была ли она на самом деле скупой или ее забавляло таковой представляться.

— Иди, Джон. Мне нужно одеться. Мы будем болтать через дверь. Ты не забыл, что мы идем на распродажу? Итак, вчера вечером моя сестра была в клубе. Да, кстати о клубе... Ты, кажется, там не был. Женский клуб, естественно... Не только для того, чтобы сводить сплетни, распивать чай и закатывать праздники, полезное тоже кое-что делается. Помощь бедным молодым мамам, устройство малышей.

Она расхохоталась.

— Никто, конечно, этим не занимается!

Никто, кроме нее, а она старалась об этом не говорить.

— В конце концов, меня произвели в президентши.

Сестрица моя имела наглость стать членом клуба, хотя моей ноги у нее никогда не было из-за...

Из-за Неназываемого! Он ведь присутствовал здесь.

— Я голосовала за нее, и забавно, что в следующем месяце по статусу пере выборы бюро. Знаешь, кто кандидат в президенты? Розита! Ну, что ты на это скажешь?

Над кем она смеялась? Над ним? Над собой?

— Алло! Да, дорогая... В четыре?.. Невозможно, моя красавица...

Представь себе, у меня сегодня этот старикашка Джон, а Пакита воспользовалась...

И снова все сначала, и Джон слушает через полуоткрытую дверь. Затем трубка кладется на рычаг.

— Это Хуанита... Хуанита Максвелл. Она устраивает прием на пятьдесят человек и не знает, как к этому подступиться. Всегда зовет меня в последний момент на подмогу. Я тебе говорила. Ах да... Мне нужно повидаться с поверенным. Надо было бы подвести воду к нашему ранчо Санта-Маргарита...

Одно из самых больших ранчо в Аризоне, на границе с Мексикой, оно заходит даже на территорию Мексики.

— ...и перепродать его по участкам фермерам и сельскохозяйственным рабочим.

Ей не было видно Кэли Джона, который уперся лбом в стекло. Несколько мгновений спустя она обнаружила его в той же позе и дотронулась до его руки.

— Извини... Уверю тебя, я защищаюсь... Тебе бы радоваться... Я злю его как могу... Вставляю всевозможные палки в колеса и думаю, когда помру, тоже найду средство досаждать ему...

Это было совершенно другое, но чего ради объяснять?

— Идем... А то провороним хорошие места.

Распродажа была ее страстью, и в конце концов она заразила ею Джона.

Или они оба были игроками и не догадывались об этом?

Кэли Джон не играл никогда, даже в девятисотые годы, когда они только приехали в Коннектикут, он и другой, и прежде чем построили ранчо, работали шахтерами в Санбурне, где несколько раз в неделю в «Санбурн-палас» за партии в рулетку и в фараона расплачивались револьверными выстрелами. Другой играл. Редко. Осторожно. Но играл, и Кэли Джон бывал удивлен, обнаружив в такие моменты у другого взгляд, которого не знал.

— Идем...

Длинная машина и спина шофера перед глазами.

— Представляешь, сегодня на распродаже будут вещи, принадлежавшие Роналду Фелпсу...

Периодически тусонский смотритель мебельного склада выставлял на продажу мебель, за хранение которой хозяин долго не платил. Чаще всего это были те, кто разорился, или, как это было с Роналдом В. Фелпсом, покинули эти места, не оставив адреса, и вестей о себе больше не подавали.

Продавали, правда, только до задолженной за хранение суммы, а остатки мебели водворялись снова на склад до нового приказа. Наконец — а именно это и подхлестывало воображение Пегги, — ящики, сундуки, баулы, сумки выставлялись на торги без указания их содержимого.

Всегдашнее солнце и тут же — всегдашняя прохладная тень. Около вокзала — зал мебельного склада и самая что ни на есть в Тусоне пестрая толпа — скопище негров, китайцев, испанцев, индейцев, в отдалении с непринужденным видом толкуются несколько белых, и каждый хочет убедить другого, что он тут из любопытства.

— Дамы и господа, мы продаем сегодня вещи, принадлежавшие господам Линаресу, Моргану,

Рейнхарду, Рилсу и Роналду Фелпсу...

Этого Фелпса знали, не зная его самого — англичанин неопределенного возраста, худой, с пробивающейся сединой, он однажды заявился сюда на деньги одной шахтерской бригады. Был он геологом. Жил в Санбурне, в героические времена, потом — в Бисбее, и в конце концов — в Тусоне. Ему было уже очень много лет, когда, пять или шесть лет назад, он покинул эти места, не сказав никому ни слова. Наверное, поехал умирать в Англию.

— Интересует меня только его серебро, — говорила Пегги, приподнимаясь на цыпочки.

Распродажа началась. Дорожная сумка в очень плохом состоянии, ей как минимум уже полвека. Какой-то негр приобрел ее за один доллар. Ящик, в котором, наверное, находятся инструменты, — два доллара.

Пегги Клам начинала волноваться. Между прочих вещей находился герметически закупоренный бочонок, который смущал ее воображение.

— Джон, как ты думаешь, что может быть внутри? Два человека его с трудом поднимают...

И она увеличивала ставки, все выше и выше вытягиваясь на цыпочки.

Некоторые со смехом оборачивались на нее, специально взвинчивая ставки.

Она получила бочонок за пятнадцать долларов и, будь на то ее воля, тут же бросилась бы его открывать.

Почему бы ему не спрятать свое серебро в бочонок? Слишком тяжело, чтобы тащить с собой в Англию. Он наверняка думал послать его за собой фрахтом...

Те немногие, кто не знал Пегги, все время на нее оборачивались, тем более что на ней была смешная шляпка с пером, колышущимся надо лбом, и у дверей стояла большая машина с личным шофером.

О сокровищах, которые люди приобретали на распродажах за несколько центов или долларов, ходили истории.

Длинный баул в очень хорошем состоянии, но недостаточно тяжелый для пресловутого серебра.

— Это для тебя, Джон... Всегда будет куда класть свои денежки.

Пять, шесть, десять долларов... Он хотел было остановиться, но она его подзадоривала:

— Если ты не возьмешь, возьму я...

Было пыльно, пахло и приятно, и не очень, никто не садился, а кроме того, хотели этого или нет, давало себя знать нервное напряжение.

Когда они вышли, заплатив за покупки, миссис Клам настояла, чтобы бочонок и баул поставили на грузовичок, который следовал за машиной.

Нужно было отпереть ограду. Три человека еле-еле перенесли бочонок в гараж.

— Инструменты, Терра... Давай... Говорю тебе, что хочу его открыть сама.

Джону пришлось помогать ей, и когда вышибли дно, оказалось, что бочонок был до отказа набит гвоздями, такими ржавыми, что они превратились в какую-то рыжую массу, как руда.

— Тем хуже!

Она с досадой поджала губы.

— Серебро, значит, у тебя... Подумать только, я-то, дура, заставила тебя увеличить твое состояние.

У баула когда-то был ключ, но он потерялся, и они открыли замок ножницами.

Гвоздей в бауле не было, только старые бумаги. Та, что лежала сверху, вызвала у них приступ хохота. Это была программка «Санбурн-палас», на которой была изображена танцовщица, выставяющая напоказ свою грудь и ляжки; надпись гласила: «Сегодня вечером первое выступление Блондинки Мери». Программке исполнилось полвека.

Остальные бумажки состояли из меню, газет, программ радио, пожелтевших фотографий, на одной из которых — повешенный.

— Отлично! — заявила Пегги Клам. — Пойдем выпьем что-нибудь, прочистим горло от пыли.

Она направилась к дому. Там, как всегда, надрывался телефон. По обе стороны от гаража — лужайки, заросли цветов, слева — сад, полный птиц, света и теней. Кэли ощутил на шее легкое дуновение. Шофер вернулся к машине.

Пегги с порога:

— Ты идешь?

Телефон... Она искала в сумочке ключ; не найдя его, решила войти через маленькую дверь, которой никогда не пользовались и забывали закрывать.

Он же, согнувшись в три погибели, обеими руками разгребал бумаги, будто месил тесто. Тесто это как бы оживало под руками, потому что он узнавал мелькавшие перед ним имена, лица. Он сам был когда-то частью этого, исчезнувшего теперь мира, ему едва исполнилось девятнадцать, и он только приехал сюда вместе с другим.

И Блондинку Мери, с годами растолстевшую, он видел, она тогда еще танцевала в «Санбурн-палас», а потом уехала во Францию, откуда была родом. Он знал пионеров Запада, основавших город и начавших разработку копей.

Пегги Клам потягивала в телефонную трубку, окна были открыты, и он слышал, как она рассказывает вдобавок к истории Пакиты и историю про гвозди и старые бумаги. Смех ее дробно звенел в воздухе.

— Джон, дорогуша...

Ее снова отвлек телефонный звонок, а он, нахмурившись, выпрямился — в груди слегка покалывало.

Только что в верхнем углу пожелтевшего письма он прочел дату: 13 августа 1909 года. Точно за два дня до засады, которая едва не стоила ему жизни, когда он возвращался к себе на ранчо.

А дальше, между почти стершихся строк, имя — Ромеро...

Человек, который пытался его убить и которого убил он! Он старался прочесть еще что-нибудь...

— Джон!.. Джон!..

...ошибка... довериться. Ромеро, который...

— Джон, дорогуша, брось ты эти глупости! Мне сию минуту нужно уходить. Представляешь, Пакита родила двойню... Мне не терпится на них посмотреть, на этих крошек... Ты ведь поедешь со мной?

Он поднял на нее невидящий взгляд.

— Или лучше не надо, это не место для мужчин... Тем более что там, может быть, будет отец...

Она снова засмеялась.

— Что ты делаешь?

Он бережно складывал письмо в свой бумажник, искал какую-нибудь веревку, чтобы перевязать баул.

— Уж не хочешь ли ты взять с собой эту гадость?

— Я вызову такси, — сказал он.

Он был серьезен. Но говорил как-то неуверенно.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Кстати, я обещала тебе виски. Ты же знаешь, где бутылка... Я переодеваюсь...

Вот так и не иначе. Переодевается для больницы, а телефон тем временем успел прозвонить три или четыре раза.

Джон же, пока она занималась всем этим, налил себе в стакан виски и выпил его без воды. Пегги так Кэли Джона и застала: бутылка виски на столе перед ним и стакан, который он так и не выпустил из руки.

— Что на тебя нашло?

Почему у него такое перевернутое лицо, будто потерявшее свою определенность, и взгляд медленно, почти боязливо ищет окна соседнего дома?

— Я ничего не сказал, — произнес он. — Звоню насчет такси.

— Если бы не Пакита, я дала бы тебе машину...

Это была ложь. Она ее никогда не давала. Она бы, скорее, отдала свой дом.

— Ты забыл сигары. Тебе нужно сходить их поменять... Подумать только, в животе у этой

малышки было двое детей, а я-то, дура, думала, что у нее такой живот, потому что она много ест...

Он уселся рядом с шофером, поставив баул позади себя, и не разжал губ. На Джейн-Стейшн он пошел за своей лошастью, а шоферу приказал медленно ехать за собой.

Его сестра Матильда должна была быть заинтригована, увидев издали солнце еще не садилось — облако рыжей пыли, передвигающееся по пустыне, а ведь бакалейщику в этот день ездить не полагалось.

Она стояла перед домом вместе с Гонзалесом и стариком китайцем, которого звали Чайна Кинг и никто не знал, почему это, и смотрела на приближающегося Кэли Джона, который прямо держался в седле и, казалось, тащил такси за собой на буксире.

Кэли Джон едва ли увидел их.

— Я там кое-что купил... — неопределенно заявил он сестре.

Он понес было баул в мастерскую, но Кэли Джон в ярости крикнул:

— Ко мне!.. Ко мне в комнату!.. Слышишь? Я сказал, ко мне в комнату.

Обед ждал его, праздничный обед, с наивными Матильдиными изысками. Он еле притронулся к еде, то и дело поглядывая на дверь своей комнаты.

— Ты что, выпил? — ласково поинтересовалась сестра.

Перебраться ему случалось три раза в жизни, и он помнил их все.

— С чего бы? — подозрительно взглянув на нее, спросил он.

Она сконфузилась, заюлила.

— Не знаю... Показалось. Наверное, жара.

Ее немного пугал взгляд брата — он скользил мимо вещей, как будто бы их и не было.

— Ты купил книги?

Разве у него было заведено покупать «книги целыми баулами? А?

— Мне что, мало лет, что я не могу купить себе то, что мне нравится?

— не выдержал он.

Даже эти слова не рассмешили ее. Несмотря на свои шестьдесят восемь, он не сказал: «... недостаточно стар». Он сказал: «Мне что, мало лет», как тогда, когда был мальчишкой и она играла при нем в маму.

Он вошел к себе, дверь комнаты хлопнула, и Матильда увидела брата снова только вечером.

Глава 2

Одни все еще говорили «шахты», другие же — «у поляков». В какой же именно момент шахты

забросили? В 1929-м или 1930-м, во времена финансового кризиса. Большая часть жили к тому времени была уже выработана, и работать стали себе в убыток. Поляки появились через несколько лет, и приехали не на повозках, запряженных быками, как пионеры Запада, а битком набившись в громыхающий старый грузовик, впереди которого двигался демонтированный «Форд».

Дорогу, помнилось, они не спрашивали. Двигались, как птицы, которых ведет инстинкт. Место для лагеря меняли четыре или пять раз, не больше, а потом завладели бараками, построенными когда-то для шахтеров.

Шахту открывать снова они не стали. Вырыли новую, немного выше того места, в горах, и начали ее разрабатывать. Сколько было поляков, никто точно не знал: во всяком случае, один старик, которого возили в кресле, потом, двое мужчин и подросток — они работали в шахте. Иногда им помогали грудастые девицы — одна или две — с головами, повязанными носовыми платками; были и еще женщины, и дети были, большие и грудные, так что было невозможно понять, в каких поляки семейных отношениях.

Шахта эта находится тут, милях в двух, не больше, от г Кэли Джона, который, ни слова не говоря, садился на лошадь — отчета, когда вернется, он не предоставлял.

Матильда, поджидавшая его у двери комнаты, заметила, что выглядит брат еще решительнее, чем накануне. Разыгрывал он ее или действительно случилось нечто столь серьезное, о чем он не мог рассказать даже ей? Он и словом не обмолвился про баул и перед тем, как уйти, запер дверь на ключ. Не сказал он и почему снова надел городские брюки. Мало того, выехав с ранчо, он сделал то, чего можно было ожидать менее всего на свете, а Матильда, стоявшая на пороге, знала его, как никто другой.

Вместо того чтобы поехать по тропинке в foot-hills [1] или по той, что вела к Джейн-Стейшн, или по той, что называлась старой, он выбрал заброшенную дорогу к шахте и направил лошадь прямо по ней. Как будто другого и не существовало! Как будто тридцать восемь лет в доме Кэли Джона не существовало запрета на это имя!

Он скрылся за первой насыпью, и, когда выехал на следующий бугор, справа от него появилось ранчо, строения которого походили на городской дом. Слева, у подножия горы, что-то вроде помоста, большое колесо, висящее в воздухе, — все, что осталось от шахты. Целых барачных было четыре или пять, некоторые просто исчезли с лица земли, и лошади приходилось обходить скрученные полосы толя.

Кэли Джон наклонился и заговорил с девчушкой, которая присматривала за мальчуганами.

Она взглянула на него поначалу, как глухая, так как привыкла, что к ней обращаются на языке, который она не знает. Потом сдвинула брови — то ли угадала фамилию Дженкинса, то ли имя Майлз, — и, слегка покраснев, указала всаднику на соседние хибары.

В этих жили только поляки. Самые дальние халупы выбрали две семьи ковбоев, так что между двумя группами строений располагалась как бы ничейная, заброшенная земля.

— Майлз Дженкинс? — повторил свой вопрос Кэли старухе, развешивавшей на проволоке белье.

Ничего ему не отвечая, она закричала пронзительно, как баба из предместья:

— Майлз?.. Майлз!.. Тут тебя Кэли Джон спрашивает...

Кэли Джона обогнал юноша, выше его почти на голову. Грубые голубые джинсы плотно облегли его бедра и ноги, отчего он казался еще выше, одна штанина — как полагается, левая — подвернута, так что был виден сапог. Маленькая голова, широкополая черная фетровая шляпа, до полей которой он дотронулся пальцем, приветствуя гостя.

Майлз Дженкинс ждал, лицо его было непроницаемо, во рту жевательная резинка.

— Тебя кто-нибудь нанял?

— А почему бы вам этого не сделать?

Кэли нахмурился, опасаясь, что Дженкинс над ним смеется: всем на свете было известно, что у него осталось всего шестьдесят голов скота и, чтобы загнать их через несколько недель в кораль, посторонней помощи не потребуется.

— Во всяком случае, такого бездельника, как ты, я бы не выбрал...

Бездельник не изменил положения тела и продолжал жевать свою жвачку, не проявляя признаков любопытства.

— Умеешь водить машину?

Вместо ответа Дженкинс указал на грузовик и «Форд» поляков.

— Права есть?

— Уже полгода...

— Забирай свою лошадь и пошли... Уйти всегда сможешь, если кто наймет...

Так, бок о бок, не говоря ни слова, двинулись они к Джейн-Стейшн. В тот день на лугу около бакалейной лавки испанца паслись две лошади, а в тусонский автобус поднялись двое и вышли из него около гостиницы «Пионер Запада». В общем, как будто бы они так и ходили рядом друг с другом уже давно. Чувствовалось, что Майлз Дженкинс пойдет куда угодно, только бы Кэли Джон его вел. Последний же несколько минут уже вышагивал по центральным улицам с видом человека, который что-то ищет, а Майлз никак не мог сообразить спросить его, что же тот ищет.

— Да где-то я же это недавно здесь видел... У тебя, наверное, есть подружка, и ты наверняка водил ее фотографироваться...

Искал он, оказывается, фотографа, и не абы какого, а того, у кого в витрине, как он помнил, значилось, что он занимается технической съемкой.

— Подожди тут, — скомандовал Кэли перед дверью.

Взгляд, который он бросил внутрь магазина, нельзя было назвать доверчивым. Он оставил без всякого внимания девицу, улыбающуюся ему из-за конторки, и направился прямо к мужчине в длинной черной блузе, который как раз проходил за шторой.

— Извините...

Тот попытался было указать ему на девушку, но тут же понял, что это бессмысленно, потому что есть такие собеседники, от которых, как понимаешь, так просто не отвязаться.

— Вы ведь можете сделать увеличенную фотографию?

— У вас пластинка или пленка?

— Мне надо, чтобы вы увеличили один документ.

Он бережно извлек из бумажника письмо и был шокирован тем, что фотограф смотрит на этот документ как на какую-то бесполезную бумажку.

— До каких размеров хотите вы его увеличить?

Кэли Джону пришлось объяснить, что он читал, будто благодаря увеличению становится возможным прочесть буквы, которые стерлись в письме — на фотографии они слабо, но выступают.

— Давайте. Зайдите дня через два-три...

Уверенности в голосе никакой. Надо было прежде попробовать. Что же касается Кэли Джона, то ему удалось сдержаться и почти спокойно заявить, что ему необходимо, чтобы работа была выполнена тут же и в его присутствии.

Победа в конце концов осталась за ним, потому что фотограф его боялся. Кэли Джон терпеливо присутствовал при всех приготовлениях и дождался того, что фотограф передал ему оригинал письма из рук в руки и только после этого исчез в темной комнате для проявки.

«Дорогой друг, С... (наверное, это все-таки было С. или Г.) снова уехал в Сан-Франциско (что это Сан-Франциско, скорее угадывалось, чем читалось), и у нас снова тишина, если не считать кое-каких волнений на шахте... (несколько слов стерлись)... забастовка... В субботу... у меня будут две тысячи долларов (невозможно прочесть всю строку или почти всю, только слово доллары — несколько раз)... средняя... Парадиз (там было только Парад, но Кэли Джон угадал все слово — он знал автора письма, а в Тусоне был когда-то игорный дом с танцами, который назывался Парадиз)... тот же рецепт... жди... Бисбей... «

Все это, в общем-то, было достаточно понятно для человека, который жил в Санбурне в 1909 году. Письмо было подписано М. Г., а это значит, что писал его Малыш Гарри, которого называли еще Счетоводом — об этом гамблере [2] еще сегодня говорили как о почти исторической личности для Аризоны. Малыш Гарри понастроил игорных домов с танцами повсюду, где мог, но самый большой был в Санбурне, и управлял им он сам.

«У меня... сообщить вам (кое-что стерлось), когда... (много неразборчивых слов)... виски... потому что слухи беспокоят меня».

Теперь Кэли Джон приближался к великой тайне, которая заставила его поехать по тропе, ведущей к шахте, привезти с собой Майлза Дженкинса, который именно в этот момент покупал ему машину.

«Что до Г... не знаю... что он задумывает. Потихоньку готовится... навер... стоит дорого... зря... доверяется Ромеро... и так и так не избежать пули или веревки... заговорит до того».

Дальнейшее интереса не представляло и только подтверждало авторство письма. Это скорее можно было угадать, чем прочесть.

«Жду новую певицу из Нью-Йорка. На худой конец есть некий Боне Бенсон (Кэли Джон знал

его. Его звали Б. Б., и он нашел свой конец в петле), который дает мне возможность... «

Ничего интересного. Гамблерские штучки. Как будто нарочно места, которые были на оборотной стороне письма, лучше всего читались.

Последняя же фраза стоила зато всего остального письма.

«Если хотите предупредить К. Д., мне все равно.

Итак, намечено это на 15, после обеда... «

Итак, К. Д. — это был он, Кэли Джон. Письмо это, спокойно уведомлявшее о его скорой смерти, было кому-то отправлено, наверное, с нарочным. Этому кому-то предоставлялся выбор предупреждать Кэли Джона или не предупреждать. Малыш Гарри, перед глазами которого у него в заведении так много убивали, умывал руки.

Главным... самым важным... было это пресловутое Г.

«Что до Г., не знаю... замышляет... «

Короче, ясно было, что некий Г. заплатил Ромеро за то, чтобы тот убил Кэли Джона из засады.

А это значит, что если имя человека, который был действительным подстрекателем убийства, начиналось с Г., то он не мог быть Неназываемым. Но тогда это была самая большая драма, которую мог себе представить Кэли Джон, тогда вся его жизнь от начала до конца была испорчена, и не только его жизнь, а и... Нет! Нельзя расхолаживаться, но стоило ему обо всем этом задуматься, как начинало казаться, что он перестает что-либо понимать. Лучше уж смотреть в витрину, к которой прислонился Майлз Дженкинс, — его длинное тело так и прилипло к стеклу.

вернуться

1

Предгорья (англ.).

вернуться

2

Гамблер — профессиональный игрок, мошенник.

Пусть Кэли Джон хоть два часа пробудет у фотографа, но своего ковбоя он найдет на том же самом месте. Разве что за спиной у него будет прилеплена к витрине жевательная резинка.

Этот Г... Может быть, даже было бы проще, если бы в письме была именно буква Г... Этой ночью Джон несколько часов кряду рассматривал письмо в лупу под разным освещением, и то ему казалось, что это Р., то О., а иногда даже В. или Э...

Будь это буква Э, ничего бы не изменилось.

Хотел ли он, чтобы что-нибудь изменилось? И этот вопрос он тоже с яростью отбрасывал. Потому что, в конце концов, если это Э, то надо было просто продолжать жить, как он жил. Разве он не привык к такой жизни за эти тридцать восемь лет?

А если Неназываемый больше не тот, кого нельзя называть?

— Ну вот...

Фотограф появился с большим мокрым отпечатком.

— Хотите, чтобы я его высушил и вы его взяли бы с собой? Ну а пленка высохнет только через два-три часа.

— Отдайте ее мне.

Он схватил ее, скатал в желатиновый комок и запихал в карман. Тем временем высох отпечаток, который он уложил в коричневый конверт, так и не посмеяв на него взглянуть.

Когда он вышел, Майлз Дженкинс отлепил свое бесконечное тело от витрины и последовал за ним, не говоря ни слова.

Было ли это возможно? Ровно тридцать восемь лет жил он с одной мыслью, с одной уверенностью и в каком-то смысле сжился с ней. Она стала осью его существования и в большей или меньшей степени оказывала влияние на все, что его окружало.

В одно прекрасное утро один уже немолодой человек отправился на завтрак к этой сумасшедшей Пегги Клам. Разве в глубине души не любил ли он всегда Пегги и не водила ли она его все время за нос?

Кстати о Пегги... Если это было Г., то она тоже ошибалась, она все время ошибалась, и хорошие становились плохими, а плохие — хорошими. Он сам это понимал.

Итак, старая безумица Пегги затащила его в мебельный склад, купила бочонок ржавых гвоздей и его самого заставила купить старый зеленый баул.

Он знал, что Дженкинс под маской своей невозмутимости задавался вопросом, когда они пойдут покупать машину и какую марку выберут. Ну а Кэли Джон мучился мыслью, в каком углу изучить отпечаток, который был у него и который он нес как драгоценность. В барах за ним будут наблюдать.

Пойти к Пегги? На это уйдет не один час, и придется ей все рассказывать в перерывах между ритуальными телефонными звонками. Кто знает? Не побежит ли Пегги к сестре и не бросится ли ей в объятия? Или просто разорвать письмо? В холле гостиницы «Пионер Запада» было слишком людно.

Кэли Джон нигде не чувствовал себя в безопасности. В этом шероховатом конверте, который он держал в руке, находилась честь одного человека.

Может быть, его собственная?

Он пошел быстрее и остановился перед гаражом, где продавались подержанные машины. Не в пример Дженкинсу, ни марка, ни форма, ни цвет машины его не интересовали. Ему требовалась машина, чтобы удобнее было переезжать с места на место, пока он не найдет

решения.

Он не взял самую дешевую машину, боялся, что она ненадежна, а выбрал подороже, подписал чек и заполнил бумаги, пока Майлз Дженкинс отправился со служащим гаража испробовать машину на улицах города.

На секунду его оставили одного в застекленной конторе, он вытащил конверт и уткнулся в то место, которое так хорошо знал.

На фотографии оно было еще хуже, чем на оригинале. Шестьдесят процентов из ста было за то, что это Г., но это также могло быть и Э, и О, и Б.

— Куда вас отвезти, патрон?

Он пока не знал. Первой мыслью было отправиться в Санбурн, но было уже поздно. Да и города там больше нет. Шахты уже многие годы заброшены, скважины зияли, большинство домов расползлись, будто сахарные, а из двенадцати тысяч жителей осталось разве что человек шестьсот. Да и те были по преимуществу новоприбывшими, хорошо если года два назад: привлекли их сюда врачи, которые старались сделать из мертвого города курорт.

— Не знаешь, что случилось с детьми Малыша Гарри, а?

Майлзу Дженкинсу было девятнадцать. Он наизусть знал подвиги ганменов [3] прошлых лет, особенно тех, кто был ковбоем, но о знаменитом содержателе игорных домов ничего не слышал.

— Останови около бара «Пионер Запада»... Автомобиль еще пригодится.

А пока Дженкинс поставил машину на стоянку и вернулся к бару — к его окну он прилип так же, как и у фотографа.

В этот час в «Пионере Запада» всегда было несколько старожилов.

Больше коммерсантов, чем владельцев ранчо, но некоторые действительно знавали великие времена.

— Послушайте... Малыш Гарри продал свой последний салун в тысяча девятьсот... Минутку! Джим! В каком году твоя дочь вышла замуж? Дурак, в этот год кончилась война... В тысяча девятьсот восемнадцатом. Именно в том году Малыш Гарри купил дом на этой самой улице, там, где теперь Торговая палата... к нему приехала его вторая жена. Это довольно запутанная история. У Малыша Гарри было четыре жены. Первая бросила его, чтобы развестись, не знаю уж там где... Минутку, на этой мексиканке он женился по контракту. Ну конечно!.. Он подписал ей контракт на пять лет, а пять лет спустя они расстались хорошими друзьями. Было еще две... Но именно мексиканка приезжала к нему в Тусон, когда он удалился от дел.

Все думали, что у Малыша Гарри было много денег... Ну а начали они жить довольно бедно, всего-то с одной служанкой... Бороду он отпустил длинную, совсем седая была. Ходил с палкой, и жена его поддерживала под руку, а следом за ними бежала маленькая собачонка. Кажется, какой-то писатель приехал из Нью-Йорка писать о нем книгу, но он не захотел.

— А дети?

— Их у него было трое или четверо... Помню мальчика... Он их отправил учиться на Восток, и я

не знаю, возвращались ли они когда-нибудь сюда или нет.

В те времена Кэли Джон жил на ранчо. Наверное, он встречал Малыша Гарри на улицах Тусона, но не обращал на него внимания. Правда, цвет бороды его удивил. В Санбурне Малыш Гарри, когда был лет на двадцать моложе, носил квадратную бородку, еще почти черную. Где Кэли Джон видел старика и старуху с маленькой собачонкой, бредущей следом? Ему казалось, что в каком-то магазине или в лавчонке.

Какая разница. В этой истории ничего не прояснилось. Баул принадлежал англичанину Роналду Фелпсу. Правильно!

Фелпс наверняка знал гамблера в Санбурне, и наверняка мы его встретим потом в Тусоне. Правильно!

Он мог приобрести у него старые проспекты, старые программки, фотографии, афиши, которыми был набит баул, — разве не все англичане в какой-то мере маньяки и коллекционеры?

Все это было логично.

Но каким образом в том же бауле, если вещи были Малыша Гарри, могло оказаться письмо, которое тот написал, а значит и отправил, и, следовательно, письмо это должно было находиться у его адресата?

И как могла там оказаться всего одна бумага, присутствие которой среди этих вещей уже совсем не поддается никакому объяснению? Эта бумага тоже была в бумажнике у Кэли Джона, но он предпочитал не смотреть на нее, чтобы не читать имени другого.

«Форм Пойнт, 15 января 1897 Настоящим удостоверяется, что нижеподписавшиеся Джон Эванс по прозвищу Кэли Джон, девятнадцати лет, и Энди Спенсер, девятнадцати лет, проживающие у своих родителей в Форм Пойнт, договорились... «

Документ этот сочинил другой, потому что он работал в городе типографом и ему случалось сочинять подобные бумаги для своего патрона.

«Кэли Джон и Энди Спенсер пускают в общее пользование сумму в двести долларов, которая послужит им общим капиталом для отправки к мексиканской границе, чтобы начать там заниматься разведением скота или поисковыми работами.

Каковыми бы ни были результаты этого мероприятия, оба обещают не нарушать своего союза до истечения двадцати лет... «

Как это казалось тогда долго — двадцать лет! И каким стариком тогда им казался сорокалетний мужчина!

Сколько времени прошлой ночью не отпускали Кэли Джона навязчивые видения? Он снова видел свою мать, в снегу, перед изгородью их фермы, и лицо другого, с темными горящими глазами, — черты у другого тогда были тоньше и лицо более нервное.

вернуться

3

Ганмен — вооруженный бандит (амер. разг).

Под этой частью документа они расписались собственной кровью. В двух экземплярах, и каждый бережно хранил свой экземпляр в бумажнике.

Когда они приехали, то были совсем детьми. Узнали про шахту в Санбурне. Три года жили как пионеры Запада. Стали ли они мужчинами?

Сегодня, если немного подтолкнуть Кэли Джона, он, наверное, стал бы утверждать, что мужчиной становишься только лет в шестьдесят.

Но ведь никуда не деть и то, что на тех же самых листочках, где еще было место, они в 1902-м дополнили текст, когда получили два смежных земельных участка, чтобы построить там то, что должно было называться ранчо «Кобыла потерялась» (это целая история, касающаяся Матильды):

«Нижеподписавшиеся подтверждают ранее данные обязательства. Они будут совместно обрабатывать участки, полученные ими соответственно на имя каждого в горах Тусона, близ Джейн-Стейшн, и что участки эти будут представлять собой один надел.

Каждый из совладельцев тем не менее будет иметь право потребовать свою часть в случае своей женитьбы».

Еще плюс пять лет. Ни у того, ни у другого не было невесты, а жизнь, которую они вели, не давала им возможности видеть много девушек. Тем не менее слово «женитьба» в их контракте появилось.

Итак, документ этот всегда был только в двух экземплярах, и свой Кэли Джон по-прежнему хранил у себя и никому не показывал, даже Матильде, своей сестре, даже Пегги Клам.

Листок, найденный в зеленом бауле, не был экземпляром другого, а только копией, очень точной копией, тщательно выполненной по одному из оригиналов.

Большая часть бумаг старика англичанина принадлежала Малышу Гарри, во всяком случае, происходила из его заведения.

Как Малыш Гарри смог заполучить копию документа, о котором должны были знать только Кэли Джон и другой.

И как несколькими годами позже, в 1909-м, когда ранчо процветало и у его двух совладельцев было больше тысячи голов рогатого скота, тот же самый Малыш Гарри за три дня до покушения на Кэли Джона мог оказаться в курсе подготовки к нему.

Он кого-то предупреждал об этом в письме. К несчастью, конверта не было.

Он предоставил этому кому-то право предупреждать или не предупреждать Кэли Джона о том, что против него замышляется.

Этот кто-то его не предупредил.

Значит, он предпочитал видеть Кэли Джона мертвым, а не живым.

Этим утром он выпил только стопку виски, потому что хотел сохранить ясную голову. Уже

день, как он чувствовал, что его обуревают желание странных поступков, и он отдавал себе отчет, что люди, с которыми он беседовал, украдкой наблюдают за ним.

Он чуть не спросил на мебельном складе, были ли они уверены, что у них нет никакого адреса англичанина, но очевидно, что адреса этого не было, о чем и было заявлено во время распродажи. Более того, располагай они им, эта распродажа не состоялась бы.

Г., О, Р. или Э?

С этой буквы могло начинаться и имя, и фамилия. Скорее, правда, имя или прозвище, потому что особенно в ту пору фамилиями вовсе не пользовались.

Письмо было написано в Санбурне. Мануэль Ромеро, человек, которому заплатили, чтобы он в него стрелял и которого он, на свое счастье, убил, был из Санбурна.

Хотя большинство тех, кто жил в городе в ту пору, умерли или разъехались, кое-кто еще жил в Тусоне, и он решил отправиться туда на следующий день.

Днем раньше Матильде издалека представилась картина, как ее брат верхом на лошади, казалось, с триумфом вел за собой такси.

В этот день, когда часы пробили три, такое же облако пыли объявило о появлении Кэли Джона верхом, другую лошадь он вел на поводу, а желтая машина следовала за ними, потому что лошадей надо было привезти с Джейн-Стейшн.

Он был столь же немногословен, как и накануне.

— Дашь нам что-нибудь поесть?

Днем он ничего не ел, а Майлз Дженкинс удовлетворился сандвичем в какой-то забегаловке.

Пока Матильда накрывала на стол, Майлз под изумленным взглядом Гонзалеса, который занимался лошадьёю патрона, отвел свою кобылу в конюшню.

— Ты что-нибудь еще привез с собой?

— Ничего...

Конверт, который он запер у себя в комнате, — не в счет. Дженкинс ел на удивление, как змея, которая набивает себя с хвоста до головы, чтобы заснуть на недели, с той только разницей, что Майлз на вид не менялся в объеме.

Потом он встал, дотронулся до шляпы, которую так и не снял:

— Что мне делать, патрон?

Только тогда Матильда поняла, что брат его нанял.

— Поищи, куда поставить машину. Займись этим вместе с Гонзалесом и китайцем. Они найдут тебе и постель. Завтра мы рано уезжаем.

Она поняла и про машину и не нашлась что сказать.

Кэли Джон, ничего не объясняя, вошел в комнату, чтобы переодеться, как у него было

заведено. На мгновение он задержался и окинул взглядом порог, отделяющий его комнату от общей гостиной. Это был большой камень, который обтесывали они вместе. Они... Он и другой...

Дом они строили из всего что попало. Он не был таким, как теперь. В 1903 году в нем была одна-единственная комната, которая стала теперь общей гостиной, остальное понемногу пристраивалось, и другого уже давно не было в доме, когда были сделаны ванные комнаты и проведено электричество.

Он снова склонился над переснятым документом.

Он разглядывал письмо, которое увеличивалось еще больше под лупой, до того, что в глазах у него заплясали черные полосы.

Он вышел, привычно кинул взгляд на лошадей в корале. Усевшись на изгороди, Дженкинс начищал до блеска стремя, а машина желтела неожиданным пятном под крышей, где хранился фураж.

Он чувствовал себя опустошенным и несчастным. Впервые за долгое время ему захотелось с кем-нибудь посоветоваться, но не было человека, который мог бы ему что-нибудь посоветовать. За окном он с трудом различал фигуру Матильды, следившей за ним взглядом: не понимая причины, она чувствовала его отчаянное состояние и не знала, как утешить его и успокоить.

Так можно или нельзя потерять тридцать восемь лет жизни? Даже собственной? Нет!

И это «нет» с такой силой рвалось из его груди, что он готов был разрыдаться.

Он оседлал серую кобылу, происходившую от той, которую потеряла Матильда и благодаря которой ранчо получило свое название.

Матильда на их ферме в Коннектикуте ездила без седла, как все дети, на неуклюжих рабочих лошадях. Когда ранчо было построено, купили лошадей, и среди прочих серую кобылу, которую выбрали для Матильды из-за покладистого нрава лошадки. В ту пору Матильде было уже тридцать. Не надеялся ли тогда еще Кэли Джон по своей наивности, что другой женится на ней?

Матильда решила испробовать лошадь сама, без посторонней помощи и час спустя она уже возвращалась пешком, прихрамывая, с расцарапанной щекой и разорванным платьем.

— Где кобыла? — закричал другой, завидев девушку.

Широким и почти патетическим жестом указав на горы, Матильда произнесла:

— Потерялась...

На поиски кобылы ушло три дня. Еще не один год над этим случаем продолжали смеяться, потому что Кэли Джон был насмешник.

Он пустил лошадь куда глаза глядят, — на тех землях в те времена торговали быками, двенадцать ковбоев за три недели с трудом сгоняли скот в кораль.

Начинался пологий подъем. Здесь были лучшие пастбища — самая зеленая часть лугов, протянувшаяся у подножия горы, их называли еще foot-hills.

Он направил лошадь вверх по склону, то с одной стороны, то с другой на глаза ему попадались его коровы, и он был удивлен, что забираются они значительно выше, чем он думал; тут он обернулся и посмотрел на равнину.

Что какой-то Г, Э, О или В решил убить его, было само по себе странно, потому что в те времена в окрестностях городов следовали скорее жестокому пограничному закону, чем государственному. Если был у кого враг, то в спину его не убивали, поскольку у каждого было право убить человека с оружием в руках.

Никому тогда, 15 августа 1909 года, не было известно, что он будет возвращаться по тропе, которую они называли между собой тропой койотов.

Никому, кроме другого...

Кэли Джон заявил ему, уезжая:

— Возвращаться буду по тропе койотов. Там нужно снова поставить загородку...

И он ее действительно поставил. Недалеко от дороги, в миле от того места, где сидел в засаде Ромеро.

Как об этом мог знать убийца? Этот вопрос сразу же пришел ему на ум, так же инстинктивно, как рука его выхватила револьвер и нажала на курок.

А то, что убийца был в курсе, это точно. Когда Кэли Джон убедился, что мексиканец мертв, он направился к его лошади, которая неподвижно стояла под дождем, и внимательно осмотрел ее. Лошадь спокойно дышала, а не водила боками, как было бы после долгой скачки, если бы Ромеро, к примеру, уже долго гнался за Кэли Джоном и, увидев, что тот сворачивает на тропу койотов, срезал бы дорогу, чтобы напасть на него из засады.

Сколько раз Кэли Джон мучился над этим вопросом и все-таки никого не мог обвинить. Он просто мало об этом думал, вот и все, тем более что рана его долго не заживала, и жара тогда стояла очень сильная.

Но как объяснить эту опалубку, возведенную посреди равнины, у его ног, около барачков поляков, над шахтой, откуда за пятнадцать лет извлекли меди миллионов на двадцать или тридцать?

Разве события не следовали друг за другом так стремительно, что это наводило на размышления?

Пятнадцатого августа 1909 года Ромеро стрелял в него, и только случай — неловкое движение или буря, лишавшая убийцу присущей ему ловкости, спасли Кэли Джону жизнь.

Двадцать третьего декабря того же самого года Энди Спенсер — уж если не произносить это имя вслух, то мысленно проговорить его было надо, страшно, но надо, — Энди Спенсер да... он был смущен, волновался и не знал, как поступить, — объявил Кэли Джону, что на Рождество он женится.

Ну и что, что это была Розита! В любви — каждый за себя. Кэли Джон первым стал ухаживать за Розитой, дочерью О'Хары, но он ни на что не надеялся, потому что думал, что он-де — настоящий увалень, а она нежная, будто фарфоровая, и красивая, как ее мать-испанка.

Он ничего не подозревал, и вот на Розите женится Энди Спенсер.

Выходит, Кэли Джон служил им ширмой. Пусть так; Каждый за себя, так каждый за себя. И на Рождество он первым поздравил жениха и невесту, а Пегги, старшая сестра Розиты, смотрела на него с тем насмешливым видом, который она сохраняет и по сей день.

И 28 декабря:

— Нам нужно произвести раздел, как это было оговорено в нашем договоре...

Почему Энди Спенсер был так смущен? В тот момент Кэли Джон решил, что из-за их дружбы, из-за того, что рвалась их давняя привязанность друг к другу.

— Самое простое произвести его на основе первоначальных наделов...

Ранчо с тех пор значительно выросло.

— Ну а постройки я оставляю тебе.

Кэли Джон протестовал против подобного великодушия.

— Почему бы не кинуть монету: орел или решка?

— Видишь ли, Розита любит город и никогда не привыкнет к жизни на ранчо. Я рассчитываю оставить здесь кое-кого, построить им что-нибудь простенькое... Легкое подозрение. Не собирается ли Энди Спенсер, его друг со времен Фарм Пойнт, войти в дела своего тестя, стать компаньоном О'Хары, которого они между собой всегда считали старым разбойником?

Между ними возникла неловкость, она не прошла ни вечером, ни позже. 1 января Энди отправился в город один с поздравлениями. Несколькими днями позже на участке Энди появились рабочие и начали возводить там строения, забивать колья для коралля, потом, к великому изумлению Кэли Джона, они стали натягивать железную сетку по будущей границе между двумя ранчо.

Сетка из колючей проволоки, вернее, то, что теперь заменяло ее, перед глазами Кэли Джона так и остается эта темная полоса, пересекающая долину.

А эта шахта, этот возвышающийся над ней скелет и халупы вокруг, в которых долгое время так никто и не жил.

Нужно вернуться к датам. Потому что все дело в датах.

Двенадцатое февраля. Свадьба. Кэли Джон был шафером, а Пегги вела себя все ироничнее, если не сказать агрессивно. Может быть, он ошибался, думая, что она издевается над ним. Может быть, она его любила? Именно на этой свадьбе был некто Клам, сорока лет от роду, прямой и величественный в своем смокинге; он был какой-то важной шишкой на шахтах Бисбея и на железных дорогах. Будь Кэли Джон попроницательнее, вышла бы Пегги за Клама замуж несколькими месяцами позже? Двадцать восьмое февраля. Юная чета возвращается из путешествия в Сан-Франциско и устраивается в доме, соседнем с домом О'Хары. Энди Спенсер привез с собой одну из первых в тех местах машину.

Он пользуется ею при посещениях своего ранчо, на которое нанял только мексиканца и метисов.

Он сохранил управляющего, который работал уже не первый год, Алоиза Риалеса, который не замедлил покинуть ранчо и отправиться в Калифорнию.

По первости Энди Спенсер почти каждое утро проезжал через ранчо «Кобыла потерялась», но задерживался там все реже и реже.

Однажды он объявил:

— Я, кажется, выбрал самый плохой участок. Мне начинает не хватать воды. На следующей неделе начинаю рыть колодец.

И действительно, люди стали возводить вышку для рытья артезианского колодца. А в мае началась жара.

Седьмого мая работы вдруг прекратились, но вода так и не пошла.

Девятого мая Энди Спенсер привез на машине Роналда Фелпса, английского геолога, а О'Хара их сопровождал.

Пятнадцатого мая Спенсер отправился в Сан-Франциско, а в городе стали поговаривать о новой шахте.

Третьего июня об этом сообщили официально. Во время бурения артезианской скважины была обнаружена медная жила, судя по всему очень богатая, была организована компания, и прямо со следующего дня начали строить бараки для рабочих, которых нанимали где только можно, особенно в Санбурне, где шахты перестали работать на полную мощность.

Все это время к Кэли Джону никто не приходил и ничего не рассказывал.

По соседству с foot-hills, с тем местом, где он сегодня стоит, он увидел первые буровые и непрерывное людское шевеление. А уведомление о создании компании он прочел в тусонской газете.

Он не ревновал. Он уверен, что никогда не испытывал ревности. Ни из-за Розиты — он понимал, что она не про него, ни из-за шахты. Да и какой он деловой человек? Он лучше чувствовал себя на собственном ранчо.

Разве кто-нибудь посмеет сказать, что Кэли Джон завидовал? Или думали, что он сердится? Разве он отказался быть шафером или даже на свадьбе не спел старинную шотландскую песню?

Энди Спенсер появился в своей машине через несколько часов после выхода газеты, правда как адвокат, с большим портфелем под мышкой. В нем ничего не осталось от владельца ранчо.

— Я прошу у тебя извинения, что не появился раньше и не держал тебя в курсе дела. Видишь ли, надо было держать дело в тайне до последней минуты. Мне немного стыдно, что мне так повезло. Месторождение может с таким же успехом находиться и на твоём участке. Кто знает? Может, тебе стоит провести несколько бурений... Роналд Фелпс прекрасный специалист...

Даты! Кэли Джон думает только о них, и это становится навязчивой идеей. Против воли взгляд его остается холодным, и ему становится больно смотреть на мальчишку, вместе с которым он уезжал из Фарм Пойнт и который стал теперь важным дельцом.

— Я привез тебе это...

Энди расстегивает портфель и вытаскивает пачку акций с названием шахты, на которых еще не просохли буквы: «Шахта „Марина“. Так зовут мать Розиты, прекрасную миссис О'Хара. К чему эта тягостная сцена? Джон отталкивает ценные бумаги, другой настаивает, Матильда неизвестно почему пускается в рев.

— Если бы зависело только от меня дать тебе большую долю...

— Об этом нет речи.

— Ты знаешь, что по факту свадьбы...

Ага, да, именно так! По факту свадьбы! Разве не полагалось, чтобы Энди вступил в свои права владения до того, как была открыта шахта?

— Прошу, не настаивай...

Спенсер в ярости уходит, унося под мышкой портфель, полный акций, которые превратились в мятые бумажки, пока переходили из рук одного в руки другого.

Даты! Еще раз даты и всегда даты! И года не прошло с выстрела Ромеро, с засады в том месте, где только Энди Сперсер знал, что Джон должен был там проехать.

А Энди женился. Энди разбогател. Энди предлагает своему бывшему компаньону пачку акций в качестве компенсации. А так как тот от них отказался, он на следующий же день отправляет чек на сто тысяч долларов и письмо, преисполненное смущения.

И не выстрел важен. Важны даты. Цепочка почти неотвратимых фактов.

Прошлое, которое разрушили, сначала измарав.

Умершая надежда. Невозможность верить в человека. Какое имеет значение, что думают, будто Кэли Джон ревнует, потому что он без всяких объяснений отправил чек и уединился на своем ранчо?

Да, у него украли больше, чем эти медные миллионы. И так, через тридцать восемь лет жизни все вновь ставится под вопрос, через тридцать восемь лет жизни и не только его, но и многих других, и все потому, что Пегги Клам, ну да, эта тогдашняя Пегги, кто всегда подсмеивался над ним, тащит его на распродажу, и он, на свою беду, покупает зеленый баул, принадлежавший старому исчезнувшему англичанину!

У Кэли Джона исчезает какая бы то ни была уверенность, даже в себе.

Он начинает сомневаться.

— Обед подан, — объявляет старику Матильда, а он-то и не заметил, что кобыла привезла его домой...

Глава 3

Когда он сел в машину, его охватила нерешительность, почти стыд.

А ведь просто машина стоит перед порогом, на котором, скрестив руки на животе, стоит Матильда и ждет, когда он уедет, а в дверь просунулась голова Пиа — полуиндианки-полуиспанки — вот и все. При отъезде присутствовал еще Чайна Кинг — ни слова не говоря, он чинил сбрую, а Тонзалес, сидя верхом на лошади, ждал, пока машина тронется, чтобы ехать поглядеть за скотом.

Майлз Дженкинс в своем обычном ковбойском снаряжении и черной шляпе на голове стоял у капота, жуя резинку и только смотря на него, длинного, тощего и хмурого. Кэли Джон понял, что чуть не сделал глупость. Он уже собрался было садиться назад, как в такси. На кого бы они были похожи; один — спереди, другой — сзади, молодой — в черной шляпе, старый cottleman [4] в такой же широкополой, только очень светлой бежевой, почти белой шляпе? Они уселись рядом, посмотрели друг на друга, нашли, что все в порядке, и украдкой улыбнулись. Дженкинс не сразу дал газ, Кэли Джон махнул рукой сестре на прощание, и они покатали по дороге.

Кэли Джон испытал некоторое облегчение, когда Матильда исчезла из виду, — так ученик чувствует себя лучше подальше от глаз своего учителя.

Он ничего ей и не сказал накануне вечером. Она у него ничего не спросила. Не в первый раз он избегал ставить ее в курс того, что его мучило. И каждый раз, когда такое случалось, она доказывала свое неизменное терпение. Она ухаживала за ним с большим вниманием. Временами она не могла сдержать чуть заметной улыбки, в которой было больше доброжелательства, чем насмешки.

Сначала это слегка сердило его, потом, через несколько дней, если такое продолжалось, он в конце концов впадал в ярость, потому что знал, что она обязательно прознает про его тайну.

Угадала ли она и на этот раз? Зеленый баул был перевязан веревками, и Матильда не могла себе позволить развязать их. Документы были под ключом. Имени он не произнес, ничего не сказал.

Этим утром, правда, кое-что произошло. Пока машина подпрыгивала на ухабах и он временами толкал плечом плечо Майлза Дженкинса, Кэли Джон припомнил инцидент в подробностях.

Когда они построили дом, то есть ту комнату, что служила теперь общей гостиной, сделали это, естественно, в стиле домов своего детства, характерном для Новой Англии. Пол выложили большими красноватыми каменными плитами, которые поначалу были шероховатыми, но в конце концов отполировались, в середине одной стены сделали камин с большим колпаком, железными подставками для дров и каминной решеткой. Два квадратных, довольно низких окна были разделены на квадратики, а стол вытесали из целого куска дерева.

Некогда, после предательства Энди, Кэли Джон молчаливо, но яростно ополчился на все, что тому принадлежало.

За один день он вынес из дома, потом из конюшен множество ящиков с разнообразными вещами, вплоть до календаря, ломаной трубки и старых тапок.

Каждый раз он считал, что покончил с этим, и постоянно находил какую-нибудь вещь, принадлежавшую другому. И через пять, и через десять лет, и еще долго после этого ему попадались под руку вещи, на которых ножом были вырезаны инициалы Энди Спенсера, или забытое на дне ящика фото, на котором сфотографировались вдвоем.

И только один раз Матильда произнесла с отчаянием:

— А если ты ошибаешься, Джон?

— Тогда все ошибаются...

Разве не за него были все честные люди или у него не было совести?

Если в городе и не знали всех деталей их разъезда, каждый смог дать ему почувствовать, что симпатии на его стороне. Кое-кто пытался заговорить с ним о зяте и новом компаньоне Майка О'Хары, но он останавливал таких махнул рукой и горько усмехнется: «Оставим это...»

Спенсер олицетворял собой могущество, которое было недостижимо. А Кэли Джон был человеком, с которым поступили несправедливо и на которого ополчилась судьба. Судьба? Он с сомнением улыбался.

Просто все привыкли относиться к нему по-особенному, не совсем как к больному, за которым ухаживают, и тем паче не совсем как к человеку, пережившему несчастье.

Например, его охотно брали арбитром в споры или же просили у него совета, как будто бы он был в каком-то роде воплощением справедливости.

Матильда никогда больше не заговаривала о том, что он может ошибаться. Правда, никогда он и не чувствовал, что она безоговорочно против Энди, как, например, Пегги Клам, которая больше чем он сам принимала в штыки своего шурина и не стеснялась показывать это на людях.

Ну так вот, через тридцать восемь лет, сидя за завтраком напротив своей сестры, пока крошка Пиа — мела пол, волоча по нему ноги, Кэли Джон обнаружил новый объект, подлежащий уничтожению.

Он рассеянно смотрел на камин. С незапамятных времен на торце каминной полки висели чашки, образуя своего рода гирлянду. Чашек таких теперь уже было не найти — необычной формы, с раскрашенными от руки жанровыми сценками, вернее одной и той же сценкой: перед низким деревенским домиком катаются на снегу дети.

Чашки были английскими. Матильда купила их у разносчика в тот год, когда они построили дом, и сама же повесила их так, как они теперь висели, — чтобы было повеселее, как она говорила.

С тех пор о чашках больше не думали. В первые годы, правда, они ими пользовались.

Кэли Джон их неожиданно пересчитал. Осталось всего четыре. Вначале было шесть. Матильда проследила за его взглядом и поняла. Первую чашку разбил однажды вечером он сам, когда помогал ей мыть посуду. Он отметил это, и как вспомнил — удивился: столько утекло времени!

Это треснутая...

Итак, треснутая была его. Когда шесть или семь лет спустя служанка палкой от швабры разбила еще одну, то это оказалась самая бледная чашка, которой никогда не пользовались.

Значит, среди четырех оставшихся была и чашка Энди.

Матильда ждала, что брат сейчас встанет с посуровевшим лицом, как он делал это, когда находил что-нибудь, что принадлежало другому или чем другой пользовался, подойдет к

камину, возьмет четыре чашки и, ни слова не говоря, бросит их в мусорный ящик.

Он и действительно двинулся, намереваясь встать, но тут же снова сел на место и опять заработал челюстями, избегая смотреть на камин. Может быть, именно это послужило причиной того, что Матильда перестала беспокоиться, и он даже немного разозлился: почему она больше не приходит в панику от его неожиданных выходов. Да и она кое-что сказала из ряда вон выходящее. Когда он выходил, сестра спросила:

— Ты вечером вернешься?

Значит, ей было известно, что он отправляется не в ближний путь.

вернуться

4

Здесь: скотовод (англ.).

Может быть, она даже точно знала, куда он едет.

Мужчины проехали Тусон и направились к восточному тракту — утренний воздух был чист, и мир казался пустынным.

Майлз Дженкинс в свои девятнадцать лет находил совершенно естественным катить по асфальтовой дороге, гладкой, как слюда или серебряное полотно — посреди красивая белая полоса и таблички, на которых вместо названий были номера.

Это больше удивляло Кэли Джона, особенно когда они проехали Нарду, повернули налево и взяли чуть выше по отрогу Скалистых гор. Тусон скрылся из виду, его заслонили высокие горы. Но мало-помалу, по мере того как приближались к Санбурну, Джон начинал узнавать знакомый ему пейзаж — эту гигантскую равнину, точнее — плато, которое отсюда казалось круглым, как тарелка без единой трещины, со всех сторон его окружали горы, которые солнце окрашивало во всю гамму цветов — от синего до красного или розового.

Ну чем не страна между небом и землей, отделенная от мира, подвешенная в пространстве из чистого хрусталя? Раньше, когда он оказывался тут, у него перехватывало горло. Он искал и не находил, как туда попасть. На какое-то мгновение он задумался, каким же образом он попадал в этот небесный цирк.

И только приблизившись к горам — на первый взгляд непреодолимому препятствию — можно было увидеть, что препятствие это отступает, затем открывает в себе проход, и он с удивлением обнаруживал, что продолжает ехать по равнине.

Это был все тот же Великий тракт, который он знал, когда по нему, как волны прибоя, катились люди — одни останавливались на обочине, чтобы построить тут свое ранчо, а другие карабкались по утесам, вгрызались в гору киркой или взрывали ее динамитом, чтобы найти в ее недрах медь или серебро.

Впервые у него в голове зародился вопрос: зачем он сюда приехал?

Родился он на влажных холмах Коннектикута, и почти все его детские воспоминания — это снег, туман или дождь. Правда, и там случался летом зной.

Кэли Джона не покидало, например, воспоминание о вишнях. Сад с вишневыми деревьями, и мальчишки, которые карабкаются на них и набивают себе животы уже поклеванными птицами плодами.

Не забавно ли перенести сюда вишневые сады? На плоскогорье, над его головой, расстилалась пустыня с двурогими кактусами, которые часто принимали форму старинных индейских скульптур, присваивая себе внешность варварских богов.

Даже на foot-hills, там, где почва была плодородная, оставалось ощущение хаоса, выжженной покрасневшей земли, изъеденной палящим солнцем как песок.

Он приехал и остался. Никогда не думал уезжать, в Коннектикут никогда больше не вернулся. И тем не менее затрундился сказать, что именно он тут любил.

Город Тусон, который вырос рядом с ним и стал настоящим городом с небоскребами и аэропортами? Да он на него и внимания не обращал и знал еле-еле.

Великий тракт остался таким же, каким он увидел его по приезде вместе с тысячами людишек, съехавшихся отовсюду — они цеплялись за землю, за горы или за равнину, убивали друг друга в случае необходимости для того, чтобы не покидать эти земли.

Машина катилась, а Кэли Джон не произносил ни слова. Майлз Дженкинс тоже. Тем не менее молчание не тяготило их, они не чувствовали, что молчат: черное и светлое сомбреро кое-где вместе наклонялись, чтобы выглянуть в окошко. Дженкинс жевал свою резинку, Джон — кончик сигары и так продолжалось целые мили, чувство общности, возникшее между ними обоими, было настолько сильно, что, когда машина неожиданно остановилась, они стыдливо вышли каждый со своей стороны и можно было подумать, что они избегают смотреть друг на друга.

Они находились у въезда в Санбурн, и остановиться им пришлось из-за огромной надписи, белых загоронок, какого-то сарая, набитого размалеванными, как на сельском празднике, вещами.

Дженкинс, наверное, бывал тут раньше, потому что прислонился к машине на самом солнцепеке и не тронулся с места. Кэли Джон, который лет двадцать в Санбурне не был, нахмурился и с агрессивной подозрительностью взглянул на хозяина сараюхи, — маленького толстяка с кирпичным лицом, одетого, как в кино, — он им рукой показал на ограду. Там был турникет, ящик вверх ограды для пожертвований посетителей.

Это место, которое Джон никогда не видел, было кладбищем убитых в этих местах людей, то, что теперь называют Boothill graveyard.

Иначе говоря, кладбище тех, кто умер насильственной смертью. Останки их свозили сюда понемногу отовсюду, потому что в те времена, когда они были убиты, убийца ограничивался тем, что хоронил свою жертву на месте преступления, и не для того, чтобы скрыть его, а для приличия.

На ровно выстроившихся в ряд крестах, как на военных кладбищах, были разные имена, известные и незнакомые, включая имена убитых женщин и детей, целых семей, уничтоженных апачами.

Нужно было только обернуться — и горы оказывались перед тобой, горы, откуда сбегали тропы, по обочинам которых индейцы устраивали свои засады.

В ту пору, когда Кэли Джон приехал сюда, спокойствие было почти восстановлено. Апачи еще тут жили, но уроки, которые преподали им шахтеры и ковбои, лишили их былой агрессивности.

Такой-то... Повешен 12 июня 1887.

Такой-то. Убит Мануэлем Б.

Такой-то... Убит...

Несколько имен из тех далеких времен. Немного. Он знал истории револьверных выстрелов, судов линча, карательных экспедиций, но это совсем не было похоже на то, что некоторые называли тогда «прекрасными временами».

Машинально он читал имена, даты. 1908... 1911...

Он знал стариков, кто в те времена, когда он здесь объявился, сумели уже стать по большей части значительными людьми и ходили в черных рединготах, светлых брюках и широкополых шляпах а-ля Дикий Запад. Они снова оказались перед его внутренним взором, они сидели за столом для фараона или рулетки у Малыша Гарри, не за теми столами, где затевали потасовки пьяные или еще не совсем пьяные шахтеры, а за теми, что оставляли для них специально и где золотые доллары возвышались перед каждым ровными стопочками.

Что говорить — его жизнь началась тут, и он насупился, увидев на последней могиле имя китайца, который был отцом его китайца, Чайна Кинга — отец его долго держал маленький ресторанчик на открытом воздухе.

Ни слова не говоря, Кэли Джон проследовал перед комичным кладбищенским сторожем, презрительно взглянув на фотографии мертвецов и повешенных, которые тот ему предлагал.

Где Санбурн? Здесь было десять тысяч жителей, и Кэли Джон — один из этих десяти тысяч. Повсюду были улицы, шахты, салуны, театр; вдоль улиц, по краям которых стояли деревянные дома или дома из необожженного кирпича, беспрестанно сновали всадники.

Город, как и халупы вокруг шахты «Марина», растаял. Теперь он был совсем маленьким, очень чистым, с одноэтажными домами, выкрашенными в белый цвет, и островками зелени.

Зачем Кэли Джон в самом деле сюда приехал? Накануне, засыпая, в неясной поэтической полудреме, он без колебания ответил бы: «За правдой».

Теперь ему не произнести этих слов, не покраснев. За какой правдой?

Правдой о пуле, которую он получил в руку? О человеке, с которым они когда-то, он и другой — длинные и тощие, как Майлз Дженкинс, — сошли с маленького поезда, в вагонах которого не было стекол, воды не хватало и он то и дело делал остановки?

Кэли Джон шагал по улицам, и ему казалось, что он совершенно один.

Среди прочих маленьких городских банков он заметил один знакомый, но тот даже находился не на старом месте. «Санбурн-палас» исчез, испарился, на его месте было пусто, какой-то перекресток, но вывеска конкурировавшего некогда с ним салуна — «Эльдорадо» — удивила Кэли Джона.

У Малыша Гарри играли, но находились у него в салунах и женщины, которые пели и

танцевали — у них были большие груди и толстые ляжки, которые подчеркивались очень узкими корсетами.

В «Эльдорадо» только играли, женщин не было, и Кэли Джон подошел к салуну, читая рекламные объявления, из которых явствовало, что заведение осталось совершенно таким, каким оно было в 1880-м, в них уточнялось, что именно этот салун посещали самые знаменитые ганмены Запада и что многие из них нашли тут свою смерть.

Он толкнул дверь и узнал бар с самой длинной стойкой, какую он когда-либо видел, с зеркалами, бутылками — старые бутылки здесь не выбросили — и фотографиями. В глубине по-прежнему стояли столы с объяснительными табличками.

— Вы знали Малыша Гарри? — спросил у хозяина, стоявшего за стойкой, Кэли Джон.

— Я здесь всего три года...

У хозяина был сильный славянский акцент. Он, наверное, обосновался в Санбурне сразу, как прибыл из Европы.

— В этой брошюре вы найдете всю историю города, — добавил он.

Справа, на улице, вернее при выходе на эту улицу, зияла дыра, похожая на вход в ущелье, — это была самая знаменитая в тех краях шахта, на которой он работал.

А совсем рядом дом, он внимательно оглядел его, и горло у него перехватило.

Именно тут в блестящие периоды, когда у них заводились деньжата, они жили оба на полном пансионе у прекрасной Луизы, довольно полной брюнетки, которая была похожа на императрицу Евгению и в которую все они были влюблены.

Иногда вечером Энди возвращался понурив голову, ложился рядом с ним у Луизы был только один просторный дортуар — и заявлял с деланным равнодушием:

— Завтра уезжаем отсюда.

Это значило, что он проигрался. Это случалось нечасто. Он не играл как все остальные. Да он и не был как все. В его облике была некая нервозность, которая не встречается у этих мужчин, выдубленных солнцем и изъеденных песком из шахт. Лицо у него так и оставалось бледным, и он был любимчиком Луизы, которая считала, что у него девичья кожа.

Вечерами напролет он, отмечая все выигрыши, сидел у стола с рулеткой и был поглощен расчетами, в которых Кэли Джон ничего не понимал. Иногда Малыш Гарри посматривал на Энди с повышенным вниманием, хотя шантрапа, к которой они принадлежали, его не интересовала.

— Сразу видно, что ты сын училки! — пошутил однажды Кэли Джон, взглянув на листочки, испещренные цифрами.

Компаньон не засмеялся, только втянул в себя воздух.

Он и правда был единственным сыном учительницы из Фарм Пойнт, так что, будучи еще ребенком, в школе был как у себя дома. Не потому ли у него так рано зародились мысли о побеге.

В двенадцать лет он заявил:

— Я уеду, и вы все обо мне еще узнаете.

В тринадцать — четырнадцать он сам выбрал себе в друзья Кэли Джона, может быть, потому, что чувствовал в том собачью покорность и преданность.

Если их наказывали, он с уверенностью заявлял:

— Пусть. Однажды они поплатятся.

Он много читал, знал все истории про Запад и границу. В шестнадцать он по случаю купил книжку по геологии.

— Думаешь, мать тебя отпустит?

— Это как ей захочется. Если отпустит, мы расстанемся по-хорошему, с поцелуями. Если нет, я все равно уеду.

А Кэли Джон бы не отважился уехать без родительского согласия. К счастью, у него было много братьев и сестер. Единство семьи не так много значило для его родителей.

...Еще одна табличка, дом, который показался ему совсем маленьким, а ведь в воспоминаниях он остался самым воплощением роскоши: театр Санбурна, который называли «Клеткой для попугаев».

Такой же, как был. Турникета больше не было, но та же конторка, где платили за вход и продавали сувениры, гид открывает дверь в пыльный зал с ложами, как будто висящими в воздухе, сцена с выцветшим занавесом, фотографии звезд: Лили Пиктон, Линда Лу, Мадам Мусташ. Блондинка Мери...

Он бы вернулся к машине и уехал, не заметь знакомый дом с верандой, а на веранде — старика, который качался в кресле-качалке. Он не мог вспомнить поначалу его имя. Его взяло сомнение: не подводит ли память, особенно из-за длинной белой бороды? Однако Кэли Джон отважился подойти поближе.

— Доктор Швоб? — поинтересовался он.

Старик взглянул на него, нахмурил густые белые брови.

— Я тебя не узнал, сынок. Тем не менее то, как ты произносишь мое имя, наводит на мысль, что ты тут когда-то был. Входи. Бери стул...

Взгляд его не утратил живости. Зубы были длинные, и из-за этого казалось, что он скалится.

— Ты с ранчо?

Странно, когда к тебе в шестьдесят восемь относятся как к мальчишке.

Доктор, правда, был значительно старше. Ему было больше сорока, когда Кэли Джон познакомился с ним. Тогда доктор был толстоват, массивная цепочка от часов пересекала белый жилет, он носил цилиндр с плоским верхом, и тогда доктора украшала квадратная иссиня-черная борода.

— Меня зовут Кэли Джон...

— Это мне ничего не говорит... Какой год?

— С тысяча восемьсот девяносто седьмого по тысяча девятисотый. В шахте...

— Я тебя лечил?

— Однажды кусок породы упал мне на ногу...

— Если не лень, войди в дом, увидишь, что кабинет остался таким же, каким ты его знал...

Темная комната с креслом, обитым черным молескином, складной столик, бледный фаянс, а на стене ковер, который выцвел еще тогда, когда Кэли Джон был тут, дипломы на иностранном языке.

— Зайди, если интересно... Меня-то вот подводят ноги. Остальное — в порядке. Да! В прошлом году я еще принимал роды, последние, в тот день господа мои юные коллеги отправились, не знаю уж там на какой конгресс медиков... Я иногда кое-кого из них вижу, приезжают, как ты, взглянуть, — как тут... Те, кто может, понимаешь? Большая-то часть отправилась Бог знает куда продолжать свою собачью жизнь... А некоторые стали богачами и влиятельными людьми, приезжают в больших машинах показать останки города хорошеньким женщинам... У тебя ранчо?

— Около Тусона.

— Как называется?

— «Кобыла потерялась».

— Кажется, я что-то про него слышал... Ты кладбище видел?

— Видел, — проворчал Кэли Джон.

— Те, кто приходят посмотреть на него, не понимают... Задают idiotские вопросы... Думают, что мы были бандитами... Они не знали этих мест в мое время с апачами, с одной стороны, которые отдавали свои земли по пяди, бутлегерами, спекулянтами, бандитами — с другой, и никого, чтобы во всем этом навести порядок, потому что все торопятся разбогатеть и безжалостно расталкивают друг друга локтями.

Закон был очень нужен, разве нет? Ну вот его и творили сами, честно, принимая риск на себя... Это не мешает тому, что те, кто сумел воспользоваться трудом тысяч животных, а люди того времени в основном такими и были, оказались теми, кто сумел взять свои денежки...

— Как Малыш Гарри, например, — отважился вставить свое слово Кэли Джон, смущенный, как перед школьным учителем.

Старый доктор взглянул на него с удивлением, губы у него раздвинулись в саркастической усмешке, обнажая длинные желтые зубы.

— Малыш Гарри всегда оставался только счетоводом. Ведь его и называли Счетоводом, знаешь?

— Да...

— И не только потому, что он был похож на счетовода, со своей бородкой и пенсне, он действительно им был.

Не знаю, где его искали, но его точно искали... Те, кому он был нужен... Понимаешь?

Казалось, он забавляется сам с собой, играя с собственными воспоминаниями, как с мячиками.

— Следи за тем, что я говорю... С одной стороны, дают деньги. Много денег, потому что для того, чтобы привлечь достаточное количество народа к шахтам, нужно было им хорошо платить... Вокруг этих работающих людей вскоре собираются проходимцы, которые поужинали в больших городах, что нужно представителям людского стада. Во-первых, алкоголь для того, чтобы хорошенько забыться вечером, когда на тебя наваливаются мысли и одиночество. Хороших шахтеров ведь не сделать из людей, которые думают, ведь правда? Потом — женщины, женщины, которые мурлычат милые и нежные песенки и суют им под нос свои пышные формы... Потом — карты, кости, рулетка, все, что угодно... Надежда заработать деньги быстрее, чем скребя землю или гоняя скот по foot-hills...

Он вынул из кармана плоскую бутылку с виски и протянул ее собеседнику...

— Если нужен стакан, в кухне есть... Служанка ушла за покупками.

Рот у него по-прежнему оставался полуоткрыт, а зубы... На самом деле, то, как он смеялся, вызывало в памяти образы, связанные с лошадьми.

— Люди, которые платят... Следи за тем, что я говорю... Толстосумы, директора, типы с Уолл-стрит, которые вложили деньги в шахты... Думаешь, им нравится смотреть, как эти спекулянты прибирают к себе денежки, которые они дали шахтерам?..

Пока денег немного, еще ладно...

Я говорю о своем времени, потому что не знаю, как это делается сейчас, впрочем...

Представь себе, что один из этих типов со своим салуном зарабатывает от пятнадцати сотен до двух тысяч долларов каждый вечер... И что он такой не один здесь, в Тусоне, в Бисбее — всюду, где люди тяжело работают...

Почему бы тем, кто платит, самим не забирать назад свои денежки? Вот, наверное, что я хотел тебе объяснить...

Нашли Малыша Гарри, дали ему на что построить самые красивые салуны, на что пригласить самых красивых баб и держать банк...

Только Малыш Гарри был просто счетоводом, и я знаю что говорю, потому что был его другом и еще за год до смерти он приезжал ко мне.

Он их не очень-то любил, клянусь тебе.

— Вы знаете, на кого он работал?

— Если бы и знал, не сказал, потому что у меня есть еще несколько лет жизни — ну да, я решил, что проживу до девяноста двух, как моя бабка, и я сдержу слово... Ну а эти годы я хочу прожить в мире...

— Вы знаете... — Кэли Джону потребовалось набрать воздуха, чтобы выговорить имя, которое

он не произносил столько лет, — Энди Спенсера?

— Я слышал о нем. Он был очень богат. Женился на одной из девиц О'Хара.

Мы вместе с ним приехали сюда из Коннектикута. Он был моим школьным товарищем. Мы родились в один и тот же день и год.

— А!

Слишком поздно. Джону захотелось вернуть свои неосторожные слова, но было поздно. Лицо старого доктора застыло. В буквальном смысле слова.

Челюсти с хрустом захлопнулись, и тонкие губы сомкнулись на длинных зубах.

В то же самое мгновение вернулась с корзиной провизии старуха негритянка.

— Она сейчас затащит мое кресло в дом...

Кэли Джон неумело помог матроне. На него пахло запахом затворника, глубокой старости — запах этот пропитывал воздух. Всюду была пыль, серый налет, и он, сам не понимая каким образом, очутился на свежем воздухе.

Случаю было угодно столкнуть его лицом к лицу с еще одним стариком, еще одним долгожителем, и этого он узнал уже с первого взгляда.

Кэли Джон подозвал к себе Майлза Дженкинса, и они пошли вместе перекусить. Небольшая гостиница высилась недалеко от старой шахты чистенькая, как новенькая, с тенистым садом.

Вошли они вместе. Пахло хорошей кухней. Седоволосая дама подошла к ним:

— Завтракать будете?

В глубине очень чистой комнаты, в плетеном кресле, сидел мужчина и смотрел на них.

— Мсье Лардуаз?! — воскликнул Кэли Джон.

Лет ему было меньше, чем доктору Швобу, и года на три-четыре больше, чем Джону, — Кэли величал его «мсье» только из уважения. Он называл его «мсье», потому что его всегда так звали, потому что и сам он всегда так представлялся: «Мсье Лардуаз...»

— Кэли Джон... Вы, наверное, меня не помните, потому что я только три года работал в шахте, в девятидесятые ГОДЫ.

Мужчина встал, на ногах он держался прекрасно и выглядел так же хорошо, как его визитер.

— Если вы хоть раз заходили в «Санбурн-палас» и играли, я узнаю вас и через десять лет! — заявил он, с преувеличенным вниманием рассматривая посетителя.

Он работал крупье у Малыша Гарри, и именно он чаще всего стоял у стола с рулеткой. Тогда у него были любимцы и цилиндр, который он снимал только при исполнении своих обязанностей. Глаза у него были светло-карие, почти золотистые, губы довольно полные, и ему с трудом удавалось придать своему мягкому и ласковому лицу суровое и собранное выражение.

— Остался в этих краях? Марта! Два аперитива.

Вермут?

— Да, спасибо. У меня ранчо недалеко от Джейн-Стейшн.

— Доволен?

— Да.

— Тогда все хорошо... За ваше здоровье! Да, время от времени старички заглядывают... Ну как, изменилось все, а? Три года назад нас в городе и сорока человек бы не набралось. Приехали врачи, нашли, что климат прекрасен для некоторых болезней. Понемножку пошло... Если заглянете в сад, увидите господ из Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, которые проходят курс лечения. Планируем расширяться. Мой сын в деле. Через два года у нас будет гостиница на двести мест...

Он представил Кэли Джона жене:

— Из старожилов... Имя не имеет значения... У него ранчо рядом с Тусоном...

Пришлось долго выслушивать про курсы лечения и будущие предприятия, и Майлз Дженкинс, прислонившись спиной к стене с календарем, неумолимо двигал челюстями, притом что лицо его оставалось совершенно непроницаемым.

— Скажите, мсье Лардуаз...

Ему не хотелось произнести что-нибудь неосторожное, как это было у доктора, расспрашивать у бывшего крупье самого Малыша о Малыше Гарри показалось ему неуместным.

— У меня был товарищ, которого вы знали, потому что он иногда играл, но больше проводил целые вечера, выписывая номера, выпадавшие на рулетке...

— Тиммерманс?

— Нет.

— Мазарес?

— Нет...

— Не торопитесь... Я их всех знал, всех игроков, крупных и мелких, что прошли перед моими глазами.

Чтобы избежать дальнейших перечислений, Кэли Джон произнес:

— Энди Спенсер...

Второй раз за это утро произносил он это имя.

— Я его прекрасно знал, потому что он появлялся, если так можно сказать, до конца... Он женился на одной из дочек Майка О'Хары. Когда он играл, то хранил такое безразличие, как ночной горшок...

— Он и в тысяча девятьсот девятом еще появлялся здесь?

— И позже... До того момента, как Малыш Гарри не убрался в Тусон. Это было началом конца. Ставни закрывались одна за другой, люди какое-то время еще здесь сшивались, потом уезжали искать счастья в другое место.

— Он приезжал поездом?

— Он слишком далеко жил, чтобы приезжать на лошади. У него тоже было ранчо, гоже, наверное, около Тусона, потому что сходил он с тусонского поезда...

— Он крупно играл?

— Достаточно... Даже иногда слишком, потому что ему случалось подписывать векселя.

Ему случалось подписывать векселя...

А ведь они жили вместе на одном ранчо! И Кэли Джон ничего не знал, и Матильда тоже! Никогда Эиди не упоминал о Санбурне, если только о нем не вспоминали.

И что, теперь не называть его имени, не произносить его про себя, когда он уже дважды назвал его.

Ну так вот — Энди Спенсер! Запрет нарушен. Джон смотрел правде в глаза.

Энди чаще, чем его компаньон, покидал ранчо, потому что покупками, продажами, формальностями занимался он. Бывало, по два дня и больше не появлялся дома, ездил ли он в Тусон или Феникс.

Итак, в эти дни он отправлялся в Санбурн. К Малышу Гарри. И играл. А в то время Роналд Фелпс жил в Санбурне...

Машина перевалила горы и теперь катила по пустыне с серо-зелеными кактусами. Вскоре в лучах заходящего солнца появился Тусон, и никак было не понять, кому пришла в голову мысль начать строить город прямо посреди сожженной солнцем равнины. Несколько небоскребов белели в поднебесье. От подножия горы веером расходились дороги.

Он остановился в городе всего на несколько минут, по привычке, чтобы, на минутку облокотившись о стойку бара «Пионер Запада», выпить виски. Он пожал несколько рук, ему показалось, что за ним следят, и он был доволен, увидев в зеркале среди бутылок отражение своего сурового и серьезного лица. Сигара во рту, тень улыбки, вид, как будто говорил: «Вы еще кое-что увидите...»

Как Энди Спенсер в Фарм Пойнт, когда он, с побледневшими щеками и резко обозначившимися скулами, заявлял: «Они еще услышат обо мне!» — и взгляд его, казалось, охватывал весь поселок.

Когда машина, поднимая за собой клубы красной дорожной пыли, подъезжала к дому, все было красным от заходящего солнца. Матильда не появилась на пороге, и по одному этому он почувствовал: она что-то знает. Ни Чайна Кинг, ни Гонзалес тоже не появлялись.

Кэли Джон толкнул заднюю дверь, старую, как ее называли, — она распахивалась прямо в общую гостиную — и увидел спину своей сестры, которая что-то говорила. Пиа, как всегда босиком, сидела в углу и чистила картошку.

Матильда, конечно же, слышала, как он подъехал, слышала машину, видела облако пыли, но она не спешила оборачиваться; взглянула на него и спросила, почти не разжимая губ:

— Хорошо доехал?

Затем, после паузы, во время которой она набрала в легкие воздуху, отважилась произнести:

— Он приезжал...

Глава 4

Кэли Джон обедал в такой тишине, что она казалась абсолютной.

Напротив него ела сестра; время от времени она поднималась из-за стола и подавала ему то-то, то-се, точь-в-точь как делала их мать для мужа и своих детей. В глубине, за кухней, был чулан, и Джон со своего места видел через приотворенную дверь тощие красно-коричневые ноги Пиа, которая тоже обедала, читая обрывок какого-то иллюстрированного еженедельника. Она первая зажгла свет на своей половине. Матильда тоже включила электричество, и именно в этот момент взгляд Джона упал на старые керосиновые лампы, которые все еще украшали этажерку.

Он чуть было не спросил, и, наверное, это прозвучало бы естественно:

«В каком году нам провели электричество? «

Он предпочел не задавать этого вопроса, считая, что фраза будет слишком банальна после той, что была произнесена его сестрой. Тем не менее он стал отыскивать эту дату в памяти, а это доказывало, что он не потерял своего естественного спокойствия. Это произошло как раз после отъезда другого, между 1925-м и 1930 годом, тогда рядом с ранчо протянули линию передач тока высокой частоты, и у Джона были сложности с трансформатором, в частности, он вспомнил, что несколько раз ему пришлось из-за этого ездить в Феникс.

Так что лампы, освещавшие комнату, в каком-то смысле не были никак «запачканы» — они появились уже после Энди. Джон с симпатией взглянул на них, потом, как это уже было утром, но с большим равнодушием, остановил взгляд на каминных чашках. Матильда должна была удивляться, видя его в таком состоянии. Обед прошел в мирном спокойствии, что заставляло думать о тягостных летних днях. Потом, пока сестра и Пиа мыли посуду, он отправился к себе в комнату за трубкой, которую изредка курил, устроился в своем кресле и принялся читать тусонскую газету. Как только служанка ушла спать и Матильда уселась у себя в уголке — у каждого был свой уголок и у другого когда-то тоже, — он положил газету на столик, выпустил клуб дыма и произнес самым естественным образом:

— Рассказывай.

— Да нечего рассказывать. Он приехал. Хотел тебя видеть...

Поначалу особенно между фразами были длинные паузы: Кэли попыхивал трубкой, а Матильда пересчитывала петли вязания, шевеля губами, как в церкви.

— Как он приехал?

— На машине, как же еще.

— Где ты была?

— Кормила кур. Из-за конюшни не увидишь, кто приехал. Я услышала машину и решила, что ты вернулся.

— В каком это было часу?

— Около четырех.

— Когда машина остановилась, ты пошла посмотреть?

— Не сразу. У меня в фартуке еще было несколько горсток кукурузы.

Он начал понемногу терять терпение. Можно было подумать, он начинает сердиться на Матильду, что та не торопится.

— А потом?

— Я подошла. Со склона увидела большую, незнакомую мне машину с шофером на переднем сиденье.

— Какого цвета? Ему хотелось знать все.

— Машина? Черная, наверное. Во всяком случае, темная, очень красивая...

— Ну и?

— Я увидела, что кто-то просунул голову в дверь общей гостиной...

Черт возьми! Энди Спенсер знал их привычки, и, если Никого не было, он мог знать и где взять ключ — в выступе стены около окна.

Еще одна неслыханная подробность. Все было сделано, чтобы изгнать малейшее воспоминание о проклятом. Можно сказать, из дома изгнали дьявола, но сохранили знакомое ему место, куда прятали ключ.

Матильда волновалась больше Джона. Грудь ее то и дело вздымалась. Она спрашивала себя, не было ли спокойствие брата притворным и не взорвется ли он с минуты на минуту, она следила за ним из-за своего рукоделия, лишь изредка роняя фразы.

— Ты узнала его?

— Не сразу...

— Из-за чего?

Это был настоящий допрос, который он вел все более и более резко.

— Не знаю. Я не думала о нем. На нем был красивый костюм из тонкого полотна, и первой моей мыслью было, что это какой-нибудь мексиканец или испанец. Я видела только его спину. Наверное, он разговаривал с Пиа.

Потом что-то в его фигуре поразило меня.

— Что?

— Не знаю... Что-то знакомое, чего я не могла определить, и тогда я сразу узнала, что это он.

— Ты его не видела почти сорок лет.

— Да...

— Тем не менее ты еще можешь узнать его со спины...

— Я узнала его, не узнавая... Не нужно нападать на меня, Джон. Ты забываешь, что я теперь старая женщина.

— Все мы старые. А он разве не старый?

Почему она не сразу ответила?

— Конечно...

— Он выглядит старше меня?

Ей захотелось сразу же ответить «да», чтобы доставить ему удовольствие, но она не смогла этого сделать. Ей понадобилось сделать над собой усилие и время, чтобы подыскать слова.

— Ясно, что он очень постарел... Ты, Джон, остался таким же...

— Он обернулся на твои шаги и узнал тебя?

— Да. В конце концов, даже если бы он меня не узнал, он понял бы, что это я. Он снял шляпу...

— Какую шляпу?

— Панаму... Он одевается теперь совсем не так, как прежде... Он одевается по-городскому и даже, скорее, как люди, которые приезжают из Лос-Анджелеса или Чикаго.

— Что он сказал?

— Он сказал мне: «Здравствуй». Не помню, «мадам» или «Матильда»...

Сначала она не хотела говорить правды, по крайней мере ей хотелось рассказать эту историю так, как хотелось бы ее услышать брату. Но это было сильнее ее, лгать она не умела, и она говорила правду, краснея, как будто лгала.

— Он сказал тебе «Матильда»...

— Возможно...

— А ты сказала «Энди»...

— Не помню сейчас, Джон... Я так испугалась, что ты вернешься и встретишь его здесь...

— Почему?

Она удивилась. Как мог он с такой отстраненностью рассматривать возможность по возвращении увидеть у себя в доме Энди Спенсера?

— Я пригласила его войти. Он сел...

— Куда?

На свое старое место, конечно. И Джон взглянул на пустое место. Можно было подумать, что он сам хочет стать свидетелем происшедшего, не упустить никаких деталей.

— Он знал, что меня нет?

— Как он мог знать?

— Видели, как я проехал через Тусон на машине. Ктонибудь мог ему позвонить из Санбурна...

— Я не думала, что ты поедешь в Санбурн.

Он не обратил внимания на ее слова. Ни сестра, ни то, что она в этот момент думала, его не интересовало.

— «Джон на ранчо?» — И он посмотрел в сторону foot-hills, откуда, как он думал, ты можешь с минуты на минуту вернуться.

— Что ты ему предложила выпить?

Были ли тому виной их шотландские предки? Если кто-нибудь к ним заглядывал, Матильда обязательно направлялась к шкафу с бутылками и тут же предлагала стаканчик бурбона и очень волновалась, если встречала отказ.

— От виски он отказался, но попросил стакан воды.

Я пошла за водой со льдом к холодильнику. Когда я вернулась, он стоял и смотрел на камин. Вид у него был взволнованный...

Теперь она осмелела, потому что спокойствие брата перестало казаться ей притворным.

— Уверяю тебя, он очень изменился. Больше всего удивил меня его рост.

Я представляла его выше ростом... Прежде, когда я на вас смотрела, вы были приблизительно одного роста. Может быть, потому, что вы были одного возраста? Ты почти на голову выше его. Он худой, и лицо у него в морщинах, морщины неглубокие, поэтому их издали не видно. Он, наверное, плохо себя чувствует, потому что у него мешки под глазами. А — ты когда-нибудь замечал у него тик? Теперь он есть... И когда я это заметила, только на этот тик и смотрела. У него постоянно дергается веко, теперь уже не помню, правое или левое.

Кэли Джон его не видел, наверное, лет пять или шесть. Да и раньше-то издали, когда Энди Спенсер проезжал мимо в машине. Поначалу им доводилось встречаться довольно часто, на родео, в клубе, у людей, которых знали они оба. Они друг с другом не разговаривали. Не замечать своего бывшего компаньона начал Кэли Джон.

Энди, казалось, удивился или сделал вид, что удивился, поскольку никакого объяснения между ними не было.

Враждебность их заметили все. Некоторые вспомнили, что между ними произошло. Но вот уже несколько лет, как Энди перестал часто бывать на людях. В клубах он не показывался, а Кэли Джон перестал ходить на частные приемы. Спенсер стал олицетворением далекой и опасной

мощи, и видели его только в глубине его собственной машины.

— Что он сказал?

— Почти ничего. Он смущался больше меня. Спросил, так и не сев: «Джон вернется?»

А так как я ему ответила, что скоро тебя не жду, он продолжал настаивать: «Нельзя ли отправить за ним ковбоя?» Я ему сказала, что тебя на ранчо нет, что ты уехал на целый день на машине, и он прошептал:

«Правда, ведь он купил машину...»

Вот и все, Джон. Клянусь тебе, все. В действительности прошло всего несколько мгновений, и если мне показалось, что это длилось долго, то только потому, что мы оба неловко себя чувствовали. Я тебе сейчас точно повторю слова, которые тебя касались: «Скажи Джону, — а говорил он медленно, с ударением на каждом слоге, — что мне бы очень хотелось с ним поговорить. Если он хочет, я приеду еще раз... Ему надо только мне позвонить, или черкнуть словечко, или передать через кого захочет...»

Если он предпочитает увидеться в городе, пусть выбирает — у меня или в конторе...»

Уезжая, он повторил: «Когда захочет... Я действительно думаю, что это нелишнее...»

Джон, в свою очередь, повторил для себя самого:

— Я действительно думаю, что это нелишнее...

И чары вдруг рассеялись. Он выпрямился во весь рост, но признаков гнева видно не было.

— Ну вот, сестричка! — обронил он, употребляя слово, которым пользовался только в редкие моменты, когда расчувствуется.

— Что — вот?

— Вот — ничего. Он приехал. Все, Приехал именно сегодня. Не старайся понять...

— Пойдешь?

— К нему?

Можно было подумать, что он сейчас расхохочется.

— Нет, сестричка, я не пойду к нему, я не буду ему звонить, я не буду ему писать и не отправлю никакого послания... И если он вернется сюда в мое отсутствие, можешь только ему сказать, что Кэли Джон им занимается...

— Ты не хочешь ничего мне рассказать?

— Не хочу.

— Ты не наделаешь глупостей? Не совершишь неосмотрительного поступка?

— Упокойся...

— Я не боюсь... Я тебе верю...

И так как он, стоя около не прекращающей вязать Матильды, похлопал ее по ссутулившимся старческим плечам, тень улыбки промелькнула по Матильдиному лицу. Она чуть было не сказала: «Я знаю, что ты не злой».

Он бы понял ее наверняка превратно. Разве она его не знала шестьдесят восемь лет? Она предпочла завершить разговор на примирительной ноте.

— Теперь я понимаю, что в нем изменилось... странно, что я это сразу не заметила... Он — в очках.

Желтая машина нырнула в зелень проезда Снобов, медленно проехала перед домом Энди Спенсера — раньше это был дом Майка О'Хары — и остановилась перед соседним домом, где жила Пегги Клам. Было два часа пополудни. Кэли Джон захотел выехать из дома прямо с утра, потому что на ранчо ему казалось, что он бездельничает, не выполняет каких-то своих обязанностей. В тот момент, в восемь утра, когда они с Дженкинсом собирались в путь, появился Гонзалес и сообщил, что жеребец-производитель заболел, Джону пришлось не один раз звонить по телефону, потом пойти на конюшню, потом провести больше часа с ветеринаром, который в конце концов явился, так что наступило время завтрака.

Майлз Дженкинс первым вышел из машины, но не для того, чтобы открыть дверцу своему хозяину, как это сделал бы вышколенный шофер.

Он просто подпер спиной ограду, которая окружала сад Пегги, как это делает человек, для которого не существует понятия времени.

Джон позвонил. Дверь ему открыла толстая индианка, широкая улыбка освещала ее блестящее лицо. Ей не надо было сообщать, что мадам — дома.

Пегги разговаривала по телефону так, как она это всегда делала, но еще пронзительнее, чем обычно. Она была во второй маленькой гостиной, с полностью опущенными жалюзи из-за жары.

— Секундочку, моя милая... Входи, Джон, дорогой... Можешь закурить свою сигару... Я освобожусь через две минуты. Это Джильда, Алло, Джильда? Это пришел мой старый приятель Джон. Ну да... Кэли Джон! Как я тебе и говорила, я хочу приспособить флигель для этих херувимчиков. Я даже начинаю спрашивать себя, не захочу ли я в один прекрасный день их усыновить... Представляешь, какие будут лица у всех этих дам?

Разговор не обещал скоро кончиться, и Джон наполовину прикрыл глаза, чтобы скрыть свое нетерпение. Повесив трубку, Пегги очень взволнованно заявила ему:

— Знаешь, какую я сыграла с ними шутку? Во-первых, ты должен знать, что Пакитины крошки просто амурчики... Я хожу их проведать в больницу каждый день. Похожи на двух маленьких хитрых обезьянок, и могу поспорить, они меня уже узнают... Отца, кажется, нет. Во всяком случае, никто не появлялся. Родители Пакиты уехали в Мексику три года назад, и она не знает, где они теперь живут. Ну вот я и хочу оборудовать садовый флигель, там будет жить нянька, а Пакита будет продолжать здесь работать и присматривать за своими малышами.

И не говори мне, пожалуйста, что я добрая... Ты слышал, как я разговаривала с Джильдой. Это чтобы их позлить, понимаешь? Подумай только, что они будут говорить... Цветные крошки у миссис Клам... Розита придет в ярость больше остальных, и очень хорошо...

Ну а что касается того, что я их усыновлю, не нужно понимать это дословно. Не нужно верить всему, что я говорю.

Послушай! Как раз вчера утром... Эго мне напомнило, что я хотела с тобой серьезно поговорить...

Телефон. К счастью, ошиблись номером.

— Десять раз на дню звонят мне, чтобы вызвав машину... Наверное, у какого-нибудь гаража номер, похожий на мой... А однажды какой-то тип орал, что я порчу ему целый день, потому что у меня все время занят телефон. Хочешь что-нибудь выпить?

Он открыл было рот, но она не дала сказать ему ни слова:

— Что я говорила? Ах да... Ничего не бойся... Это приведет меня к тому, что тебя интересует. Ты знаешь Мюриэл Мубери?

Она ему о ней сто раз говорила. Он множество раз ее у нее встречал.

Это была старая дама, вдова, как и Пегги. Муж ее был одним из главных акционеров Южной Тихоокеанской железной дороги, и жила она в третьем доме по этой улице, в третьем дворце О'Хары, том, что был предназначен для Розиты и который она занимала со времени своей свадьбы до смерти старого Майка.

В общем, улица О'Хары стала улицей Старых Дам. Их было три, они были соседками и питали друг к другу весьма разные чувства.

— Она часто заходит ко мне по утрам, потому что ни она, ни я не можем валяться в нос гели. Бывают дни, когда я спускаюсь готовить себе завтрак раньше, чем поднимутся слуги...

Ладно! Они как раз приходили вчера... Я была у себя в комнате. Она окнами на Розитин сад. Я уже забыла почему, но сейчас вспомню, Мюриэл сказала: «Какое счастье, дорогуша, что мы старые, ты этого не находишь?»

— и она скорчила при этом такую кислую мину, что обхохочешься.

Я сразу не поняла.

«Если бы я знала, что это так восхитительно, — добавила она, — я бы поторопилась стать старухой. Старуха может все себе позволить. Она говорит что думает, и люди находят это оригинальным... Она может позволить себе любую глупость, а ее называют дражайшей старой леди...

Бывают вечера, особенно когда я ужинаю у людей, которых не люблю, когда я сочиняю себе самый немислимый туалет, а все кричат, что это восхитительно... Пегги с удивлением взглянула на телефон, который уже столько времени молчал. Может быть, она досадовала на Джона, что он оставался равнодушным к ее истории?

— Во всяком случае, это правда... — заключила она. — Я делала то же, что и она, но так серьезно об этом не думала. Вот только Розита все еще никак не решится постареть и кривляется... А ведь она... постой... на шесть лет моложе меня... И ей между тем пятьдесят девять... Она не понимает, что теряет время... Кстати, с чего это ты купил машину, а мне не сказал?

— Откуда ты знаешь?

— От моего шофера, у которого приятель в гараже, где ты купил эту колымагу... Я знаю и сколько ты заплатил... Тебя надули как раз на четыреста долларов. Твой ковбойский шофер ничего в этом не смыслит...

Убедишься, когда что-нибудь сломается. Он может перепутать свечи с карбюратором. Постой... Я еще кое-что знаю. Ты ходил к фотографу, и там опять тебя надули.

— Мамми! — громко крикнула она вместо того, чтобы нажать на звонок, потому что все двери были открыты. — Принеси бурбон для моего друга Джона. И мне тоже стаканчик...

Ему не удалось еще вставить и слово. Она то и дело клала ему на колено свою нервную руку, чтобы привлечь к себе внимание и заставить себя слушать не прерывая, и она прекрасно знала, что злит его таким поведением.

Она давно уже была такой и, может быть, даже всегда, даже когда была девушкой — уже старой девой, потому что ей тогда было двадцать восемь лет, — и она своей агрессивной иронией мешала Кэли Джону за собой ухаживать. Тем не менее она, наверное, любила его. К какому разгулу могло это привести теперь, когда другая сумасшедшая, эта Мюриэл Мубери, открыла ей глаза на преимущества быть старой леди?

— Выпей сначала... Увидишь, что это важно и что стоит терпеливо выслушать все подробности... И что это телефон так долго молчит?

— Мы сидели у окна на моей козетке. Рассеянно смотрели в Розитин сад, где садовник поливал... Она, наверное, так сидела часами, смотря не в сад, а шпионя за своей сестрой и зятем.

— Знаешь, где... где... Она замялась, произнести ли ей запретное имя.

— Энди Спенсер, — грубо сказал он, с некоторым нетерпением. Она удивленно взглянула на него, пожала плечами.

— Хорошо, если теперь можно... Я так привыкла говорить некто...

Правда, он большего и не заслуживает. Я тебе должна рассказать, что он мне учинил... Ты знаешь, где некто устроил себе кабинет... Во флигеле, что в глубине парка... Мой отец, который был просто грубым ирландцем и происходил, кажется, от дублинского сапожника — этого не нужно говорить Розите, — так вот, мой отец, он устраивал себе контору в своих магазинах... Не уверена, помнишь ли ты... Его там видели прогуливающимся между полок — коренастый, приземистый... С отцом мог заговорить кто угодно, пусть даже он его и поставит на место, если плохое настроение...

Он, случалось, и выпивал вместе с клиентом в баре... Свое состояние, понимаешь, он сам его себе сделал. В то время как господин его зять, который так увеличил его предприятие, что сам в нем запутался, и который контролирует все возможные предприятия, носа не показывает в своей конторе, появляясь только на административных советах... В это время он всегда в этом флигеле, вот! Можешь посмотреть на него через окно! Он там в совершенном одиночестве, только секретарь и громала метис, который охраняет дверь как бульдог... Время от времени какие-нибудь высокопоставленные персоны появляются из-за ограды, минуют дом и направляются прямо во флигель. Можешь быть уверен, что их не зовут незнамо как... И вот эта душка Мюриэл вдруг вскрикивает — я это помню, потому что мы говорили совершенно о

другом: «Смотри-ка, фотограф!» Я ее спрашиваю: «Какой фотограф?» И смотрю в сад. Вижу двух типов, которые не знают, идти им или не идти по аллее, которая ведет в глубь сада. Один такой длинный недотепа с темными усиками...

— Фотограф! — прорычал Кэли Джон.

— Да, твой фотограф, идиот, а не фотограф. Другой — такой низенький еврей, которого Мюриэл тоже узнала. Нужно тебе сказать, что два года назад она решила стать скупой... Для развлечения... Она уверяет меня, что это очень забавно, что люди сами, из-за ее такой славы, назначают ей цены... Она несколько раз ходила к этому фотографу, носила ему проявлять пленки. В соседнем доме там лавка старьевщика, где продают что угодно, и этот коротышка еврей, о котором я говорю, все время торчит у двери, приглашая прохожих заглянуть внутрь, стоит им только сделать вид, что их что-то заинтересовало на витрине.

Было похоже, что ни тот, ни другой не чувствуют себя в парке Энди Спенсера уверенно. Может быть, кто-то их сюда направил... Как только они показали бульдогу бумагу, которую тот, что был выше, держал в руке, их тут же впустили... Я думаю, они сначала обращались куда-то в другое место, в контору, может быть... Они выложили свою историю, там позвонили патрону, который дал инструкции... Пей...

Телефон. Она в очередной раз рассказала историю о старых леди.

Очевидно, еще одной старой леди, которая, может быть, тоже воспользуется наставлениями Мюриэл, если уже не воспользовалась по наитию.

— Представляете, у меня этот дорогуша Джон... И изнемогает от нетерпения, потому что я уже полчаса рассказываю ему интересующую его историю.

Он решил, что она сейчас будет ее пересказывать по телефону.

— Потом, дорогая... Попозже... Я буду очень удивлена, если об этом не заговорят в городе со дня на день.

Наконец, избавившись от трубки:

— Интересно, что этим двум нищим нужно у большого патрона...

Честно говоря, Джон, дорогой, я уже и не знаю, я или Мюриэл это сказала. Наверное, она, потому что, так как он хозяин дома, где она живет, она привыкла называть его большим патроном. Не серьезно, конечно...

Ее у них принимают, понимаешь? И она тоже... Я таким образом много чего узнаю... Они знают, что мы дружим, но не смеют закрыть перед ней дверь.

Я так и вижу, как она встает и говорит, как всегда, с этакой насмешкой:

— Хочу посмотреть, что там такое...

Она взглянула на себя в зеркало, поправила волосы и вышла, пообещав мне с легкой гримаской:

— Сейчас вернусь...

Для нее — никаких проблем. Она входит запросто. Говорит, что ей надо поговорить с Энди

Спенсером по поводу ремонта или там еще чего-нибудь...

Я знаю, как она расталкивает людей. Она двигается прямо к намеченной цели, делая вид, что ничего не видит, и даже сам бульдог был бы не в силах остановить ее перед дверью, что бы ни было на ней написано.

Именно так она и сделала. Я боялась, что эти двое нищих успеют выйти, пока она еще будет идти через парк. Но нет... Она вошла туда как к себе домой. Дверь снова закрылась, и только минуты через четыре или пять из нее появились этот фотограф с соседом.

Вид у них был растерянный. Они еще и до ограды не дошли, как начали спорить, размахивая руками, как в комедийном фильме...

Особенно злился фотограф и насккивал на своего компаньона, который был на две головы ниже его и одежда на нем висела как с чужого плеча...

Как пешком пришли, так пешком и ушли. Десять минут спустя дверь флигеля отворилась. Энди Спенсер, как всегда одетый с иголки — он теперь наряжается, как идальго, — сам как светский человек провожал мою Мюриэл, которая не могла удержаться и подмигнула моему окну, пока шла по парку.

«Он в ярости! — заявила она торжествующе, падая на канапе. Он синел, зеленел, краснел, не знаю что еще, бледнел от ярости... Когда я вошла, был самый разгар... Охранник попытался меня остановить. Там был еще и секретарь, которого выставили за дверь в честь фотографа и этого коротышки еврея.

Я прямо пошла к двери, открыла. Он говорил — сухо, очень быстро, как будто автоматными очередями...

— Мюриэл, позвольте...

Но я вошла как ни в чем не бывало. Оба этих проходимца стояли с шапками в руках, как при головомойке. У коротышки был такой вид, что он удерживал фотографа. «Дорогой друг...» — Энди не знал что делать. У него в руках был какой-то листок. Он взглянул на посетителей и сухо сказал:

«На этот раз можете идти».

Пегги Клам прервала свой рассказ и сделала глоток бурбона.

Но Кэли заговорил с такой настойчивостью, которой она в нем и не подозревала.

— Какой листок? — спросил он.

— Это была фотокопия какого-то документа. Энди не знал, что с ним делать. Он положил его на заваленное бумагами бюро и, делая вид, что ничего не случилось, попробовал прикрыть другими бумагами. Но ты знаешь Мюриэл...

— Да... да! — почти заорал он.

— Ага, ты разволновался, мой маленький Джон! Она крутилась вокруг стола и Бог знает что плела про водосточные трубы... Она то и дело теряла перчатки и находила их постоянно около этого документа. Таким образом она смогла прочесть дату...

— А я ведь уничтожил пленку, — растерянно заметил Джон.

— А ты, может, еще заходил с фотографом в темную комнату?

— Я стоял у двери.

— Что не помешало ему сделать два отпечатка вместо одного... Он тут недавно... Я узнавала... Приехал с Востока лет пять назад. Может, он и не специально сохранил второй отпечаток... Может быть, первый был слишком бледным... Прочел он его только после того, как ты ушел. Он был заинтригован. Рассказал об этом соседу» а тот тут уже лет тридцать пять.

Теперь понимаешь? Он, наверное, видел, как ты ехал в своей машине. Он тебя знает в лицо. Тебя все знают. Знают, что ты был компаньоном Энди Спенсера и что когда-то между вами что-то произошло.

Знают также, что ты не богач, если не сказать больше. Оба приятеля решили, что умнее и выгоднее будет пойти к могущественному Энди Спенсеру. Они рассчитывали хорошо получить за документ... А вместо этого попали на молодца, который дал им фору, который, наверное, их на славу тряхнул и пригрозил полицией или уж не знаю чем...

Видишь, старухи еще кое на что годятся! Ты нашел документ в бауле старого Роналда Фелпса. Ты вдруг стал более скрытным, чем какая-нибудь дама из клуба, а одному Богу известно, какие они скрытные! Ты купил машину, платишь шоферу, который ничего не смыслит в механике, и поехал прогуляться в Санбурн.

— Откуда ты знаешь?

Он представлял Пегги Клам в самом сердце сети сложных интриг, а на самом деле все было так просто!

— Ты что думаешь — на дороге одна-единственная машина, которая принадлежит некому Кэли Джону, который наивнее самой Пакиты? Будь ты девицей, уверена, что ты бы тоже мог дать себе сделать двух близнецов и не подозревать об этом...

Гарриет? Знаешь? Жена доктора Райана... Моя приятельница. Она часто приходит в клуб. А звонит почти каждое утро.

Сколько же раз на дню перезваниваются вот так тусонские старые леди?

— Она вчера возвращалась из Бисбея через Санбурн и видела, как ты слонялся как неприкаянный около «Клетки для попугаев», а твой ковбой стоял, прилипнув к стенке, с таким видом, будто его сейчас будут расстреливать...

Теперь, Джон, дорогуша, выпей-ка большой стакан бурбона и начинай мне все рассказывать сначала.

Он машинально выпил виски, потому что она вложила ему в руку стакан.

Он искал и ее мог найти, с чего начать. Сопrotивляться власти Пегги ни был не в силах. Он только и нашелся, что сказать: «Он приезжал вчера днем на ранчо, чтобы увидеть меня...»

Тут она перестала насмешничать и ломать комедию.

Она смотрела на него из глубины кресла, и глаза ее стали жестче; после долгой паузы она

наконец произнесла:

— Тогда это серьезнее, чем я думала...

Он решил, что она попросит его показать письмо, но она думала в этот момент о другом.

— Когда ты приходил последний раз, я говорила тебе о ранчо Санта-Маргарита, которое у нас — у сестры и у меня — в общей собственности. Я тебе сказала, что он хотел оросить земли, чтобы сдавать их внаем или продать частями, так как ранчо, такое, как оно есть, непродуваемо, так как слишком велика площадь. Мне это было подозрительно. Я чувствовала что-то неладное. Теперь я навела справки.

Работы, необходимые для раздела земли, финансирует не он. Это некая компания, которая работает вместо нас — я говорю «нас», потому что там моя половина, — и которая нам тут же, кроме некоего количества акций, выложит кругленькую сумму. Понял? Это, видишь ли, значит, что Энди Спенсеру нужны деньги. И знаешь почему?

— Не знаю.

Он слушал ее, пораженный, он восхищался неожиданным спокойствием и авторитетностью своей старой приятельницы.

— Ты газеты читаешь? Если да, то, наверное, плохо. Что сейчас происходит в Вашингтоне? Некто Дж. В. Акетт имеет несчастье предстать перед сенаторской комиссией. Этот господин был во время войны одним из крупных поставщиков самолетов. Теперь его обвиняют в том, что он получил эти контракты благодаря очень хорошо оплаченной любезности высокопоставленных чинов администрации... Кажется также, у него поддельная бухгалтерия, и стоит вопрос потребовать с него сорок миллионов.

Кэли Джон не двинулся, он чувствовал себя немного потерянным; внимательный, как туго соображающий ученик, он пытался установить связь между всем тем, что он только что услышал, а сам и думать забыл, что может поставить на столик пустой стакан, который ему мешал.

— Ну так вот, мой маленький Джон, Акетт не просто Акетт... Ему нужны были деньги, чтобы начать дело. Те, кто их ему дал, по большей части остались в тени. И того, кто дал самую большую сумму, зовут Энди Спенсер. Он может разориться не сегодня-завтра. Его судьба зависит от решения суда, которое будет через несколько дней. В Тусоне под угрозой разорения десять — пятнадцать компаний, магазины, ранчо, банк, транспортное предприятие — все, что он запустил, или то, в чем у него есть доля. А так как он, насколько мне известно, изворотлив, я не буду удивлена, если удар падет на меня и я на следующей неделе окажусь на соломенной подстилке...

Она расхохоталась, и он на секунду заподозрил, что все это было просто новой шуткой старой дамы. Но нет! Смеялась она слишком нервно.

Посмотрела налево, потом направо, как будто показывала на два огромных здания, стоявших по обе стороны от ее дома:

— Представляешь, все мы — на соломенных подстилках! Все старухи с этой улицы! Потому что, представь себе — и это самое смешное! представь себе, что эта индюшка Мюриэл вложила почти все свое состояние в дела Энди...

Пегги резко оборвала смех. Голос изменился.

— Ну а теперь покажи мне свою бумажонку, — приказала она.

Глава 5

Двумя часами позже он был пьян в четвертый раз за свою жизнь, и на этот раз по вине Пегги Клам, из-за Пегги, к которой, как он это только что объяснил своему другу Борису, питал чувство, похожее на засушенный между страницами книги цветок. Объяснить это было нелегко, но русский понял и крепко пожал ему руку своей влажной рукой.

Как вообразить, только вообразить возможность того, что произошло?

Она сидела перед ним в кресле и, как всегда, смеялась несколько пронзительно. Интонация ее изменилась, но это была дружеская интонация кто лучше него знал, когда Пегги меняла интонацию? Даже Клам, который то ли существовал, то ли нет, должно быть, хуже понимал свою жену, чем он, Кэли Джон. Дружеским тоном, совершенно дружеским, она приказывала ему:

«Покажи мне свою бумажонку...» — она всегда делала вид, что командует, даже нападает, не всерьез, из лучших чувств.

В тот момент он все еще держал в руке пустой стакан.

Если Пегги начинала говорить, надо было сидеть и слушать, потому что она не выносила, когда ее перебивали. Так что он поставил стакан на столик около пепельницы, вытащил из кармана фотокопию, так как оригинал закрыл у себя в комнате перед отъездом.

Выслушав сенсационные новости, которые она ему изложила, он не рассердился и, в свою очередь, показал ей свою маленькую находку.

Пегги читала, сидя напротив, и он был уверен, что она прочитала письмо с начала до конца, по крайней мере то, что можно было там разобрать. Затем, не глядя на него и не говоря ни слова, она встала и засеменила через гостиную. Он с удивлением следил за ней взглядом, спрашивая себя, что она могла искать таким образом, а она вернулась с очками, которых он никогда на ней не видел, — вероятно, она их прятала из кокетства. На этот раз она решила не садиться. Уже стоя она прочла письмо еще раз, губы ее шевелились, правая рука теребила дужку очков.

— Можешь забрать это, — произнесла она, наконец протягивая документ.

Голос звучал по-другому, звучал именно так, чтобы дать понять человеку, что она презирает его за то, что он занимается этим обрывком бумаги, который она тем не менее только что схватила, как какое-нибудь лакомство. Избегая поднимать на него глаза, она продолжала стоять и с трудом скрывала свое желание избавиться от Кэли Джона; ситуация становилась тягостной, и тут наконец ее спас телефонный звонок.

Он знал что говорил. Ничего не преувеличивал. Все, что он теперь думал, он уже думал до того, как выпил. Даже Пегги, разговаривавшая по телефону, не была похожа на настоящую Пегги. Она была одновременно холодна и нетерпелива. Она была рассеянна и быстро закончила разговор.

— Ты меня извинишь? Меня ждут, и мне надо успеть переодеться.

Ни слова о письме. Ничего. Она не смотрела, как он уходил, не проводила его, только сухо бросила:

— Закроешь за собой дверь.

Через мгновение он был уже на улице, где Майлз Дженкинс не спеша отлепился от ограды, но Кэли Джону хотелось пройтись.

— Подожди меня около «Пионера Запада».

Если его предала Пегги, то что ему остается? Он чувствовал полное смятение. Смятение его, наверное, было заметно, потому что Боб, сын Энди Спенсера, остановивший свою спортивную машину напротив отцовского дома, взглянул на Кэли Джона не с привычной иронией, а с удивлением.

Он еще не выпил, но шел уже как пьяный, настолько был выведен из равновесия. Он толкнул дверь «Пионера Запада», взгромоздился на первый попавшийся табурет и ни с кем не поздоровался. Какой-то бас рядом с ним произнес:

— Два бурбона, Джим... Двойных...

Он был так далек от всего, его окружавшего, что только через несколько минут поднял голову, удивленный акцентом говорившего, — это произошло как раз тогда, когда бармен поставил перед ним двойной бурбон, а сосед справа, который стоял опершись о стену, произнес звучным голосом, встречающимся только среди хористов:

— За твоё здоровье, Джон Эванс, друг мой!

Переходить на другое место или уходить было слишком поздно. Русский, заказывавший выпивку на двоих, приглашал его с ним чокнуться. Он уже, наверное, был пьян. В это время он всегда был пьян.

— Тут постарались меня убедить, что ты поменял лошадей на автомобиль...

Для тех, кто знал его отца, слышать голос Бориса было наваждением.

Отца его тоже звали Борис, второе его имя было труднопроизносимо, и его им никогда не называли.

Он умер, когда Кэли Джон вместе со своим компаньоном приехали в Санбурн, но, пока был жив, успел прославиться. Сын, когда они тут обосновались, приехав из России году, наверное, в 1900-м, был мальчишкой, ему было лет пятнадцать.

— Вид у тебя несладкий, дружище, и заботы Джима тебе пойдут на пользу. Еще два виски, Джим.

Он имел привычку пить залпом. Иногда, даже не давая себе труда ставить стакан на стойку, он протягивал его бармену, чтобы тот его снова наполнил.

С годами Борис приобрел фигуру отца и стал похож на него. Толстым он не был, но фигура его утратила четкие очертания, лицо было розовым, а голубые глаза несколько выдавались из орбит.

Но самым удивительным был его голос, он настолько напоминал голос другого Бориса, что

казалось, отец восстал из мертвых, именно голос и акцент, потому что, хоть Борис и провел всю свою жизнь в Америке, он полностью сохранил русский акцент, странные, нарочито помпезные обороты речи.

Некогда утверждали, что Борис-отец принадлежал к аристократическому роду и был блестящим офицером царской гвардии. Был он красавцем и первостатейным кавалером. Отец тоже крепко пил, играл по-крупному, подносил роскошные подарки танцовщицам, которых Малыш Гарри приглашал из Нью-Йорка, и гастролировавшим в «Клетке для попугаев» актрисам. Когда он ходил в театр, то брал для себя одного целый ряд, за который платил двадцать долларов; желающие попасть на спектакль тем временем оставались на улице, поскольку мест не хватало. Утверждали, что он бы мог оклеить свою комнату необеспеченными чеками и векселями, которые подписывал, но не признавал.

Тем не менее кредит Борису-отцу всегда открывали, потому что он в конце концов возвращал себе свое положение. Нюх изыскателя у него был почти невероятный. Именно интуиция прославила его среди старателей.

Случалось, как-нибудь поутру, выпучив глаза и едва ворочая языком, он объявлял:

— Пойду-ка я найду жилу...

Негр, которого он взял к себе слугой, следовал за ним верхом. Самое удивительное, что Борис почти всегда возвращался, найдя какое-нибудь месторождение, которое тут же перепродавал или проигрывал.

— Джон Эванс, — говорил сегодня его сын, — твое сегодняшнее настроение наводит меня на мысль, что ты идешь с улицы О'Хары...

А поскольку его сосед в изумлении открыл рот, он положил ему руку на запястье и продолжил свою речь:

— Я даже спрашиваю себя, не заходил ли ты в первый дом, который был дворцом этой собаки Майка... Тихо!

Бориса-отца повесили. Не за чеки и не за долги — за это людей не вешали. И не потому, что ему случилось убить, как и всем, двоих или троих проходимцев, которые этого заслужили.

Повесили его из-за лошади.

В те времена закон границы применялся по всей строгости, а закон границы гласил: «Тот, кто украдет или убьет чужую лошадь, будет повешен».

Однажды, когда старый Борис был трезв и, наверное, тосковал по своей стране, он заявил:

— Пойду и убью лошадь.

За ним увязались несколько человек, среди которых были и друзья Бориса. Каждый раз, как Борис видел всадника, он внимательно оглядывал лошадь под ним и качал головой:

— Эта лошадь не заслуживает смерти, красивое животное...

Так он проходил около двух часов, и многие уже решили, что он отказался от своего плана. Тем временем местная газетенка под названием «Санбурнский курьер» крупно напечатала:

«Сегодня вечером повесят Бориса». И его повесили. Он убил лошадь под человеком, когда тот на нее садился, выбрал он кривую скотину, еле передвигавшую ноги. Он спокойно вернулся в город в сопровождении своего эскорта.

— Я убил лошадь...

Может, он думал, что для него сделают исключение? Многие надеялись на это. Бориса очень любили. Его оригинальность, эксцентричность забавляли.

Но закон есть закон, и люди тут ничего не могли поделать.

Борис-сын видел, как болтался на веревке его отец.

— Дружище Джим, я буду тебе до смерти благодарен, если ты нам быстренько повторишь...

Джон вышел из оцепенения, попытался было протестовать, но компаньон сжал ему локоть:

— Молчи, друг... Я знаю причину своих самых необъяснимых поступков...

После этой порции виски мы с тобой покинем место, где слишком много ушей для такого количества людей...

Начиная с этого момента Джон отдался воле волн. Может быть, отчаяние было тому причиной. Предательство Энди Спенсера причинило ему меньше боли, потому что обнаружил он его не сразу. Но Пегги! Или он был слишком чувствителен и что-то сам себе придумывал? Ну нет! За одно мгновение она перестала быть ему другом. А ведь это была женщина, на которой он раньше не задумываясь бы женился. Ей это известно. Она давала ему понять, что была бы счастлива с ним. Так что выходило, будто бы они и были женаты.

Он любил Пегги даже больше сестры, которая посвятила ему всю свою жизнь и ухаживала за ним, как за ребенком.

Стоило ему подумать о Матильде, которой он так ничего и не рассказал, а Пегги Клам выложил все, как слезы навернулись ему на глаза.

Да, Пегги стала ему врагом. Она холодно смотрела на него, это она-то, кто так не смотрел ни на кого, даже на Энди Спенсера, которого презирала.

Что он ей сделал? Протянул фотокопию письма. Она дважды ее прочла. Он сделал попытку что бы то ни было понять, потом это утомило его, и мысли незаметно приобрели совсем другой оборот. Язык ему переставал повиноваться, ноги становились ватными, и поэтому он, например, увидел себя пятнадцатилетним мальчишкой в Фарм Пойнт. Вчетвером или впятером сидели они вокруг Энди Спенсера, играли на гармонике и курили сигареты, которые кто-то притащил тайком.

— Нам бы водки... — постановил Энди. — Кто может найти бутылку водки?

Мальчишки знали, что Эванс-старший несколько лет гнал из остатков пшеницы что-то вроде джина, который почти никогда не употребляли, разве что как лекарство, когда кто-нибудь заболел гриппом, или мочили в нем бумагу, чтобы закрывать горшочки с вареньем.

— Иди...

И Джон пошел, спрятался, чтобы взять в погребе бутылку. Крал впервые.

До этого он никогда так не делал.

Они выпили, и на следующий день Джон оказался в постели больным; не один час старался он припомнить события прошедшего дня и выяснить, когда же он предстал перед собственным родителем.

Во второй раз он перебрал в Санбурне, у прекрасной Луизы, где они столовались и жили. Они что-то праздновали, наверняка открытие какой-нибудь жилы. Какой-то тип, которого он и сейчас узнает, если встретит, Наверное, бросил ему в стакан наркотик или смешал напитки, потому что Кэли Джон впал в буйное опьянение, завязал драку, сломав стулья, побив зеркала, и все норовил выстрелить из револьвера по керосиновой лампе.

Третий раз...

— Идем, дружище Джон...

Русский подчеркнуто не называл людей по прозвищам, а как было положено — по именам, если таковые у них имелись. Он же незаметно поддерживал Джона, пока тот спускался с табурета и пока они выходили вдвоем из «Пионера Запада».

Третий раз... Зачем Пегги так сделала, почему?

Он с трудом различил Майлза Дженкинса, который сложил вечернюю газету и направился к машине. Борис благородно заявил ковбою:

— Не стоит, друг мой... Мы к вам еще подойдем...

Стемнело уже или нет? Машины ехали, Борис решительно вел его между ними, останавливая на краю тротуара, когда загорался красный свет.

— Небольшой бар, дружище, для настоящих ценителей, не шикарно...

Здесь нет зеркал на стенах, и те, кто сюда приходят, не выдают себя за благородных.

Ну ладно! В третий раз это случилось через несколько месяцев после предательства Спенсера. Кэли Джон еще участвовал в родео, как большинство скотоводов. У него была прекрасная кобыла, которую он возил в Феникс, Бисбей — повсюду, где проходили родео.

Это было восхитительно. Поле, трибуны, лозунги, гирлянды, все в ботинках и безукоризненных шляпах, а он — тщательно выбрит. Его весело вежливо окликали: «Хелло, Джон!..» Жали руку. Настроение у всех прекрасное. Говорили о лошадях, только о лошадях. А то, что ты находишься там, где отведено место для владельцев лошадей, в то время как толпа сгрудилась вдоль барьера, давало приятное ощущение собственной значимости.

Он не был гордецом. Он не бросал вызова, никого не давил, как Энди Спенсер. И тем не менее было приятно чувствовать симпатию и уважение всех этих людей, которые преуспели в жизни и играли важную роль в обществе.

Это он, малыш Кэли Джон, среди них: мальчишка из Фарм Пойнт, который до семнадцати лет носит только латанные штаны своих братьев. И он же санбурнский рудокоп, обедал некогда на 25 су в открытом китайском ресторане.

Кобыла его выиграла, причем впервые. Он был настолько рад, что принимал поздравления со

слезами на глазах и пошел за господами, которые хотели отметить его победу на всю катушку. Он выпил шампанского, настоящего, потом виски, потом...

Так! Конец был невеселый. Но то, что ему предшествовало! И это тоже украл у него Энди Спенсер. Это и возможность получить назначение на какой-нибудь пост, ну например, стать deputy-chenff [5].

И клубы тоже. Он любил клубы, где встречались воспитанные люди. Кэли Джон совсем не был тупицей, как некоторые думали, так как уже много лет носа не показывал с ранчо.

Зачем выходить, когда всюду он сталкивался с Энди Спенсером? Энди президентствовал всюду, где только можно было представить — родео и клубы, бега, политические и благотворительные общества. Именно он и Розита неминуемо восседали на почетном месте. Это смущало тех, кто дружил с Джоном, но хотел сохранить свои отношения с большим хозяином.

Не хотелось предавать Кэли Джона, но и афишировать свои отношения с ним тоже не хотелось.

Вот поэтому он перестал куда бы то ни было ходить. Он по-прежнему носил безукоризненные сапоги, шляпы нежнейшего бежевого цвета, но делал это для собственного удовлетворения, может быть, для того, чтобы совсем не опуститься.

— Входи, друг, и забирайся на один из табуретов, которые ждут тебя...

Он, наверное, не сумел бы снова найти этот бар, который, должно быть, находился в нижнем городе, около мексиканского квартала. Стены были выкрашены в синий цвет. В синий или зеленый? В глубине зала стояли автоматы за одно су, за столами сидели ковбои, странные люди, которые не обращали на них внимания, а бармен-китаец знал Бориса, потому что без предупреждения подал им два двойных бурбона. Поговаривали, что русский мог выпить не больше чем за четверть часа сорокадвухунцевую бутылку и после этого идти не качаясь.

В нескольких милях от города, если ехать к индейской деревне, у него было ранчо, но это было не настоящее ранчо. В этой пустыне, где росли только кактусы, с трудом можно было прокормить быков двадцать, не более.

У него были лошади, голов тридцать, которых он давал внаем туристам.

Было и несколько комнат, которые он уступал тем гостям, кто платил деньги — гостям с Востока, конечно, — тем, кто хотел поиграть в ковбоев.

Ему первому пришла в голову эта идея, и теперь в тех местах насчитывалось сорок таких фантазийных ранчо, которые назывались Dude Ranches.

Борис, как и его отец, был первоклассным наездником. Когда он на несколько лет исчез, он ездил с цирком, где показывал школу выездки. Еще и сейчас, во время конных праздников, он почти всегда выступал с этим номером — фрак, цилиндр и стек с серебряным набалдашником.

— Известно ли тебе, дружище, что в этот момент происходит нечто из ряда вон выходящее? Ты, возможно, не заметил, что в баре, откуда мы идем, некоторые смотрели на тебя с большим любопытством? В воздухе, как пчелы, роятся слухи, и, может статься, в одно ближайшее утро Тусон проснется, а в нем началась настоящая революция...

Это становилось забавно. Кэли Джон понимал, что его собирались подвести к событиям, о которых ему говорила Пегги, и тем не менее думал не об Энди Спенсере и слушал своего

соседа только вполуха.

В этот момент его интересовал он сам, как будто бы Кэли Джон был другим человеком, на которого он смотрел со стороны и о чьей жизни рассказывали.

Завтра ему будет за это стыдно. Потому что из-за спиртного, от которого ему не хватало мужества отказаться, он расслабился, это он-то, который всегда вел себя так достойно. И не его ли достоинство вызывало уважение, и не благодаря ли этому достоинству завоевал он всеобщую симпатию, в то время как Энди Спенсер его обманул?

Ну а то, что это был обман, предательство, он и сомнений не допускал.

Он об этом не говорил. Никогда не жаловался. Он и знать не хотел, что думали об этом люди, и это было ему приятно.

Они, впрочем, не могли понять. Как и Пегги, кстати. Никто не знал, чем был Энди для него. Детьми их никто не видел. Да и вряд ли помнили молодых людей, которые в испуге застыли в первый день перед зияющим входом в большую шахту. И потом... на ранчо, кто знал, как они жили втроем с Матильдой, кто думал, что они не родные братья?

— Наверное, дружище, если все, о чем шепчутся, правда, тело старины Майка должно перевернуться в могиле... Начиная с сегодняшнего утра хорошо осведомленные господа, важные шишки из тех, кто входит в административные советы, продали почти за полцены, тайком, акции компаний, контролируемых Спенсером...

Их еще немного, только кто в курсе дела. Кажется, первые новости слали приходиться вчера вечером. Тогда заездили машины туда и обратно, стали собираться загадочные собрания в больших домах и снобской дыре.

Что же до твоего друга Энди, то он сидит один-одинешенек со своим секретарем у себя в углу. Его дочка Пенни, та, что на него похожа, кажется, первая бросилась к нему и устроила сцену. Дамы из хорошего общества безостановочно звоня его жене как будто просто так, в надежде что-нибудь разузнать.

Если он разори тебя, что, как утверждают, и случится, разорятся с ним еще многие.

Стоило Борису только поманить китайца пальцем, как тот снова принес им выпивку.

— Это очень забавно... Не так забавно, как раньше, потому что они-то настоящие мерзавцы.

вернуться

5

Лицо, облеченное властью шерифа.

Выпуклые глаза Бориса остановились на Джоне.

— Ты не развеселился, честное слово. Я-то думал, что тебя обрадую...

Эти слова хлестнули Кэли Джона, и он с удивлением понял, что и правда, новости, которые он только что узнал от Пегги не доставили ему никакого удовольствия, они, скорее, его

опечалили, и он погрузился в состояние какого-то ступора, из которого ему и алкоголь не помогал выйти.

Что сейчас говорил Борис? Перед ним стояла одна картина: Энди, всеми покинутый, в своем углу, наверняка в глубине сада, во флигеле, где его комически преследует Мюриэл Мубери.

Кто знает? Не был ли визит, который нанес ему Спенсер на ранчо накануне, последним выходом на люди.

— Пусть Джон придет повидаться со мной, когда захочет...

Еще недавно он был уверен, что фотокопия — единственная причина этого неожиданного визита. Теперь, вопреки очевидности, он начинал в этом сомневаться.

Портрет старого друга, который Матильда нарисовала ему легкими мазками, обретал в его мозгу все большую живость.

Невысокий, уже немолодой человек, — Матильда сказала, что он выглядит старше него, — в кремовом, безукоризненно сшитом костюме, в очках, левое веко то и дело подергивается...

И говорил он тихо. Попросил только воды. Может быть, он на диете? Или болен?

Не сегодня-завтра, в один из ближайших дней, весь город будет радоваться его разорению, кроме тех, кого оно коснется вместе с ним.

Сумасшедшие будут кидать камни ему в окна.

Он еще боролся. Насколько его знал Кэли Джон, бороться Спенсер будет до последней минуты, вопреки всему, всеми средствами. Например, и такими, как визит к Кэли Джону, который должен был сильно ударить по его гордости!

Все это было сложно и неопределенно. Кэли Джон был пьян и знал это.

Но иногда ему казалось, что именно благодаря тому, что он был пьян, он становился прозорливее, что еще немного — и он поймет, и каждая вещь займет подходящее ей место.

— С ним будут жестоки, как он был жесток со всеми...

Кто это говорил? Борис, на которого теперь Кэли Джон смотрел безо всякой нежности.

— Нет ни одного служащего, который бы его не ненавидел. Он выставил за дверь без вознаграждения старых слуг только за то, что те были больны или состарились. Он...

Что сделать, чтобы ухватить эту ускользающую от него правду? Он был совершенно уверен, что не хватало самой малости...

Если бы только Пегги...

Она по-прежнему стояла у него перед глазами: письмо в руке, на него не смотрит, говорит так, как он никогда не слышал — она перестала смотреть на него, говорила с ним таким тоном, что он должен был уйти, в конце-то концов, она его буквально выставила за дверь под тем предлогом, что ей нужно срочно уходить.

Был ли это действительно предлог? Он бы много дал, чтобы узнать, действительно ли она ушла

и куда.

— Для Боба, у которого долгов всюду куча и без ведома отца, удар этот будет самым тяжелым... Вот так, дружище, платятся долги. Я некогда был немного знаком с неким Ромеро, который должен быть совершенно счастлив на том свете, куда отправил его твой револьвер... Старый Майк был негодяй, и он нашел себе в зятя еще большего негодяя, чем он сам. Мир полон негодяев, Джон Эванс, они — в баре, где мы только что были, они в банках и во всех небоскребах... Не таких негодяев, которые, выходя, прихватывают с собой твой кошелек. Не таких негодяев, которых сажают за решетку. Крупных негодяев, ха-ха-ха! И мой отец был прав, когда хотел, чтобы его повесили. Потому что, как тебе известно, его повесили...

— Знаю.

— Я был при этом... Я был еще мальчишкой... Тем не менее не плакал. Я смотрел на него с восхищением. И все — а вокруг виселицы, которую тем вечером осветили фонарями, была толпа — все им восхищались... Энди Спенсера не повесят. Людей больше не линчуют.

Нет. Бессмысленно. Только он знал, как формулируется эта проблема. Он прекрасно отдавал себе отчет, что был один. Пегги предала его. У него оставалась только Матильда, которая не предаст никогда, но в одном она не сходилась с ним во мнениях.

Кто знает, не солгала ли сестра, чтобы не причинить ему боли и избежать гнева? Кто знает, сколько сидел Энди в общей гостиной, и не говорили ли они более дружески, в чем она не хотела признаваться?

Он не дурак. Как все. Однако раньше за него думал Энди, а позже все его проблемы разрешала Пегги, как будто в насмешку над ним.

Борис упрямылся. Они говорили на разных языках. Мысли их под влиянием алкоголя ушли в разные стороны.

— Когда тебе говорят, что он негодяй, не возражай! Ну так вот: я сын отца, который захотел, чтобы его повесили, чтобы позлить всех их, я утверждаю, что все эти люди просто негодяи...

Что это могло означать? Ничего. Он начал вопить вместе со всеми.

Почти тридцать лет Кэли Джон позволял им говорить почти то же, но не во весь голос. Он поддерживал их по крайней мере своим поведением. Часами напролет он выслушивал, как Пегги излагала ему насчет Энди все самое плохое.

И Пегги предала его. Может быть, потому, что Пегги придавала значения тому, что говорила, ровно столько же, сколько своим бесконечным телефонным разговорам. Или она делала это ради смеха, потому что ей нужен был личный враг?

Таким образом, мало-помалу из Энди Спенсера создали образ, который все считали настоящим, — и не без его, Кэли Джона, помощи.

Почему Пегги?..

И тут, пока его сосед продолжал говорить заплетающимся языком, на Кэли Джона снизошло озарение. Скорее, это был образ. Он увидел будто наяву, как Пегги сразу же после его ухода бросилась на улицу, вошла за соседнюю ограду, прошла по аллее, на которую так давно не ступала и ногой, и нервно заколотила в дверь флигеля.

Вот куда она пошла. Увидеться с Энди, которого всегда ненавидела и публично обвиняла во всех грехах.

Что она ему сказала? Обвиняла его, как обвиняют другие? Но почему она так изменилась, прочитав письмо? И зачем взваливать ответственность на Кэли Джона, почему такое резкое охлаждение к своему старому другу?

— Видишь ли, Борис, имя человека, который нанял убийцу, который должен был стрелять в меня, начинается с Г или Б... А может быть, с Э...

Он не без труда вытащил из кармана бумажник и извлек оттуда фотографию.

— И это, — продолжал он, — только это имеет значение...

Борис удивленно взглянул на него, взял письмо и попробовал сперва прочесть его вверх ногами.

— Потому что, — продолжал Кэли Джон с неожиданной энергией, — если это сделал не Энди, то негодяй — я... Я прекрасно знаю, что ты не понимаешь... Я негодяй, Борис... Обязательно нужно, чтобы это было Э, понимаешь?

Он пальцем ткнул в букву на документе.

— Так это Э?.. Скажи!.. Посмотри: Э. или Г.? Все остальное не важно, не обращай внимания! Написал его Малыш Гарри. И Малыш Гарри знал. Он сообщал о засаде кому-то, кто жил наверняка в Тусоне и был не последним там человеком, потому что предоставлял выбор: предупреждать меня или не предупреждать. Когда Пегги прочла письмо... — Тем хуже! Он знал, что совершает ошибку, начиная болтать, — когда она прочла письмо, она растоптала тридцативосьмилетнюю дружбу. И не какую-нибудь... Она почти выставила меня за дверь и бросилась к нему...

Он утверждал то, что еще мгновение назад было предположением и в реальность превратилось в его голове. Он видел ее. Ему казалось, что он слышит, как она обращается к своему зятю, сидящему за рабочим столом.

— Узнать нужно только, правда это или неправда...

— Правда!

Что — правда? Говорили ли они оба об одном и том же? Китаец с непроницаемым видом продолжал их обслуживать, и никому не было дела, о чем они там толкуют. Привыкли, что русский пьет у себя в уголке, и ничего не меняло, был с ним еще кто-нибудь или нет.

— Предположим, это не он...

— Почему не он?

Каждый следовал своей пьяной логике.

— Тогда я вел себя как завистник... Разве я похож на завистника?..

Разве кто-нибудь считал когда-нибудь, что я — завистник? И тут все равно, будет это Г., Б. или Р...

— А это Э.!

Непонимание слушателя приводило Кэли Джона в уныние.

— Предположим, Пегги знала, что это за письмо...

— Это Э. Таким образом, она получила доказательство того, что ее зять подлец, и она бросилась заявить ему об этом в лицо...

— Она заявляла об этом и раньше... Она кричала об этом, где только могла.

— Ей захотелось сделать это еще раз.

Именно об Энди-подлеце говорил ему русский, и Кэли Джону было из-за этого немного стыдно: он-то зная, что все не так просто. Ведь через столько лет усомнился же он в достоверности такого образа.

Он вспомнил, что рассказал ему накануне бывший крупье француз мсье Лардуаз: этот неизвестный ему Энди тайком от тестя, компаньоном которого уже был, и от жены продолжал ездить играть в Санбурн.

Можно ли не обращать внимания и на такого Энди? Теперь это уже старик, две дочери которого вышла замуж, а сын делал втайне от отца долги.

— А если она побежала защищать его?

Это больше похоже на Пегги Клам — не могла она броситься к своему зятю и, как гарпия, начать обвивать его во всех тяжких.

В этом случае, да и во всех случаях, кто-то все-таки бывает прав.

— Ты заговариваешься, приятель... По последней рюмке, и я возвращаюсь домой... Честное слово Бориса. По последней.

Но Кэли Джон, не слушая его, сполз с табурета и не очень уверенной походкой направился к двери.

— Ты обижаешь меня, Джон Эванс, дружище...

Что за этим следовало, он не услышал, потому что уже вышел за дверь; первое, что Кэли Джон увидел на улице, где горело несколько неоновых вывесок, это длинный силуэт Майлза Дженкииса, который ждал его, подпирая дверной косяк. Джон не мог вспомнить, где оставил Дженкинса. Садясь в машину, Кэли Джон задел головой о ее верх, так что шляпа покатила по тротуару.

— Я честный человек, Дженкиис?

Ковбой не шевельнулся, продолжая неотрывно смотреть на блестящую дорожку огней, которую отбрасывали на дорогу фары. Как будто ему задали совершенно обыкновенный вопрос.

— Все говорят, что да, патрон...

— Но ты сам, что ты думаешь?

— Я думаю — да. Почему я должен думать иначе?

— А если бы я был негодяем?

Майлз Дженкинс пожал плечами и решил, что лучше промолчать.

— Ответь? Представляешь, а он нас с тобой тем временем поджидает дома. Вот будет смешно...

Ковбой продолжал жевать резинку.

Но рядом с ранчо не было никакой машины. Никто не вышел им навстречу.

Кэли Джон гораздо сильнее, чем хотел, толкнул дверь и увидел на столе приготовленный для него прибор — единственный — и Матильду, которая ждала его, сидя под лампой.

Когда ему стало стыдно, и, не сказав ни слова, не притронувшись к еде, он заперся у себя в комнате.

Глава 6

Проснулся он значительно позже обычного. Спал тяжело и беспокойно: временами его озаряла неясная прозорливость, он видел себя валяющимся на кровати в нездоровом поту; в кошмарах его преследовало ощущение сна, но стоило ему только выбраться из глубин кошмара, как он неотвратимо погружался все в тот же липкий сон, хотя знал, что в конце его ждет что-то неприятное, и он все время откладывал срок платежа на потом.

Раньше чем открыть глаза, он ясно осознал несколько вещей. Прежде всего, что с кухни тянуло запахом яичницы на сале. А это значило, что сегодня воскресенье и восемь часов утра. Эта традиция восходила еще к временам их детства: несмотря на то, что брат предпочитал мясо с кровью, Матильда настояла на том, чтобы по воскресеньям не нарушалась традиция, сложившаяся еще в Фарм Пойнт, когда на завтрак подавалась яичница и обязательный апельсиновый джем — он был тогда дорог, его берегли, но выдавали детям по ложке в воскресенье.

Кэли Джон должен был уже давно подняться и верхом объехать ранчо вместе с Юнзалесом, как он обычно делал по утрам в воскресенье.

Ему не надо было также открывать глаза, чтобы удостовериться: идет дождь. До его слуха доносились грозовые раскаты. Моросило. Он знал также, что гору было едва видно, а особенный воздух, его ни с чем не сравнимая свежесть, говорили ему, что наконец началась зима. Вот так вдруг — зима. И почти постоянные, с редкими исключениями, прекрасные солнечные дни. Зима, а в полдень — теплынь. И Матильда поспежит выложить на кровати дополнительные шерстяные одеяла, которые несколько дней будут пахнуть нафталином, и китаец зажжет котел.

Он слышал, как ходит по комнате сестра, и решил начать одеваться, тщательно подбирая вещи, поскольку чувствовал себя еще не совсем уверенно. В памяти всплывали какие-то обрывки вчерашнего вечера, даже не обрывки, а клубы сигарного дыма, и все происшедшее накануне показалось каким-то грязным; ему было стыдно за то, что он говорил, за это мгновенное доверие к Борису, с которым его никогда не связывала искренняя дружба. Выглядел он, как всегда, свежо, и взгляд мутным не был. Он выдержал испытание — это в его-то возрасте — и гордился этим.

Нужно было вести себя как ни в чем не бывало, самым естественным образом войти в общую гостиную, поцеловать в лоб сестру и усесться на свое место.

Он справился с этим почти безукоризненно, с такой естественностью, что Матильде пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

В соседней комнате Пиа мучилась с воскресным туалетом: она надевала туфли, на что решалась только раз в неделю, и ее стенания как раз донеслись до них из-за стенки. Матильда сидела напротив брата. Они завтракали. Из-за дождя и зимней свежести в комнате стало по-семейному уютно. Иногда зимними вечерами Матильда — это в свои-то семьдесят три года — предлагала:

— Поиграем в Фарм Пойнт?

И разжигала камин, где лежали поленья, хотя в доме было паровое отопление.

— Зима, Джон... — тихонько говорила она.

— Зима, — как строку псалма, эхом повторял он.

Ему хотелось поговорить с ней, но не находилось слов. Уж не собирался ли он все ей рассказать? Но разве Пегги, которой он так доверял, не предала его?

Нет, Матильда его не предаст. Она не была с ним согласна, и это было ему прекрасно известно. Возможно, она осторожно попытается высказать ему свои возражения. Во всяком случае, появится хоть кто-то, с кем он сможет спокойно обсудить случившееся.

— Послушай, сестра...

Он произнес эти слова именно в тот момент, когда она вставала со стула. Ей надо было еще вымыть посуду, одеться, а на это по воскресеньям уходило достаточно времени. Он поправился:

— Не сейчас... Когда вернемся...

В запасе у них было сколько угодно времени, целый день, потому что набухшее небо не оставляло сомнений, что дождь продлится до вечера, а что им еще делать, как не коротать друг с другом остаток дня.

— Как хочешь, Джон... Несколькими часами позже, несколькими раньше, правда ведь?

Один-единственный упрек. Привычно забрякали чашки и тарелки. Он поднялся вытереть посуду — иногда он делал это, и она тактично сдержала улыбку.

Гонзалес и Майлз Дженкинс тоже должны были принарядиться. На мгновение, из-за дождя, он задался вопросом, не сесть ли им всем в машину, но не отважился предложить, потому что сегодня это выглядело бы нарушением привычек, традиций, которые стали почти священными.

Китаец пригнал полностью запряженную повозку с поднятым верхом, по которому растекались дождевые капли.

Матильда, вся в черном с головы до ног, в черных шерстяных перчатках, воспользовалась зонтом, чтобы добраться до своего места, Пиа бегом устремилась на свое, Забилась в глубь повозки за сиденья, как звереныш.

Джон взял в руки вожжи. В том, как они отъезжали от старого дома в этой повозке на очень высоких колесах, служившей им уже не один десяток лет, было что-то ободряющее, а вернее — успокаивающее. Вскоре Ганзалес и Майлз Дженкинс вскочили на лошадей, и как раз тогда, когда повозка выехала на большую дорогу, рядом с ней равномерно застучали копыта их лошадей, пущенных в галоп. Копыта вязли. Поперек дороги — широкие лужи.

Спины животных блестели от пота. В определенном месте всегда становился слышен колокол. И они его услышали — свидание состоялось.

Все встречались у испанки, на Джейн-Стейшн, где распрягались лошади, Гонзалес и Майлз Дженкинс оставили тут своих животных.

Церковь была совсем рядом, маленькая и белая, чистенькая, как на картинке, темные силуэты направлялись к главному входу. Одни выходили из ближайших домов, другие, такие, как они, приезжали издалека. Поляки, например, прибыли не на старом «Форде», куда не вмещалось все семейство, а в грузовике, который подбрасывало на дороге, как корабль при килевой качке. Были они не протестантами, а католиками. Но поскольку их церкви рядом не было — ехать пришлось до самого Тусона, — они попросту ходили к протестантской службе. Да разве они одни? Пришли почти все. Даже те, кто неделю напролет поминал дьявола.

Все с одинаковым убеждением распевали гимны, а Кэли Джон имел обыкновение петь таким голосом, что слышно было только его. Пошел ли этим воскресным утром в церковь Энди Спенсер?

Стены были белыми. Светлые деревянные скамьи, которые недавно вновь покрыли лаком, все еще пахли смолой. Пастор был молод и походил на спортсмена.

Хорошо! Очень скоро Джон все скажет Матильде, покажет ей документы, спросит совета. Даже если она не даст ему добрых советов, он избавится от тяжести, которая начинала уже давить ему на грудь, и так сильно, что он позволил себе напиться. Если быть честным до конца, то Кэли Джон признавал, что, не повстречай он даже Бориса, выпил бы все равно больше, чем нужно, — настолько поведение Пегги Клам выбило его из колеи.

Проповедь была очень хороша. Они всегда бывали очень хороши. Пастор не был каким-нибудь интеллектуалом из Бостона или другого большого города; ему, сыну фермера со Среднего Запада, не составляло труда понять здешних людей.

Оставалось исполнить несколько ритуальных актов: например, выходя из церкви, пожать кое-кому руку. Джон всегда немного задерживался, давая Матильде время поболтать с тремя-четырьмя пожилыми женщинами. Насколько у нее хватало средств, она помогала некоторым бедным семьям. Среди них были и дети, которым она раздавала связанные ею носки и сшитую самой одежонку, поэтому по утрам в воскресенье она всегда везла с собой пакетики. Гонзалес, как было заведено, проводил остаток дня у своих соотечественников, которые жили в двух милях от церкви, а Майлз Дженкинс верхом отправился Бог знает куда.

Дождь шел по-прежнему, только стал чуть крупнее. Гроза гуляла туда-сюда между горами, которые, казалось, отсылали ее друг к другу и по очереди скрывались за тучами. Сейчас гроза бушевала над Тусоном, но когда нужно, она будет тут как тут.

— Ты выглядишь спокойнее, Джон...

В повозке они находились вдвоем. Пиа, пристроившаяся за ними, была не более чем верной собачонкой. Ехали они по знакомой дороге.

— Я и не волновался...

— Не совсем так... Тебя что-то тревожит?

— Нет...

Она прекрасно знает, что это у него пройдет, что один он не сможет долго оставаться. Это ее обидело, совсем немного, но в то же самое время доверие брата ее успокоило.

— Кажется, кто-то приехал...

Она взглянула на дорогу перед лошадьми. После потопа, начавшегося на рассвете, на дороге, через которую лились настоящие потоки, не могло остаться никаких вчерашних следов. Тем не менее кое-где можно было различить следы автомобильных шин.

— Думаешь, Чайна Кинг умеет водить машину? — спросил Кэли Джон — он тоже увидел отпечатки шин.

И тут же первый пожал плечами. Трудно было представить себе старика китайца, усевшегося в желтую машину, чтобы покататься по дорогам.

— Нас кто-то ждет дома...

Он хлестнул лошадей. Сердце у него сжалось. Он спрашивал себя, не вернулся ли Энди Спенсер и не окажутся ли они неожиданно лицом к лицу.

Он не мог принять какой следовало вид, не знал, какие произнести слова.

А если это Пегги Клам? Она была на такое способна. Она, наверное, сожалела о своем вчерашнем поведении.

Вместо того чтобы позвонить и пригласить его зайти, побеспокоилась сама, вот и все.

Эта перспектива была самой приятной. Матильда плохо знала Пегги.

Когда-то, будучи молоденькой девушкой, она навещала ее, но с тех пор сестра почти перестала ездить в Тусон, а Пегги никогда к ним не заглядывала. Несколькими неделями раньше, правда, Пегги заметила:

— Нужно мне все-таки съездить посмотреть, как ты устроил свой дом...

Ну конечно! Это Пегги. И тогда день удался, действительно удался, потому что Пегги обязательно раскроет тайны. Он исподтишка взглянул на сестру, пожалел о несколько смешной шляпке, которую та упорно продолжала носить, — шляпка эта сильно старила ее, и по воскресеньям она из-за нее выглядела значительно старше, чем когда занималась хозяйством в своем фартуке.

— Это Пегги... — заявил он.

Матильда промолчала. Только после долгой паузы прошептала:

— Она знает, где ключ?

Китаец проводил воскресенья у себя в комнате часто с другим китайцем, который приходил к

нему, и они вели бесконечную игру в кости. В этот день Чайна Кинг был свободен от забот по дому.

— Нет, не знает...

Всегда, когда дом оставался пустым, последний, кто выходил, засовывал ключ в щель в стене, справа от заднего окна.

— Никого...

Они подъезжали к дому, а никакой машины видно не было.

— Может, она объехала постройки?

Лошади не могли двигаться быстрее. Это не машина, где достаточно нажать на акселератор.

За домом тоже было пусто, но следы шин виднелись весьма отчетливо.

Можно было даже проследить на влажной почве, как машина разворачивалась, прежде чем выехать.

— Она не знала, что мы вернемся.

Китаец так и не вышел. Он позвал его, крикнув что было сил в сторону хозяйственных построек:

— Чайна Кинг! Чайна Кинг! Видишь. По воскресеньям он глохнет. Жаль!

Не знаю, не должен ли я ей позвонить, на всякий случай, как только она доедет до Тусона. Мы разминулись...

Матильда машинально шарила в щели — она и перчатку сняла, чтобы ее не запачкать, — но ключа там не было. Кэли уже начал распрягать коней.

— Джон... посмотри...

Она указала ему на дверь, не на ту, через которую проходили гости, а на заднюю, которой пользовались они сами.

— Ну и что? — спросил он, посмотрев на дверь.

— Ключ... Я его не оставляла в двери...

Ключ торчал в замке.

— Ты уверена, что сунула его в щель?

— Совершенно.

Она была так взволнованна, что не решалась открыть дверь. Он подошел, размашисто шагая, резко толкнул дверь.

— Кто-то приходил, Джон...

Черт возьми! Дверь его комнаты была широко распахнута. Он не закрыл ее на ключ, когда

уезжал. Раз он решил сказать все сестре по возвращении, отпала необходимость прятать от нее бумаги, да и дом в любом случае будет закрыт.

Итак, зеленого баула больше в комнате не было. Его протащили по полу, на котором остались царапины, потом по каменным плитам общей гостиной.

Его должны были открывать, рыться в нем, потому что из него выпало несколько бумаг, среди которых фотография Блондинки Мери, программка «Клетки для попугаев» и страничка дневника, где были карандашом нацарапаны какие-то цифры. Пиа проскользнула в дом. Матильда, чтобы прийти в себя, налила себе немного еще не остывшего кофе.

Кэли Джон направился к маленькому секретеру, который стоял в углу его комнаты, около окна. Это была единственная вещь, закрывавшаяся на ключ, а ключ от секретера был у него в кармане. Он открывал его утром. С тех пор как он привез письмо от фотографа, там находился оригинал, и прежде чем уехать в церковь, он положил туда и фотографию, от которой раздувался его бумажник.

Теперь секретер был открыт с помощью какого-то инструмента. Открыт он был чисто, с минимумом повреждений. Только царапинка на кедровом дереве, около замочной скважины. Оба документа — оригинал и копия — исчезли. А вот сотня долларов по-прежнему лежала в маленьком ящичке слева.

Вопреки всякому здравому смыслу, на поиски Чайна Кинга ушел целый час. Матильда же в это время готовила завтрак, вздрагивая от каждого шороха.

Чайна Кинга в комнате не было. Вещи развешаны на плечиках: китаец был очень аккуратен. Постель не застелена. Все было в точности так, как всегда по утрам в воскресенье. Казалось, Чайна Кинг вышел всего на несколько минут, может, пошел за банкой консервов в кладовку, которую называли «столовой», потому что там хранилась провизия.

Все лошади были на месте. Желтая машина тоже. Что Чайна Кинг пошел пешком по плохо проходимой тропке к большой дороге, вызывало большие сомнения.

Кэли Джона начала мучить тоска. Что если его слугу убили? А тело спрятали где-нибудь в соломе или сене?

Несколько нетвердо держась на ногах из-за вчерашней попойки, он вилами перевернул и сено, и солому, но ничего не нашел. Тогда, чтобы осмотреть ранчо, он сел на лошадь и наугад несколько раз объехал его, зовя китайца по имени.

Вернулся он раздосадованный, ничего не обнаружив. Толкнул дверь в кухню.

— Не знаю, что с ним приключилось... Если бы он отправился повидаться с друзьями, то взял бы лошадь... Я спрашиваю...

Он замолк из-за Пиа, перед которой ему не хотелось рисовать мрачные картины.

— Вещи у него в комнате?

— Все развешано.

— А дорожный чемоданчик?

Об этом он не подумал. О чемоданчике Чайна Кинга, которым китаец очень дорожил, вспомнила Матильда. У китайца была старомодная дорожная сумка, и в эту сумку ни всегда закрывал чемоданчик современного фасона такие продают в любой аптеке, — к которому, казалось, питал особую привязанность.

Джон вернулся в комнату, открыл дорожную сумку — замки были закрыты на ключ, который валялся на полу. В сумке были старые сапоги, белье, кинжал с ручкой из слоновой кости, фаянсовые статуэтки, выигранные на ярмарках. Чемоданчика там не было.

— Понимаешь, Джон, никому не нужно было красть вместе с чемоданчиком китайца твои бумаги. По крайней мере я так предполагаю, потому что ты мне еще ничего не сказал...

— Сейчас скажу...

— Я уверена, что Чайна Кинг уехал по собственной воле.

— Он живет с нами уже пятнадцать лет. Я знал его отца в Санбурне...

С завтраком справились быстрее, чем обычно. Пиа отправилась спать.

Когда отец, который работал более чем в десяти милях отсюда на ранчо, не приезжал навестить ее, самой большой радостью для Пиа было проспать всю вторую половину дня. Матильда вымыла посуду, и брат помог ей еще раз. Он предпочел бы помолчать, когда они мирно и спокойно уселись один напротив другого. Зажег сигару, потребовал чаю.

Он даже попросил Матильду, как обычно, заняться вязанием, для того чтобы все было как принято дома в зимние вечера.

— Это Пегги Клам заставила меня купить на распродаже на мебельном складе зеленый баул, который ты видела. Принадлежал он Роналду Фелпсу...

— начал Кэли Джон.

Затем он рассказал о документе, который там обнаружил. Он мог пересказать текст наизусть, так как читал и перечитывал его достаточное количество раз.

— Понимаешь, это Г., или Э., или Р., а может быть, Б...

Он честно рассказал все, спокойным, слегка глухим голосом; временами у него закрывались глаза от дремоты, которой он стыдился, потому что причина ее ему была слишком хорошо известна.

— Я не хотел тебе об этом... говорить, потому что ты всегда защищала Энди... Поехал в Санбурн... Расспросил людей... Сделал кое-какие открытия... Например, узнал, что даже в твоё время...

Когда в доме говорили «во времена Матильды», это означало, что речь шла о тех годах, когда они обосновались на ранчо. Матильда с ними в Санбурн не приехала. Родители ей не разрешили. Или в то время в Фарм Пойнт ее еще что-то задерживало?

Они никогда об этом не говорили между собой, но в жизни у сестры была несчастная любовь. И это был не Энди Спенсер, о ком ей, может быть, и случалось временами мечтать, во всерьез никогда.

Она приехала к ним обоим. И именно она случайно дала имя ранчо, потеряв свою первую кобылу. «Во времена Матильды», именно так. Это были именно те времена, когда они жили втроем и девушка окружала обоих мальчиков, как она говорила, одинаковыми заботами, испытывая и к одному и к другому почти одинаковое чувство, одинаковую братскую любовь.

— Я узнал, — говорил он, — что даже в твои времена он частенько ездил туда играть, и играл по-крупному...

Она искоса рассматривала его, желая удостовериться, что с ним, наконец, можно говорить откровенно, и тогда, к изумлению своего брата, тихо произнесла:

— Я это знала...

— Как это — знала? Давно?

— Всегда, потому что он мне об этом говорил... Не гордился, конечно нет... Послушай! Он был немного похож на тебя, каким ты сегодня утром появился из своей комнаты... Хорохорился, чтобы скрыть раскаяние...

Когда он был таким, я спрашивала: «Сколько? «

— Почему ты никогда не говорила мне об этом?

— А зачем?

Он не рассердился. Он удивленно и восхищенно смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Ему вдруг показалось, что он ничего не знает, что он прожил жизнь, не зная ничего, что происходило вокруг него, что Пегги Клам, совсем как Матильда, обращалась с ним как с ребенком, говоря ему только то, что считала нужным сообщить.

— Ты давала ему деньги в долг?

Об этом уж он догадался сам, с некоторой гордостью.

— Мне приходилось это делать, и даже хозяйственные деньги...

Ему пришло в голову другое, и он встал, обошел комнату, еле сдерживая нетерпение.

— Не понимаю, Матильда, что нужно предпринять по поводу китайца. Если его убили...

— Его наверняка не убили...

— Почему?

— Не знаю. Мне так кажется. Я всегда доверяю своим чувствам...

— И про Энди Спенсера тоже! — не удержался он.

— Мы сейчас поговорим об Энди Спенсере... А с китайцем... ну что бы ты хотел предпринять? Предупредить шерифа, полицию штата или даже федеральную полицию? Для того чтобы всюду — на дорогах Аризоны, в деревеньках, на ранчо и в городах принялись бы искать старика китайца? А если его найдут и он ответит, что хватит с него ранчо «Кобыла потерялась» и что он уехал по собственной воле?

— Не взяв с собой вещей?

— Но с дорожным чемоданчиком...

— Если, конечно, именно он его взял... Кстати, а почему он уехал?

— Может быть, его увезли...

— Силой?

— Не обязательно. Я думала об этом, пока ты искал китайца, где его наверняка нет... Представь себе, что кто-то приехал за твоими бумагами... Этот кто-то знает нас, знает наши привычки... Кто-то, кто знает, что мы все вместе ездим к одиннадцатичасовой проповеди...

— А ключ! — победно воскликнул он.

Еще одна из того же ряда мелочей, что и чашки. В доме уничтожили всякий намек на пребывание туг Спенсера и сохранили этот тайник для ключа.

— Думаешь, о нем знал только он? У нас были ковбои и до Гопзалеса с Чайна Кингом. Когда-то у нас был и управляющий. Ну и что, ключ... Кто-то приехал. О китайце не подумал... Тот, наверное, удивился, увидев перед распахнутой дверью дома машину. Подошел. От него мы могли бы узнать, кто украл бумаги. Вот его и увезли...

— Ну так я и сказал: силой!

— Хочешь завтра прочесть эту историю в газетах, Джон? Почему силой?

Разве Чайна Кинг не пойдет все равно за кем за какую-нибудь сотню долларов?

Он не любил, когда ему говорили подобные вещи, потому что убаюкивал себя иллюзией, что люди работали на него из любви. Он загасил сигару, имевшую отвратительный вкус, сходил за трубкой, которую курил редко и которая стала почти реликвией, потому что сохранилась еще со времен Санбурна.

Первый раз за год окна были закрыты, и стена дождя снова обрушилась на них. Холодно не было, но пришлось зажечь камин, чтобы смотреть, как трещат поленья.

— Это Энди, — вдруг решил он.

Он дважды или трижды повторил:

— Энди! Энди! У меня есть доказательство...

Он ожидал, что сестра начнет протестовать, но она продолжала мирно вязать.

— Вот послушай... Существует две копии документа... Согласна?

Во-первых, сам документ, потом, две фотографии... Здесь была только одна... Вторая — у Энди. Представь теперь, что тот, кого уличает этот документ, не Энди. Видишь, я честен... Все равно кто; кто-то, кого мы не знаем или на кого мы не думаем... Итак! Он неминуемо знает, что у меня оба эти документа, оригинал и копия, — вот почему он потрудился приехать во время службы, украсть и увести с собой Чайна Кинга, чтобы не оставлять свидетеля.

Он был возбужден: уверенный в непреложности и вескости своих рассуждений, он уже с некоторым снисхождением поглядывал на сестру.

— Если ему все это известно, он знает и то, что у Энди есть копия. И в этом случае ему совершенно незачем красть документы у меня, потому что есть еще кое-кто, кто может выдвинуть против него обвинения... Поняла?

— Поняла. — Она и бровью не повела, не желая возражать.

— Если же это все-таки Энди некогда заплатил Ромеро, он уничтожает все улики против себя, когда крадет документы, поскольку третий экземпляр уже находится у него в руках. Я не утверждаю, что он приехал сам. Я охотно буду утверждать обратное. Раньше он тоже сам не действовал, а отправился в Санбурн нанять метиса...

— Вот видишь...

— Что — вот видишь?

— Что ты заранее уверен: это он! Ты всегда так думал... Ты так крепко вбил себе в голову эту мысль, что я никогда не пыталась переубедить тебя... Я говорила себе, что настанет день, когда ты станешь разумнее. Я вижу, как ты попусту мучаешь себя.

— Послушай, Матильда...

— Дай я dokonчу.

Они забыли о возрасте — Джон о своих шестидесяти восьми и Матильда о своих семидесяти трех. Они переругивались — брат стоял, а сестра продолжала сидеть, но уже не так покорно.

— Дай мне закончить. Ты с первого дня был уверен, что это Энди организовал, чтобы в тебя стреляли...

— Нет, потом... Из-за дат.

— Из-за его женитьбы?

— А шахта? Ты забываешь про шахту! Ты также забываешь, что только он знал, что я буду возвращаться по тропе койотов.

Она пожала плечами. В день засады погода и правда была такая же, как сегодня. Кэли Джон прошел к окну.

— Я был тут, уже сидел на лошади... Поблизости не было ни ковбоев, никого не было. Я сказал ему...

— Вот именно. Повтори точно, что ты сказал...

— «Я буду возвращаться по тропе койотов и по дороге снова поставлю загородку...»

— Все?

— Все.

— И из-за этого ты осуждаешь человека?

— Есть даты...

— Послушай, Джон... Тебя тогда целый день не было дома. Ну так вот, за один день может произойти много всякого. Это было пятнадцатое августа, я тоже кое-что помню, а в это время на ранчо не так много работы. Предположи, что в определенный момент один из ковбоев говорит Энди: «Пойду поставлю загородку на тропе койотов».

Кэли Джон покраснел. Ему никогда в голову не приходил такой вариант.

Он взмахнул рукой, приказывая сестре замолчать.

— Что бы ты ответил? Что мог ответить Энди? «Не стоит беспокоиться...

Кэли Джон будет там возвращаться сегодня вечером и сам займется этим».

Таким образом, кто угодно на ранчо через час после твоего отъезда мог знать, что ты вечером возвращаешься там, где всегда.

Все еще не желая сдаваться, он возразил:

— У нас тогда не было телефона...

— А кто тебе сказал, что у Ромеро не было приятелей среди наших людей? Кто тебе сказал, что они не должны были где-нибудь встретиться?

— А ключ?

Он перепрыгнул через тридцать восемь лет, через точку опоры волнение все больше и больше охватывало его.

— Может быть, на днях ты найдешь такое же простое объяснение, как и с тропинкой... Прошу, выслушай теперь меня. Признайся, что я не так часто говорю, а противоречу и тем более. Ты захотел смотреть на Энди как на врага, на своего личного врага.

— Не только моего...

— Знаю. Есть еще Пегги Клам, но это несерьезно. Не будь Энди, она бы придумала кого-нибудь другого. Она бы возненавидела любого зятя.

— Есть и другие...

— Потому что так принято — упрекать тех, кто преуспевает и забирает себе слишком много власти. У такого человека находятся любые недостатки.

Говорили, что он эгоист, что он суров, стыда не имеет...

— Спроси у Бориса...

Он не хотел сдаваться, однако понимал: возражения его будут недостаточны.

— Ты уверил себя также в том, что во всех трудностях, с которыми ты сталкивался, виноват Энди... Когда однажды украли у тебя тридцать быков, чтобы перегнать их в Мексику, ты допустил, что, вполне возможно, заплатил им Энди Спенсер.

— Я никогда такого не говорил.

— Ты и другого тоже не говорил. А сейчас я тебе покажу кое-что, что докажет тебе, что Энди никогда не переставал нами интересоваться...

Она решительно встала, прошла к себе в комнату, ему было видно, как она там встала на стул, чтобы взять какой-то предмет, спрятанный за старым шкафом.

Это была совершенно обыкновенная шкатулка для драгоценностей с потертыми углами. Она выбрала малюсенький ключ на цепочке, которая всегда висела у нее на груди под платьем.

Брат, нахмурившись, следил за ее движениями.

— Что это?

— Увидишь...

Это были драгоценности — такие драгоценности могли быть в любой старой семье — некоторые, например, были у их матери. Этих только было значительно больше. Шкатулка была почти полна. Часы в корпусе из синей эмали, медальон, броши, кулоны.

Ни одна из этих вещей не стоила очень дорого, но каждая была ценна сама по себе, по изяществу и скромности.

— Их тридцать семь, — просто сказала Матильда.

Он подумал, что понял, взглянув на нее с таким изумлением, что на этот раз она не смогла не рассмеяться.

— Кричи, ругайся, сжимай зубы, дорогой мой Джон, но их ровно тридцать семь, и в следующем месяце я жду тридцать восьмую.

Потому что в ноябре был ее день рождения.

— Каждый год Энди отправлял мне маленькую коробочку и каждый год, с тех пор как покинул ранчо, он сопровождает ее одними и теми же словами:

«С дружескими чувствами».

— Ты из-за этого его защищаешь?

— Я никогда его не защищала, как никогда на него и не нападала. Я уважала твое мнение... И потом, хочешь, я скажу тебе все, что думаю?

Наступил момент, когда ты был бы несчастен, окажись, что ненавидеть его больше не за что.

— Неправда.

Он побагровел. Он чуть не ударил кулаком по столу.

— Когда я думаю, что ты получала подарки от этого... этого...

— Сядь, Джон... Я знаю не больше тебя. Я ничего не утверждаю. Я старая женщина, и я почти ни с кем не вижусь. Однако что-то мне говорит, что человек, который в течение тридцати семи

лет не прекращает посылать своей старой подруге маленькие подарки, не тот человек, не может быть таким человеком, кто заплатил метису за то, чтобы тот убил ее брата.

— Письмо...

— Я только что ошиблась, говоря, что ничего не знаю. Есть одна деталь, которую, я думаю, знаю и которую ты, наверное, не знаешь. Это имя адресата письма. Ведь существует тот, кто его получил. Малыш Гарри писал письмо не как упражнение в стиле. Этот кто-то знал про засаду и ничего не сделал, чтобы предупредить...

— Кто это?

— Роналд Фелпс.

Бог мой! Как это было просто! Три дня назад Кэли Джон узнал, что Малыш Гарри не был настоящим владельцем «Санбурн-паласа» и других салунов. Он тщетно искал имя этого человека. Он спрашивал себя, как документ попал в руки англичанина.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Энди знал это. Ему случалось подписывать чеки, чтобы заплатить игорные долги. Его чуть не начали преследовать, и он дошел до конца цепочки, он вышел на Фелпса за Малышом Гарри. Именно Фелпс привез того сюда, и не из Сан-Франциско; а из Нью-Йорка. Деньги, которые он зарабатывал, работая на геологические компании, Роналд Фелпс вкладывал в игорные дома; Таким образом он должен был сколотить приличное состояние... Деньги эти он даже не клал в банк, а хранил дома. Это был одинокий скупец, понимаешь.

Программки, фотографии, старые бумаги, напоминавшие о героической эпохе Санбурна, — все это теперь объяснялось.

— А другой? Это Г., или Э., или Р...

— Не знаю я, Джои...

— Вообще-то это ничего не меняет.

К нему вернулась его кротость. Время от времени он поглядывал на сестру, и в глазах у него было смирение вперемежку с невольным восхищением.

Потом он встряхнулся, недовольный, что позволил себе такое.

— Кто-то заплатил Ромеро...

— Возможно...

— Точно? И кто-то приехал ко мне выкрасть документы и увез с собой баул, опасаясь, не было бы там еще чего-нибудь компрометирующего. Этот кто-то силой или со взаимного согласия похитил китайца. Уверяю тебя, Матильда, что бы ты ни говорила...

Она подняла глаза, и он не закончил фразы.

— Во всяком случае, — пробурчал он, — драгоценности еще не доказательство, и... и...

— Пора чай пить. Садись. Жаркое будешь?

С неба по-прежнему лило: в городе люди шлепали по грязи, ожидая своей очереди у дверей кино. Другие же в огромных домах снобской дыры бесшумно вышагивали туда и сюда по своим толстым коврам, беспокоясь о завтрашнем дне.

— Малыш Гарри написал англичанину, чтобы ввести его в курс дела. А это значит, что Роналд Феяпе не знал. Таким образом, он — не сообщник.

Он просто никак не отреагировал. То есть...

— Успокойся, Джон. Послушай, выпей сначала чаю.

Чай был теплый и сладкий, гренки имели вкус воскресенья в кругу семьи. Кэли Джон снова набил трубку и уселся в кресло. Какое-то время он прислушивался к пощелкиванию спиц, потом задремал и вскоре уже спал глубоким сном, радея и проснулся в совершенном удивлении только тогда, когда стемнело.

Он ничего не видел вокруг себя. Позвал:

— Матильда!

Она не стала зажигать свет, боясь разбудить его, и сидела в темном углу. Щелкнул диск телефонного аппарата.

Он спросил:

— Кто звонил?

Она с удивлением взглянула на него.

— Кто-то звонил ведь? Или это ты просила коммутатор?

— Не кажется ли тебе, что ты бредишь? — улыбнувшись, спросила она, надевая фартук, чтобы готовить обед.

Возможно. Тем не менее у него сохранилось чувство, что звонил телефон, во всяком случае, трубка снималась и приглушенно звучал голос сестры.

— Что будешь есть?

Она пошла будить Пиа, которая спала свернувшись калачиком, зажав в руке одну ногу, натертую выходными туфлями.

Глава 7

Такое, наверное, творится в начале революций, когда никто еще точно не знает, что должно произойти: особенного не происходит ничего, ничего не ведающий прохожий не видит ничего противоестественного и тем не менее чувствует, как на него давит эта тоска, гнетущая город. Более того, начнешь искать явные признаки, увидишь на некоторых улицах людей, которых встретить здесь не ожидаешь. Или оказывается слишком много ничем не занятых прохожих, которые должны бы были находиться в мастерских или конторах или же, наоборот: оказывается, что работают те, кому в это время работать не положено. И разве машины едут по улицам в том же самом направлении, что и всегда? Ощущение это так неуловимо, что его трудно точно охарактеризовать — такое бывает, когда возвращаешься домой, но тебе кажется,

что кто-то в твое отсутствие приходил, брал в руки какие-то вещи, даже, может быть, одну, но вот какую — не определить. Да, что-то из серии того раздражающего беспокойства, которое угадывается в походке людей на улицах, в том, как они смотрят, думая, что с кем случится, ожидая всего, чего угодно: потрясающего взрыва или просто треска бьющихся стекол, оружейной пальбы или прокламаций на стенах, и каждый в конце концов уже хочет, чтобы произошло «все, что угодно», но быстро, для того чтобы прекратилось это ожидание.

В понедельник утром, около десяти часов, Кэли Джон появился в Тусоне, куда его привез Майлз Дженкинс. Он вышел из машины в нескольких метрах от «Пионера Запада», и его глазам предстал другой город. Например, прежде чем войти в бар, Кэли Джон бросал взгляд на большие магазины, до Энди Спенсера принадлежавшие Майку О'Харе. Магазины были открыты. И хотя в этот час на улицах должно было быть почти пустынно, перед витринами прохаживались люди, делая вид, что привела их сюда простая случайность.

Простая деталь: мужчин было больше, чем женщин, и некоторые из них подолгу задерживались, например, перед витриной платьев или выставкой женской обуви.

Люди стояли в таких местах, которые можно было бы назвать стратегическими точками, например между двумя банками, делать им там было вроде нечего, и тем не менее они стояли там и чего-то ждали.

На небе — ни облачка. Следов вчерашнего дождя как не бывало. Солнце уже нагрело воздух, и большинство мужчин были без пиджаков, а рубашки их сияли, как фосфоресцирующие пятна.

Не потому ли, что столько людей только и делали, что глазели на улицу, где остановился Джон, он тоже на минуту задержался на углу. Прямо напротив того места, где он стоял, некогда поднялись ввысь первые дома, построенные О'Харой, — нечто вроде ангара из необожженного кирпича с плохо читаемой вывеской наверху:

О'Хара и Виллер Главная контора Чего только там не продавали! Самые неожиданные товары громоздились на пыльных полках — от мешков с зерном и солью до шахтерских инструментов, одежды для работы в шахтах и на ранчо. Были там и стремена, и табак, и ружья, и револьверы, кухонная утварь и целые полки фаянсовой посуды — все это вперемешку, в беспорядке, может быть и нарочитом, потому что возникало желание во всем этом порыться.

В самой глубине здания за стеклянной перегородкой бородатенький служащий притулился на высоченном табурете перед черной конторкой, и дети просились пойти посмотреть на него как на достопримечательность, потому что у конторщика была привычка отирать перо о свою бороденку, которая от этого становилась фиолетовой.

Кэли Джон вошел наконец в бар, где напряжение чувствовалось сильнее, чем снаружи. Все обратили на него взгляды, но смотрели все по-разному.

Посетителей в баре было больше, чем обычно в это время. Большинство стояло; среди них были и те, кто пришел сюда не пропустить рюмку-другую, а по какой-то другой причине.

То один, то другой или несколько человек сразу подходили к находящейся в глубине бара двери, и отнюдь не затем, чтобы отправиться к парикмахеру или в туалет, — все они направлялись к брокеру.

Комната была довольно просторная; хорошие кресла, выстроенные в ряд, как в театре, эстрада, занимавшая всю стену, черные доски с бесконечным множеством граф, в которые две хорошенькие девушки прилежно вписывали цифры, которые заменяли только что стертые.

Бесконечная бумажная лента бежала из телеграфного аппарата, который стрекотал, безостановочно принося в Тусон курс Уолл-стрит, который конторщики выписывали на черной доске.

Сегодня, казалось, этим никто не занимался. В маленькой конторе, куда дверь оставалась незапертой, Джексон, агент по обмену ценных бумаг, склонился над телефоном. Именно на него поглядывало большинство присутствующих, и временами он делал им какие-то знаки, рекомендуя не терять терпения.

— Энди Спенсер уехал... — сказал кто-то Кэли Джону.

Атмосфера, насыщенная ожиданием паники, настолько заняла все его внимание, что он вряд ли мог припомнить, кто это был.

Только случай привел сегодня Кэли Джона в город. Поднялся он очень рано и оделся, как одевался каждый день; он сел на лошадь, чтобы поехать осмотреть скот, как привык проделывать каждое утро до того дня, когда появился баул Роналда Фелпса и смутил его спокойствие.

К Кэли Джону присоединился Гонзалес, и они поскакали стремя в стремя.

Вернулся ковбой, по всей видимости, ночью, наверняка пьяный, как обычно случалось по воскресеньям, и это можно было угадать по желтизне его лица.

— Китаец исчез... — объявил он.

— Знаю.

— Мне это странно. Не понимаю, как я справлюсь. Если только вы мне оставите Дженкинса...

Хотя на ранчо теперь было всего пять десятков голов скота, Гонзалес считал себя скорее управляющим, чем ковбоем, и отлынивал от тяжелой работы.

— Посмотрим, — иронически ответил Кэли Джон.

Лошади следовали шагом к подножию горы, и, пока они ехали, слово «управляющий» как бы проскользнуло вместе с образом Гонзалеса в мыслях Кэли Джона.

Затем слово осталось, а образ сменился, уступив место другому этакому вечно пьяному великану с бычьей шеей, который действительно работал у них управляющим за два года до того, как появился мексиканец, и которого пришлось выставлять вон с помощью кулаков.

До Патрика был и еще один молодец — преданный, вечно хныкающий малый с крикливой и далеко не худенькой женой, которая каждый год награждала его младенцем, а дважды — близнецами.

Его долго не выгоняли, хотя авторитетом он на ранчо не пользовался.

Правда, несмотря на свою вечную беременность, за него заступалась жена, и ее часто можно было видеть во дворе, где она, уперев руки в бока, воевала с двумя-тремя ковбоями.

Плитчард. Так его звали. Он воплотил свою мечту, обосновавшись на бензоколонке по дороге к Фениксу.

И так, переходя от Гонзалеса к Патрику, от Патрика к Плитчарду, Кэли Джон добрался до времен Энди и уперся в соотечественника Гонзалеса, служившего у них тогда управляющим. Тот был худ, и на лице у него была написана скрытность. В отличие от других он был очень молод. Года двадцать три, не больше.

Его однажды привез из города Энди Спенсер, и не как управляющего — на ранчо их тогда было двое, — а как ковбоя. Он был жалким, каким-то потертым, вечно у него что-то болело. Такие, как он, бродили дюжинами в окрестностях: уйдя с шахты или из какого-нибудь другого места, они таскались верхом на своих клячах от ранчо к ранчо.

Каждую неделю брали на работу новых, старые уходили, часто не сказав при этом ни слова, некоторых даже не знали, как зовут. В те времена на ранчо было больше тысячи голов скота, Матильда еще не утруждала себя разведением кур, как на родительской ферме, и нужно было нанимать человека, чтобы заниматься только собаками — так их было много.

Парня этого звали Алоиз Риалес. Джон вспомнил его имя, так как парень утверждал, что происходит из благородной испанской семьи, над ним еще из-за этого насмехались, а много позже Джон услышал про некоего дона Риалеса, который мог и не иметь никакого отношения к семье Алоиза.

Откуда Риалес приехал, никто не спрашивал — этот вопрос никогда не задавали ни в шахтах, ни на ранчо.

Жил он в Мексике и в Сан-Франциско. Был образован, несколько кривляясь, говорил по-английски, которому, наверное, выучился в школе.

Мало-помалу, незаметно, тихой сапой перешел из ковбоев в управляющие.

И тут он повел себя по отношению к людям, которые его не любили, жестко и властно.

Почему при воспоминании о Риалесе у Кэли Джона возникло впечатление, что это связано с одной фразой, которую сестра произнесла накануне? Он никак не мог вспомнить, что это была за фраза. Он искал ее, припоминая их разговор по деталям. Тем не менее он мог поклясться, что Матильда не произнесла ни имени Алоиза Риалеса, ни слова «управляющий».

Он думал о другом, но никак не мог отделаться от этих воспоминаний так бывает, когда упорно ищешь забытое имя.

Накануне вечером он поклялся провести весь день на ранчо за своими обычными занятиями: во-первых, для того, чтобы вернуть себе самообладание, а во-вторых, потому, что от его последней поездки в город у него сохранился горький привкус. Когда он вернулся в девять утра к завтраку, именно Матильда, против всякого ожидания, спросила:

— Ты не едешь в Тусон?

— Зачем?

Он старался вести себя как можно естественнее, пытался придать себе вид человека, которого ничего особенно не занимает.

— Думаю, тебе стоит туда съездить.

Не предполагала ли она, что день, проведенный в бездействии и без новостей, покажется ему

длинным и тягостным? Или у нее была какая-нибудь задняя мысль? Теперь, после вчерашнего дня, он смотрел на нее со смешанным чувством доверия и сомнения, подозревая, что она кое о чем умалчивает и скрыто прибирает его к рукам.

— Майлз Дженкинс понадобится на ранчо, чтобы заменить китайца...

— Уверена, что Ганзалес прекрасно справится и один.

Имя Юнзалеса заставило его снова вспомнить об Алоизе Риалесе.

— Кстати, Матильда, помнишь ли ты последнего управляющего, который был во времена Энди?

— Алоиз?

— Да... Представляешь, с утра все вспоминал, когда же он уехал.

Думал, что помню это время до мельчайших подробностей, а вот про управляющего вылетело из головы.

— Странно, — произнесла она.

— Почему?

— Именно потому, что сегодня утром я тоже думала о нем.

Вдруг он понял, какая была связь между Риалесом и их давешним разговором — он искал ее уже час, но сестре надо было только сказать то, что она сказала. «Представь, что в какой-то момент один из ковбоев говорит Энди: „Поеду и снова поставлю загородку на тропе койотов“».

Именно это сказала Матильда.

Но по логике вещей не ковбой должен был обращаться к Спенсеру, а скорее управляющий. И таким образом, именно Риалесу Энди ответил: «Кэли Джон будет возвращаться там вечером и поставит ее».

Матильда собиралась еще что-то добавить, но он остановил ее, взволнованно, как человек, который стоит на пороге великого открытия.

— Когда он от нас ушел? — спросил он.

— Ты правда не помнишь? Ты думал, что Энди оставит его тебе, и тебе это не нравилось, потому что вы с Риалесом друг друга недолюбливали.

Говорили даже, что Спенсер уже нанял человека с Юга, но незадолго до того, как Спенсер уехал от нас, Риалес появился сам и сказал, что уходит вместе с ним. Ты был обижен, потому что Спенсер тебе ничего об этом не говорил. Я же доказывала, что ты должен радоваться, потому что избавился от него.

— Припоминаю, — проворчал Кэли Джон. — Но не могу вспомнить, когда он из этих мест уехал.

— В любом случае после того, как открыли шахту, потому что именно Алоиз руководил рытьем колодцев. Когда он уехал, говорили, что он получил наследство и собирается обосноваться в Сан-Франциско. Странно, что я помню такие вещи лучше тебя. Ты тогда только что нанял

Плитчарда, и он держал нас в курсе того, что происходит в округе. Он или, вернее, его жена. Скорее, его жена, она иногда задерживала меня на час во дворе своей болтовней...

Кэли Джон пошел к себе в комнату, чтобы одеться, и продолжал говорить с сестрой через полуоткрытую дверь, его немного лихорадило, и он боялся, что сестра заметит зародившуюся в нем надежду.

Он почувствовал зависть к сестре, которая тоже кое на что годилась, потому что впервые с тех пор, как зеленый баул оказался у них в доме, мысли их текли почти параллельно. Впрочем, ничего еще не было ясно, и говорить об этом было не надо. Вот почему он ограничивался ничем не значащими фразами, относящимися больше чем к Риалесу к толстухе Плитчард с ее ежегодными родами и ее хилому нытику-супругу.

Правду должен был обнаружить он сам и уж никак не его сестра.

Теперь он ходил туда-сюда между людьми, которые пытались скрыть свое беспокойство: они жевали резинку или курили, глубоко затягиваясь.

Некоторые время от времени отправлялись пропустить стаканчик в бар, который стал продолжением брокерской конторы.

— Как выяснили, что он уехал?

Он знал в основном всех, во всяком случае, тех, кто был уже немолод.

Вопросы задавал почти равнодушно: все-таки некогда он был компаньоном Энди Спенсера и ему полагалось знать больше других.

Некоторые раздраженно пожимали плечами — у этих в дела Энди были вложены большие деньги, и они не отрывали взглядов от спины агента по обмену денег.

Билл Джексон звонил, куда только мог. Новости передавались всеми возможными средствами. С утра у Энди Спенсера в большом доме на улице О'Хары постоянно отвечали, что его нет дома. На том конце телефонного провода звучал женский голос, и некоторые даже утверждали, что отвечала сама Розита.

— Не знаете, когда он вернется?

— Нет.

— А не можете ли сказать, куда я могу ему перезвонить?

— Не знаю.

— На каком поезде он уехал?

Этого она тоже не знала. Не знала ничего, и после десяти утра телефон в доме отключили. Не работал телефон и в садовом флигеле, молчал также номер личного телефона Энди Спенсера — известен он был лишь немногим его друзьям и партнерам.

Кто-то вспомнил о секретаре, который жил в городе в скромном домишке, — секретарь был женат и имел двоих детей. К жене срочно отправили посыльного. Она утверждала, что знает так же мало, как ее собеседник.

Настроение у нее было плохое, и она даже отказывалась говорить, когда уехал ее муж.

Один же сосед, напротив, утверждал, что слышал, как посреди ночи у секретаря зазвонил телефон, а спустя четверть часа перед его домом остановилась машина — сосед был стар, спал он мало и, вероятно, Спенсера не любил. Возможно, желая привлечь к себе больше внимания, он несколько преувеличивал, но добавил даже, что подошел к окну, узнал машину Энди Спенсера и видел, как секретарь садился в нее с большим чемоданом.

Вот какие новости передавались из уст в уста в баре и в конторе Билла Джексона. Всем хотелось узнать больше. Кто-то громко произнес:

— Нужно позвонить Митчелу...

Но крупные дельцы из штаба Энди, богачи, которые входили в административные советы, в этот день чудесным образом исчезли из поля зрения. Или же, если их в конце концов находили хитростью, притворялись удивленными:

— А вам никогда не приходилось куда-нибудь уезжать? Заметьте, мне самому неизвестно, что Энди куда-нибудь собирается...

Самое удивительное, что уже было невозможно выяснить, кто первым сообщил эту новость. На вокзале утверждали, что там не видели ни Энди, ни его секретаря.

— А машину?

Чувствовалось, что каждый что-то про себя думал, каждый искал, что бы предпринять.

— Не так трудно выяснить, возвращалась ли машина с шофером...

Быстренько послали юного добровольца на улицу О'Хары. Ограда была на замке. Вдоль сада шел переулок. Молодой человек пошел по нему, время от времени заглядывая через стену, и за домом напротив гаража увидел черную машину, которую мыл шофер.

— Машина вернулась...

На летном поле также никто не видел Энди Спенсера. Между полуночью и восемь часов утра три самолета улетели на Восток. Еще один взял курс на Мексику.

В магазинах Спенсера царил такое же беспокойство: прошел слух, будто они, возможно, закроются, пока не перейдут в руки новой компании, которая, по всей вероятности, поменяет обслуживающий персонал.

Русский, который тоже находился в баре, схватил Кэли Джона за лацканы пиджака.

— Что я тебе говорил, братец? Он перешел границу, разве не так? Я знаю кое-кого, кто дорого бы дал сегодня, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз...

Кэли Джон не выпил своего традиционного стаканчика виски, настолько отвратительно ему было воспоминание о субботнем вечере. Он даже отвернулся от Бориса и подошел к одному владельцу ранчо, которого знал некогда по родео. А так как тот был не намного моложе его, спросил:

— Вы никогда не слышали об Алоизе Риалесе?

Среди всего этого беспокойства он продолжал преследовать свою собственную неотвязную мысль.

— О вашем бывшем управляющем? Я думал, он обосновался в Сан-Франциско.

— Он объявил об этом, когда уезжал из этих краев...

В этот момент Кэли Джон находился около бара у углового окна. Совсем молодой человек занимал табурет за его спиной.

— Вы сказали Риалес, господин Эванс? Извините, я услышал. Один Риалес есть даже здесь...

Молодой человек представился. Он был служащим банка, но сегодня у него выходной.

— Вы найдете Жозе Риалеса у брокера, на которого он уже два года работает. Хотите, я вам его покажу?

Они подошли к двери в глубине помещения.

— Вон там. Высокий брюнет, который разговаривает с господином Паркером, около доски, слева...

— Не знаете, откуда он?

— Я иногда встречал его на бильярде, но никогда не расспрашивал.

Кэли Джон предпочел вновь вернуться в бар вместе со своим спутником.

— Хотите оказать мне услугу, молодой человек?

— Охотно, господин Эванс.

— Риалесу покажется странным, если вы спросите, не его ли отец Алоиз Риалес, а если он еще жив, то в этом случае, где он живет?

— Может, сегодня не очень кстати, понимаете? Но я все же могу попытаться...

Он непринужденно устремился в соседнюю комнату, а Кэли Джон остался в баре, предпочитая не показываться там самому.

Тут все пришло в движение, был момент, когда все лица повернулись в одну сторону и без видимых причин возникла уверенность, что сейчас все станет известно.

Билл Джексон, утирая лицо, прошел по коридору, направляясь в туалет.

Он уже больше часа не отходил от телефона, в то время как его секретарь крутил диск второго аппарата.

— Он улетел в Феникс...

Подробности выяснились тут же. Энди Спенсер не заказывал себе места заранее. Он прибыл в Феникс ночью. Было только одно свободное место и только до Лос-Анджелеса. Он купил этот билет, в то время как его секретарь в полседьмого утра, в свою очередь, нашел место на чикагский рейс.

Секретарь Джексона продолжал крутить телефонный диск, одновременно вызывая и Лос-Анджелес, и Чикаго. Линии, как всегда по утрам в понедельник, были перегружены.

— Это его сын... — прозвучало подле Джона.

Кэли Джон нашел в толпе банковского служащего, который был горд, что сумел выполнить свою миссию в такой трудный момент.

— Он меня едва слушал. Не спросил даже, почему я задаю ему такие вопросы. Он был настолько занят, что едва на меня взглянул и сказал не думая:

— Это мой отец... Если он вам нужен, найдете его в Бисбее. У него там табачная лавка на Главной улице...

Кэли Джон захотел угостить молодого человека виски, но тот скромно отказался.

— Всегда к вашим услугам, господин Эванс. Я в банке каждый день, кроме понедельника. Найдете меня во втором окошке слева...

Новость уже вышла на улицы. Все теперь знали, что Спенсер вылетел в Лос-Анджелес, куда он уже к этому времени должен был прилететь.

Встретится ли он со своим секретарем в Чикаго? Отправится в Нью-Йорк? Или в Вашингтон?

Уезжал ли он добровольно? Конечно, от Чикаго рукой подать до Канады, но если Спенсер хотел исчезнуть из этих мест, то ему было бы проще меньше часа на машине — отправиться в Мексику, где у него были вложены большие деньги.

Многие посмотрели на часы, ибо все они подумали об одном и том же расследование в сенатской комиссии по делу Дж. Б. Акетта, авиационного конструктора, будет продолжено.

Было ли предъявлено обвинение Энди Спенсеру? Или его вызвали? Или же он сам отправился туда, чтобы предстать перед комиссией?

Кто-то начал крутить радио, но до начала работы комиссии еще было несколько минут, и музыка, которая неслась из радиоприемника, казалась неуместной.

Кэли Джон не двигался с места: он колебался, о чем-то думал, смотрел на дверь, за которой светило солнце, и вдруг встал и вышел из бара; Майлз Дженкинс по-прежнему подпирал стену.

— Знаешь дорогу на Бисбей?

— Мы по ней уже ехали, когда отправились в Санбурн.

— Бензин у тебя есть?

— По дороге куплю.

Может быть, Кэли Джон просто не мог переносить это напряжение, царившее в Тусоне. Или же драматизм ситуации для него был не там, где его видели остальные. Большинство боялись за свои деньги и положение. Те же, кто не участвовал в делах Энди Спенсера, следили за событиями, как будто смотрели бой быков, из спортивного интереса, чтобы выяснить, как будет защищаться человек, выдержит ли он до конца или сдастся.

Пустыня и голубой горный цирк, дорога с белой полосой по одной стороне, по которой они ехали, действовала успокаивающе. Мимо них проносились большие и маленькие грузовики, перед ними была линия горизонта, к которой они стремились, и никаких телефонных звонков», аэродромов, пожиманий плечами брокера, который наверняка уже занял свое место у телефонного аппарата.

Лос-Анджелес? Чикаго? Нью-Йорк или Канада? Все это не имело значения.

Кстати, выключила ли телефон у себя дома Пегги Клам и погрузился ли ее дом наконец в тишину? Если нет, то ее наверняка одолели подруги — а имя им легион — все они были дамами из того самого общества, где мужья вели дела с Энди Спенсером или без него.

Снова проехали Санбурн, и этим утром Кэли Джон смотрел на городской скелет равнодушно. Без малейшего желания выходить из машины и идти здороваться он увидел доктора Швоба, который заканчивал сушку самого себя на веранде.

Немного отъехав от города, Майлз Дженкинс пришел в замешательство, какую выбрать дорогу, наконец он свернул направо, и они начали подъем в гору, перевалили горы: то тут, то там на foot-hills тонули в зелени ранчо.

Наконец совсем внизу появился город, который горы так зажали с двух сторон, что в нем оставалось место всего для одной, петлявшей, как ручей, улицы: дома вокруг нее приткнулись на склоне, и к ним вели лестницы, вырубленные в скале.

Жизнь тем не менее шла, бурная и явная, — она напоминала жизнь Санбурна во времена его расцвета. Повсюду, вокруг низины, где в одну линию, как в любом городе Соединенных Штатов, вытянулись магазины, почва была изрыта машинами, земля была медно-красного цвета, как бы с вкраплениями лавы, из нее добывали руду, и вагонетки, иногда даже по навесной дороге, развозили ее во все стороны.

— Остановись где сможешь...

На этой единственной улице было нелегко припарковаться, и Майлзу Дженкинсу потребовалось на это некоторое время.

Кэли Джон решил идти пешком, потому что, когда они проезжали по улице на машине, он обнаружил одну лавочку с двумя витринами, внутри нее было темно, а на пороге восседал индеец, куривший трубку.

Стекла были пыльными, и пыль была красной, слой ее лежал повсюду.

Дверь в лавку была приоткрыта, а через нее тянуло едва уловимым запахом сигар и табака. Здесь также продавали почтовые открытки, сувениры, дешевую кожу.

Кэли Джону показалось, что за ним следили из глубины лавки, и он предпочел сразу же войти внутрь. За прилавком стоял человек, лицо которого было почти скрыто сивой и очень густой бородой. Те, кого Кэли Джон встретил на улице, тоже носили бороды, и он вспомнил, что через месяц праздники, к которым все мужское население города должно было отрастить бороды, как во времена пионеров Дикого Запада.

Они не сразу узнали друг друга. Мужчина за прилавком выжидал, понимая, что его посетитель пришел не затем, чтобы купить у него сигары.

Он ждал, чувствуя себя не в своей тарелке, потом прокашлялся и водрузил на нос пенсне, которое вытащил из кармана.

— Алой?»?

— Да, это я... А вы, вы не... Черт возьми? Да это мистер Эване!

Он снова закашлялся. У него всю жизнь что-то болело. Может быть, что-то с легкими?

— И давно... вы здесь? — спросил Джон.

Некогда он разговаривал с ним более фамильярно, но эта непринужденность разговора возвращалась не сразу.

— Дет десять... Хвастаться нечем, маленькое торговое дело, благодаря которому я могу держаться на плаву.

— А раньше?

Риалес неопределенно махнул рукой, что должно было означать, что Соединенные Штаты велики.

— Проехал с Севера на Юг, мистер Эване... Даже был женат.

— Я знаю, у вас сын в Тусоне.

— Вы с ним говорили?

Кэли Джон не сказал ни да, ни нет, и собеседник его продолжил:

— У меня еще дочь замужем за врачом во Флориде.

Он меня сюда и определил. Уже десять лет прошло, никому мои старые кости и даром не нужны...

Он говорил, чтобы говорить, это чувствовалось, он держался оборонительной позиции, избегал спрашивать, что нового известно об Энди Спенсере.

— Не кажется ли вам, Алоиз, что мы могли бы поговорить более откровенно?

Кэли Джон был не из тех, кто долго хитрит. Это его утомляло. Точнее, ему становилось противно, как боксеру перед лицом убегающего противника.

— Поговорить о чем?

— Например, о том, что произошло когда-то на ранчо «Кобыла потерялась».

— Не донимаю, что вы имеете в виду, мистер Эванс?

Раньше он так не лукавил. Конечно, открытого взгляда у него никогда не было, но он не производил впечатления человека, который пытается проскользнуть у вас между пальцами, как это было теперь.

— Кроме всего прочего, там неким Ромеро был произведен один выстрел...

— Верно... Я не подумал об этом... Ведь это тот ковбой, которого вы убили?

Это был первый ложный шаг. Как бы плохо ни была у него память, он не мог забыть, что речь шла об организованной западне, а тем более о том, что Ромеро никогда на ранчо не служил. Он тем более не мог этого забыть, поскольку работниками занимался именно он, и он же, в довершение всего, присутствовал на процессе.

— Послушайте, Алоиз...

Губы у Кэли Джона немного дрожали, как всегда, когда он чувствовал, как поднимается в нем ярость или когда ему нужно было сказать что-то неприятное.

— У меня есть основания полагать, что вы могли бы снабдить меня некоторыми подробностями, которые мне хотелось бы выяснить... Слышите?

Которые я хочу выяснить...

Собеседник бросил косой взгляд на улицу, как будто хотел в чем-то удостовериться. Напротив был ресторан, выкрашенный в желтый цвет, и за стеклом можно было различить кассиршу. Чем он рисковал?

— Когда вы ушли от Спенсера, вы утверждали, что едете в Сан-Франциско...

— Я туда действительно поехал.

— Что вы там делали?

— На меня свалилось небольшое наследство...

Он сделал незаметное движение. Скользнул к концу прилавка, который находился ближе всего к двери; он наверняка хотел добраться до порога, где мог бы почувствовать себя в большей безопасности.

Это была его вторая ошибка. В Кэли Джоне жило еще это назойливое нетерпение, которое охватило его поутру в Тусоне.

Он тоже сделал два шага вперед, схватил испанца за пиджак, тот было отступил, но Кэли Джон толкнул его к приоткрытой красной портюре, за которой угадывалась гостиная.

— Иди туда... Иди... И не пробуй кричать, потому что я разобью тебе морду, прежде чем ты успеешь открыть рот...

Такое случалось с ним несколько раз в жизни, особенно с ворами, которые угоняли скот, или с нечестными ковбоями. Каждый раз после этого он надолго успокаивался.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите... Оставьте меня... Вы не имеете права...

— Иди туда! И никаких криков, повторяю... И не пытайся улизнуть на улицу... У меня все бумаги Роналда Фелпса, знай это.

Итак, эти слова, сказанные на всякий случай, достигали цели. Испанец вздрогнул, прекратил сопротивляться — пусть будет что будет, поправил воротник пиджака.

Они находились в помещении за лавкой, где было два дивана, обтянутых красным репсом, и

столики. Выцветшие обои на стенах и несколько гравюр в черных рамках. Наверняка завсегдагаи приходили сюда после обеда выкурить по сигаре или трубке. Более чем вероятно, здесь играли в карты.

Было тоскливо и пыльно. Непонятно почему, обстановка наводила на мысль о каком-то тайном пороке.

— Ты ведь хорошо знал Роналда Фелпса, да?

— Как все.

— В Тусоне?

— В Тусоне, Санбурне, здесь... Он много ездил...

— А кого еще ты знал?

— Не понимаю, что вы хотите сказать...

— Послушай, Алоиз... Я решил, что ты заговоришь, и ты заговоришь...

Понял? Я нечасто злюсь, но когда злюсь, это становится неприятно для других. Кто заплатил Ромеро, чтобы он убил меня?

— С чего это вы решили, что я знаю?..

— Кто обнаружил жилу?

— Клянусь вам...

На сей раз он попал в цель, и Алоиз не мог сдержать удивленного взгляда, которым наградил своего собеседника.

— Не понимаешь, откуда мне это известно, да? Не имеет значения.

Насколько я тебя знаю, ты бы не ушел с такого места, которое имел у Спенсера, без веских причин...

— Я вам уже сказал, что получил наследство...

— От кого? Будь внимателен... Это ведь можно выяснить. Нужны официальные бумаги, а они не исчезают.

— Мне нечего вам сказать.

Должно быть, он думал: «Если бы только кто-нибудь вошел в магазин».

Был мертвый час. Кэли Джон, который задернул портьеру, начинал все больше нервничать: он зашел слишком далеко, чтобы отступить, но у него не было никакой уверенности, никаких доказательств, он действовал импульсивно.

— Во-первых, это ты сказал Ромеро, что я возвращаюсь не по обычной дороге, а по тропе койотов.

— Докажите!

— Ты знал Ромеро.

Алоиз попытался бодриться, поднял голову.

— Не больше, чем вы.

— Ты знал Роналда Фелпса.

— Его знали десять тысяч человек.

— Итак, Роналд Фелпс был в курсе дела. Малыш Гарри тоже. Ромеро платил еще кто-то. Кто?

— Спросите у него...

— Кто-то также должен был обнаружить жилу, прежде чем начали делать вид, что роют артезианские колодцы для того, чтобы была возможность официально ее открыть...

— Возможно... Может быть, если вы спросите у своего друга Энди.

— Послушай, Алоиз... Ты должен отдать себе отчет в том, что я решил выяснить, и я выясню. Предполагаю, что шкура твоя тебе дорога, как бы мало она ни стоила.

— Кому еще есть дело до этих древних историй? Вас поднимут на смех, извлеки вы их на свет Божий... Они больше никому не интересны...

— Интересны. Мне!

— В те времена об этом достаточно посудачили, и правда была у всех на устах...

— Ты уверен, что это правда?

— Вы сами так же решили...

— Потому что у меня еще не было в руках бумаг Роналда Фелпса...

— Покажите их. Он давно вернулся к себе на родину, а он был не из тех, кто оставляет за собой компрометирующие документы...

Он ускользал, искал любой предлог, чтобы за него ухватиться...

— Энди Спенсер воспользовался всем, но...

— Вы это сами сказали!

— Ты знаешь, что Энди на пороге разорения?

— Еще не знаю, но счастлив узнать... Ничто не может доставить мне такого удовольствия.

— Ты скажешь?

— Мне нечего сказать.

В лавке раздались шаги. Алоиз бросился было вперед. Кэли Джон обогнал его, отдернул

портьеру.

— Хозяин вышел на несколько минут.

Он повернулся спиной и произнес:

— Зайдите попозже... Теперь, Алоиз, ты заговоришь, потому что я решил, что ты заговоришь, потому что с меня довольно, потому что это уже достаточно тянется, потому что мне нужно обязательно знать...

Из розового лица его стало белым. Черты заострились. Он двинулся на Алоиза Риалеса, и стало ясно, что он готов действительно на все, что его ничего не остановит, что он любой ценой решил покончить с видениями прошлого.

Пегги Клам его бы не узнала и подавилась бы собственным смехом. Ну а Матильде было известно, что, если ее брат впадал в такое состояние, лучше его не трогать.

— Ты ведь скажешь, да?

Он не сделал больше ни шагу. Он отсчитывал время: сделать надо было еще два шага, и они были последними.

— Ты скажешь, Алоиз. Сначала ты скажешь, кто тот негодяй, что заплатил Ромеро, чтобы убить меня. Затем, кто...

Шаг вперед, последний, и жизнь Алоиза на какой-то миг будет висеть на волоске. Отступить ему было некуда. Риалес почувствовал у своих щиколоток диван, на который он упадет, если еще пошевелится.

— Ты скажешь...

Голос изменил Кэли Джону. Усталость навалилась на него. Тем хуже для того, что случится потом. В этот момент на карту была поставлена вся его жизнь. Он хотел, хотел изо всех сил, чтобы у него из глаз сейчас брызнули слезы. Но слезы не могли принести ему облегчения.

Горячее дыхание обожгло лицо Алоиза.

Тогда коротышка рухнул на репсовый красный диван и в последнюю минуту, как раз вовремя, махнул рукой в знак своего поражения.

— Быстро!

Две большие руки легли ему на плечи, жесткие пальцы закаменели, неумолимо поползли к горлу.

Теперь с сухих горящих губ Кэли Джона срывалась почти мольба:

— Быстро...

В конце концов Алоиз смог пробормотать:

— Слушайте...

— Что вы хотите знать?

Они поняли друг друга. Коротышка с седенькой бородкой, сидевший на краешке дивана, поправил галстук и отвороты пиджака, посмотрел скорее с любопытством, чем с ужасом и ненавистью, на стоящего перед ним и немного задыхающегося Кэли Джона.

Тут и Кэли Джон понял, что может ослабить поводок и позволить торговцу сигарами обслужить клиентов у прилавка. Алоиз покорно вернулся: всякое сопротивление его было сломлено той волей, что в пароксизме выплеснулась наружу. Кэли чувствовал себя опустошенным и обессиленным, так много ушло у него на это сил.

Алоиз еще не выпустил свой яд. Он все еще мог ужалить за пятку, но не сразу.

— Могу я выпить стакан воды?

За портьерой был кран, и Джон решил не унижаться и не следить за своим собеседником.

— Вы тоже хотите?

Он сказал «нет», потом — «да», и бывший управляющий, который еще несколько минут назад имел совершенно реальную возможность умереть от его руки, протянул Джону стакан и снова устроился на краешке дивана.

Он ждал вопросов, а Джон, со все еще немного трясущимися коленями, продолжал стоять, не зная что сказать. Тридцать восемь лет его мучил один и тот же вопрос — он то обозначался резче, то терял свою актуальность.

Поначалу, например, сомнение в предательстве Энди Спенсера редко закрадывалось в мысли Кэли Джона.

Сомнения рождались в его голове постепенно, и их становилось больше по мере того, как он старел: детство начинало казаться ему все дороже и как будто ближе — с возрастом сомнений этих становилось все больше, и они приобретали большую отчетливость.

Теперь, когда сомнения эти приобрели характер навязчивой идеи, которая преследовала его последние дни, ему предстояло все выяснить.

Надо было только спросить. И Алоиз заговорит.

Но не Алоиз, а сам Кэли Джон выглядел так, как будто он чего-то боится и не знает, на что решиться. Почему было просто не спросить:

«Кто? «

В Тусоне в брокерской конторе и в баре становилось все больше любопытных и тех, кто потерял всякое терпение. Следы Спенсера нашлись в Сент-Луисе. Он там недавно сошел с трапа самолета на землю и теперь был там, в Сент-Луисе, в аэропорту. Собирался ли он сесть на другой самолет?

Ему пришлось пройти в контору авиакомпании, он был сух, нервничал, а надо было еще разговаривать со служащим.

— Куда ближайшие рейсы? — спрашивал по телефону Джексон.

И оттуда доносилось: «Есть во всех направлениях, но неизвестно, взлетят ли они... с утра тут просто ураганный ветер...» — по голосу можно было догадаться, что человек смотрит в окно на цементные дорожки.

В Тусоне же было тепло и спокойно.

— Не можете ли вы выяснить, по-прежнему ли он находится в здании аэровокзала и нельзя ли позвать его к телефону?

— Все, что я могу сделать, это вызвать его по громкоговорителю.

Из Тусона было слышно, как звучал в громкоговорителе голос:

— Мистера Энди Спенсера просят к телефону. Мистера Энди Спенсера просят к телефону для важного разговора...

Пауза. Что бы сказал Джексон, подойди Спенсер к аппарату. Он искал, кого бы поважнее позвать к аппарату вместо себя, но как бы случайно все были чем-то заняты или направлялись в бар.

— Никто не подходит. Однако Спенсер находится в списке пассажиров, прилетевших на рейсе из Лос-Анджелеса. Может быть, он уже уехал из аэропорта?

Ну уж нет! Получасом позже та же самая служащая, которой позвонили снова, заявила, что Энди Спенсер только что поднялся на борт «Констелласьона», который, несмотря на плохую погоду, в ту самую минуту брал курс на Нью-Йорк.

— Самолет делает посадку в Чикаго?

— Да.

Не забронировал ли секретарь место на этот рейс для второй части путешествия?

Час за часом не только в баре, но и во всем городе крутили ручки радиоприемников. Матильда на ранчо тоже ждала каждую трансляцию из Вашингтона.

— Этим утром отношения во время заседания между председателем и адвокатом Дж. Б. Акетта все более и более накаляются. Адвокат, который на прошлой неделе наметил несколько вопросов, сегодня выказывает признаки усталости. Вот несколько реплик, которыми они обменялись не более получаса назад...

Голос диктора, доносившийся до помещения за лавкой Алоиза, звучал то ли из соседнего дома, то ли из желтого ресторанчика напротив.

Председатель: Мною выявлено, что некая персона, приближенная к правительству, получала от вас суммы, которые, судя по всему, превосходили сто тысяч долларов.

Акетт Приблизительно столько. Это старый друг.

Председатель: Вас повсюду встречали вместе в самых шикарных ресторанах, где он приглашал к столу своих друзей, не скупясь на угощение, а счета оплачивали вы...

Акетт: Эти суммы были мне возмещены.

Председатель — На эти встречи часто приглашались для развлечения очень красивые женщины и очень дорогие...

Акетт. Предполагаю, что меня это не касается...

Председатель: Если не считать, что я нашел цену норкового манто, проведенную через вашу бухгалтерию в графе «реклама».

Для Кэли Джона это было как музыкальный фон. Он не отрывал от Алоиза тяжелого взгляда, и ему надо было сделать над собой усилие, чтобы увидеть того таким, каким он был прежде: худой и невысокий, это точно, вероятно, здоровьем похвастаться не мог, но не сидел на месте и был полон нервной энергии, взгляд его был острым, и глаза блестели.

— Кто нашел жилу? — спросил он наконец, отчетливо произнося каждый слог. — Стоп! Помолчи. Прежде я хочу знать, какие у тебя были в то время отношения с англичанином?

Настал черед Алоиза задавать вопросы:

— До или после?

— До того, как Ромеро стрелял в меня.

— Я знал его понаслышке, как все вокруг. Наверное, видел на улицах Тусона или Санбурна...

— Никогда не говорил с ним?

— Нет.

— Ты знал, что он был хозяином Малыша Гарри?

— Не знал.

— Ты часто ездил в Санбурн?

— Можно сказать — никогда.

— У тебя там были друзья, которые держали тебя в курсе дела?

Алоиз думал каждый раз, перед тем как ответить, как будто хотел взвесить точность своих слов.

— Нет. Только потом...

— Таким образом, до пятнадцатого августа тысяча девятьсот девятого года ты Роналда Фелпса не знал?

— Я этого не сказал. Я сказал «до того, как была открыта жила».

— Кто ее открыл?

Может быть, тут Алоиз не был так откровенен. Было заметно, что он колеблется.

— Послушайте... Несколько раз в июне или июле — скорее, это было в июне — я видел, как

Роналд Фелпс бродил по территории ранчо, на его юго-западной границе. Первые два раза я решил, что он просто проходит мимо, и даже не направил в его сторону лошадь. Но вечером я издали увидел лошадь без всадника. Подъехал ближе... На земле лежал человек, и я сразу же понял, что он там делает. Это был англичанин... Он сказал мне, что подумал было постройку участка, что в этом месте проходит жила, но ошибся.

— Ты лжешь!

Кэли Джон заявил это так уверенно, просто потому что концы с концами не сходились. С удивительной легкостью, без какого бы то ни было нажима Риалес согласился.

— Если угодно...

Правда, более он ничего не сказал.

— Это ты открыл жилу. Ты пошел к Роналду Фелпсу, чтобы тот тайком приехал изучить участок...

— Это был не самый умный и выгодный поступок в моей жизни.

— Что помешало тебе сказать об этом Энди и мне?

Алоиз по-прежнему молчал, и в этот момент кто-то вошел в лавку.

Коротышка взглядом попросил разрешения пойти обслужить клиента, и Джон дал это разрешение. Отсутствовал Алоиз довольно долго, потому что вслед за первым вошли еще два посетителя.

После этого Риалес покорно уселся на свое место. Он был совершенно спокоен.

— Будет легче, если ты сам скажешь всю правду.

— Я сомневался, есть ли жила, это правда. Я отправился к англичанину только потому, что мне была нужна техническая консультация, только она.

Простое подтверждение, прежде чем двигаться дальше...

— Что ты сделал затем?

— Я знал, что у мистера Спенсера есть долги...

— То есть тебе также было известно, что он довольно часто ездит играть в Санбурн?

— Да.

— Что он должен Малышу Гарри?

— Но я еще не знал, что за ним стоит англичанин, иначе бы я обратился к другому геологу. Фелпс приезжал не один раз...

— И ты еще надеялся так или иначе получить шахту в свое распоряжение?

— Почему бы и нет?

— Как бы ты мог этого достичь?

— Хорошо выбрав момент, я бы в конце концов добился от мистера Спенсера, чтобы тот продал мне часть концессии. Так как никто не подозревал о существовании жилы, я бы получил землю почти даром...

— А я?

Молчание.

— Как ты думал договориться со мной?

— Вы все равно сейчас ничего не можете мне сделать.

Прошло тридцать восемь лет. И если вам суждено было меня убить, вы уже это бы сделали. Я сказал себе, что вы мешаете...

— Почему я, а не Спенсер?

— По целому ряду причин... Он не был настоящим ранчеро. Он занимался этим, как мог заниматься чем угодно... Ковбой это хорошо знали. Если бы он увидел, что ему выгодно уступить часть концессии, он бы это сделал. А вы — нет!

Это было правдой.

— Деньги на первые издержки я бы нашел. Я бы обратился к банкам.

Понадобилось бы, я бы взял компаньона...

Горькая складка залегла у его рта.

— Ну а они меня надули. Думайте обо мне что хотите... Говорите, что я негодяй. Ну а они тогда кто? Что Говорить про них?..

— Короче говоря, ты решил убить меня или нанять убийцу.

— Я думал, что с вами, как и с кем угодно, может произойти несчастный случай...

— Ты обратился к Ромеро.

— Нет.

— Ты знал его?

— Да...

— Ты знал, что он из тех, кому можно поручить такую работу?

— Я знал, что он убийца. Мне даже была известна его такса. Сто долларов за обычного человека. От двух до пяти сотен, если это была какая-нибудь шишка или отличный стрелок...

— Что произошло, когда приехал Роналд Фелпс?

— Он пригласил меня зайти к нему в городе. Если вам не изменила память, вы должны вспомнить, что я брал отпуск на три дня. Англичанин тогда жил в Тусоне. Я говорю «тогда»,

потому что обычно он жил в Санбурне или Бисбее. Он принял меня у себя в конторе, где начал доказывать, что я ничего не могу сделать один, что мне понадобятся поддержка, деньги...

Все это происходило вокруг Кэли Джона, происходило, а он ничего не знал. И через тридцать восемь лет он, каким-то чудом избежавший выстрела Ромеро, покупает на складской распродаже зеленый баул, в котором завалялись кое-какие документы.

Он даже не заметил, что радио уже давно начало передавать музыку и теперь смолкло.

Вновь начиналась передача из Вашингтона.

— Допрос Дж. Б. Акетта только что принял неожиданный оборот. Еще трудно предсказать, куда клонит председатель. Его последние вопросы касались капиталов Акетта, которые он имел в момент объявления войны, баланса завода по производству двигателей, который тогда находился в его владении, и людей, с которыми Акетт вел дела. В кулуарах ходят слухи, что новые имена не замедлят появиться, но на сей раз речь не будет идти о функционерах или политиках.

Энди Спенсер летел в сторону Чикаго. А что в это время делала Пегги Клам? А Розита? И девочки? Сын Спенсера?

— Ты уверен, что давно не появлялся на ранчо? — спросил Джон, который вдруг вспомнил об исчезновении сундука.

— Я уже пять лет не выезжал из Бисбея, любой здесь это подтвердит.

Он дошел в своем рассказе до того места, что ему уже хотелось как можно быстрее все сказать. Он начал говорить так, что вопросы оказались излишни.

— Вы ведь не были близко знакомы с Фелпсом, да? Но вы его должны помнить. Внешне это был самый безобидный человек в мире. Он вызывал смех. Впрочем, дети его не стеснялись: когда он проходил по улице, они поднимали его на смех. Можно было подумать, что он делает так нарочно: серый редингот, который бьет по щиколоткам, плохо выбритые щеки, взгляд рассеянного ученого. Когда он шел так, его нельзя было принять за геолога, скорее, за ботаника, который с нежностью рассматривает травы и цветочки. У него всегда висела под носом капля. Не знаю, помните ли вы это... Когда с ним говорили, не могли отвести взгляда от этой прозрачной капли, которая висела у него под носом, время от времени он щелчком сбивал ее, так что она могла угодить в лицо собеседника.

Я говорил себе, что его консультация будет стоить мне дорого, несколько сотен долларов, может, тысячу, но игра стоила свеч. Дом у него был такой же пыльный, как он сам, и я там никогда не видел ни служанки, ни слуги. Правда, обедал он в ресторане... Он был скуп.

Но главное, это был самый большой из живших тогда на территории Аризоны мошенников. Я не смог бы даже сказать точно, как он со мной обошелся. Он был холодно вежлив. Медленно ронял обрывки фраз, которые были так хорошо выверены, что через несколько минут разговора вы уже переставали что бы то ни было понимать.

Он сначала начал говорить о бумагах, которые нужно было бы достать для того, чтобы начать эксплуатировать шахту, и которые такому, как я, не дадут.

Затем деньги. Он называл мне шахты в Санбурне, и тем не менее они закрывались одна за другой... Он показывал мне газеты, где публиковались курсы акций на шахты.

«Мы не будем торопиться, друг мой»...

И когда он сказал «мы», я не сомневался, что это было такой же правдой, что он мог бы сказать «я».

Я не знаю, кто был его наследником в Англии, куда он отправился умирать. Они, возможно, и не подозревают, что к ним попали такие грязные деньги.

Впрочем, некоторые уверяют, что это как болезнь — копить деньги, все больше и больше, все равно как, так другие пьют или бегают за девицами.

Опять покупатель. Кэли Джон дошел до двери сказать Майлзу Дженкинсу, чтобы тот сходил поесть, и Майлз исчез в желтом ресторане напротив. Сам он есть не хотел.

Забавно. Ему вдруг стало грустно. На плечи лег какой-то груз. Всю жизнь ему надо было во что-то верить, в Бога или в Солнце, в Землю, погоду или людей. Всю жизнь он прожил на свежем воздухе, в чистоте внешней и внутренней, и ему было стыдно, что он так долго сидит в этом помещении за лавкой, которое пахло порохом.

— Он меня доконал. Убедил в конце концов, что самое лучшее было отдать все ему в руки. Он не скрывал, что рассчитывал на хорошую часть прибыли в этом деле, и я ему поверил... С этими бескорыстными никогда не знаешь где окажешься...

Он не мог удержаться, чтобы не взглянуть на Кэли Джона. Не потому ли, что тот был честен и бескорыстен, он чуть не погиб от пули Ромеро?

— А Энди?

— Мы договорились никому не рассказывать о нашем открытии. Во-первых, надо было выкупить концессию, по крайней мере ту ее часть, где проходила жила. «Со Спенсером, — говорил он, — проблем не будет». У него были серьезные основания не показывать своей заинтересованности.

Я ответил, что мне известно, что Спенсер проигрывает, и вот тогда, может быть, для того, чтобы произвести на меня впечатление, он показал векселя, подписанные вашим компаньоном.

Он почти улыбался, это он-то, кто никогда не улыбался.

Я был удивлен, что он вынимает эти бумаги из старого сейфа, который возвышался у него за креслом, — я такого сейфа никогда не видел, он доставал почти до потолка. «Понимаешь теперь, малыш, что я тебе нужен? говорил он. — Если бы я захотел, завтра же заставил бы продать концессию, вместе со скотом и домом... «.

— Почему вы этого не делаете?

Во время того давнего разговора по улице должны были проезжать всадники, слышаться цокот копыт, крики ковбоев.

Теперь в помещении за своей лавкой тот же самый Алоиз представлял все это перед Кэли Джоном. Вдруг Джон действительно понял, что за запах мешал ему с самого начала: ковры пропахли кошачьей мочой.

— Я спросил его, что он будет делать с вами, заметив, что с вами ему будет не так просто договориться, как с мистером Спенсером, и что я со своей стороны видел только один выход...

— Убить меня!

— Я говорил о несчастном случае...

— Что он сказал?

— Покачал головой. Вздохнул: «Очевидно, несчастный случай не заставит себя ждать...» Вот и все.

— Это он нанял Ромеро?

— Наверное.

— Ты в этом не уверен? Это был точно не ты?

— Я никогда не предлагал ему вас убить.

— Какова была твоя роль?

— Англичанин знал, что вы едете в город пятнадцатого августа.

— У меня не было назначено встречи ни с ним, ни с кем бы то ни было другим.

— Тем не менее ему это было известно. В тот день Ромеро прислал мне на ранчо записку с одним из наших ковбоев, в которой просил встретиться с ним у песчаного колодца... Понимаете где...

Старый, заброшенный колодец, который со временем затянуло тонким песком. Он существовал и по ею пору.

— Я отправился туда, не подозревая о том, что готовится. Клянусь, в этот момент я не знал, что решение уже было принято... Ромеро спросил меня, какой дорогой вы обычно ездите и где бы лучше всего вас встретить.

Мистер Энди сказал мне несколько раньше, что вы поедете по тропе койотов для того, чтобы вновь поставить заграждения. У вершины горы стали собираться тучи, и на обратном пути на меня упали первые капли дождя. Я подумал, что англичанин зря времени не теряет, и доверие мое к нему укрепилось.

Алоиз решил быть циничным, и временами в его блестящих глазах пробежал вызывающий огонек.

Снова радио. По странному стечению обстоятельств там и тут говорили об одном человеке. Диктор подражал торопливому голосу председателя суда:

— Кто?

И Дж. Б. Акетт отвечал:

— Я не могу этого сказать...

— Чтобы начать свое авиационное дело, вы получили двадцать миллионов.

От кого?

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Именно благодаря этой сумме вы смогли заполучить свои контракты и за три года выручить шестьдесят миллионов... Кто вам их предоставил?

Кэли Джон пожал плечами и произнес еле слышно:

— Энди Спенсер!

Тот самый Энди, который некогда воспользовался великодушием Алоиза и англичанина!

Его-то убивать не было необходимости! Было известно, что он не будет сильно сопротивляться. Он был не слабее их, потому что, в конце-то концов, владельцем жилы был именно он.

Да, не он нанимал убийцу Кэли Джона. Но даже если он тогда не знал, кто это собирался сделать, это в конце концов должно было стать ему известно.

И вряд ли Джон теперь хотел это выяснить. Но Алоиз продолжал говорить громче, чем радио, и подталкивать его не было необходимости.

— Когда я узнал, что засада провалилась, я решил, что дело погубило, и как только смог, пошел к Роналду Фелпсу. Он, как обычно, был спокоен. Он не говорил со мной ни о вас, ни о Ромеро. Когда я упомянул о происшедшем, он только пробормотал: «Я что-то слышал про это... Но как это нас касается? «

Что-то не складывалось. Кэли Джон, которому не хотелось прерывать Алоиза, внимательнее начал к нему приглядываться, потому что вдруг ему пришло в голову: все, что ему с такой живостью и самолюбованием рассказывалось, может быть хитросплетением лжи.

Потому что в конечном счете письмо Малыша Гарри было адресовано англичанину. Англичанин стоял за спиной владельца «Санбури-палас». Что ему писал Малыш Гарри? Что в такой-то день, 15 августа, Ромеро, подучивший деньги от некто Г., убьет Кэли Джона.

Почему он сообщал ему об этом, если именно Фелпс за этим убийством и стоял?

В то же самое время он прислушивался к новостям, которые передавались по радио. В котором часу Энди Спенсер со своим секретарем, если они встретились в Чикаго, должны приземлиться в Нью-Йорке? Летели ли они в Вашингтон?

Не сейчас, так через минуту имя может слететь с губ Дж. Б. Акетта, которого продолжали засыпать вопросами, и все в Тусоне наконец услышат его, и тогда паника, которая начала нарастать с утра, достигнет своего апогея.

Как объяснить? Кэли Джон в этот момент мог думать только о чем-то одном. У него не было хладнокровия того председателя суда, который вел допрос в Вашингтоне. Как объяснить, что накануне — за несколько часов до отъезда Энди Спенсера — кто-то проник на ранчо, пока шла служба в церкви, и украл там документы. И кто мог увезти с собой китаец?

— Месяцы напролет, — рассказывал Алоиз, — англичанин правдами и неправдами заставлял меня сидеть тихо, обещая, что все случится через месяц, следующей неделе... «Как только я

выкуплю концессию», — говорил он. Потому что незаметно, но именно он стал главным действующим лицом.

Да так оно и было, если он держал меня за статиста.

«Я жду, когда Энди вынужден будет продать или когда его компаньону останется только молчать...».

Ну а я тем временем узнал, что мистер Спенсер перестал играть. Может быть, на него повлияло то, что произошло с вами. Или у него была другая причина... Думаю, скорее, другая.

Это время вы должны помнить лучше, чем я, вы оба тогда ходили к Майку О'Харе. Не знаю, правда это или нет, но говорили, что вы оба были одинаково влюблены в Розиту. Ну а старина Майк уже давно искал для своих двух дочек зятьев, за которых не было бы стыдно, а это в Тусоне непросто.

Мне от всего этого видна была только иллюминация. Еще точнее, Роналд Фелпс сделал так, что мне видна была лишь она.

Дворец на улице О'Хары только строился. Майк устраивал танцы в большом деревянном доме с просторными верандами, и в такие вечера в хрустальных люстрах зажигали все свечи, женщины одевали свободные шелковые платья, и талии у них были такие тонкие, что их можно было обхватить пальцами.

Сияние Розеты и ирония Пегги...

Кэли Джон видел тоже только иллюминацию. Он с трудом отдавал себе отчет, что влюблен. Не были ли они все влюблены в те времена в Розиту?

Но кто мог тогда претендовать на ее руку? Почему Пегги, ее старшая сестра, насмехалась над его смущением?

Да потому что, черт возьми, она знала! Потому что ждала ту новость, что должны были объявить 25 декабря, новость о помолвке Энди Спенсера и младшей дочери О'Хары.

Старикан Майк отдавал свою дочку за игрока, за которым числились только долги?

Как тут не подумать о шахте?

— Ты думаешь, — медленно спросил он, испытывая почти смущение от пронизательного взгляда Алоиза, — что Энди уже сговорился с англичанином?

Вместо ответа мексиканец саркастически бросил:

— Что вы хотите, чтобы я вам сказал? Вы его уже обвиняли. Почти все его обвиняли. Считали, что он очень силен, очень хитер...

— Он не знал?

— Я не хочу утверждать то, чего не знаю. Скажу кое-что другое, что, может быть, поможет вам понять. Да, действительно, там, где была игра.

Малыш Гарри зависел от Фелпса. Но в те времена была не только игра, я уж не говорю о женщинах... На виски можно было сделать очень большие деньги, особенно на контрабандном

виски... Ну так через кого шло все то виски, что поглощалось в округе? Вы много размышляли, я — тоже, и прежде чем вы начали это делать: я в этом был еще более заинтересован, чем вы... И у меня было то преимущество, что в моем распоряжении были составляющие, каковых у вас еще не было.

— О'Хара?

— Расспроси вы стариков, тех, кому теперь было бы лет девяносто, они бы рассказали вам происхождение капиталов О'Хары — это виски... Год, за годом он наводнял Аризону контрабандным виски. Оно просто лилось из салунов Малыша Гарри.

Вот почему между О'Харой и Малышом Гарри отношения были почти такие же тесные, как между Малышом Гарри и англичанином.

Вдруг Кэли Джон вспомнил имя — Пегги Клам!

У него было впечатление, что он сейчас все поймет, во всяком случае, предательство Пегги, случившееся третьего дня, как только она прочла письмо. Ведь именно сразу после этого она резко поменяла свое отношение к нему, и он почувствовал в ней врага.

Она, именно она поняла, что значит буква О! То-то она посмеялась над Энди Спенсером и теми подозрениями, что висели на нем.

О... Это был О'Хара, ее отец!

Вот почему ей сразу понадобилось бежать в соседний дом. Ей надо было предупредить сестру, предупредить всех О'Хара, весь клан. Нужно было открыть Энди глаза, чтобы он успел принять меры и помешать этому идиоту Кэли Джону с его пресловутым письмом, которое он начал показывать в барах, разжечь скандал.

Так или не так? Да так! Возможно. Вероятно. Совсем в духе Пегги Клам.

Она машинально отдала ему письмо. Тут же раскаялась в этом. Ей была известна история зеленого сундука. От нее не мог ускользнуть никакой жест Кэли Джона — что бы он ни сделал, что бы ни подумал — он сам ей все простодушно выкладывал. Ей также было известно, в котором часу он отправлялся в церковь и что Матильда и Пиа ездили туда вместе с ним и что ковбой вместе с ними уходили с ранчо.

Оставался китаец, о котором она, наверное, забыла. Но Пегги не пугали препятствия. Имея деньги, она могла купить китайца, похитить его и увезти...

До того места, какое он показал ей сам. И не она ли вместе с Энди была владелицей самого большого ранчо в Аризоне, которое перекинулось из Америки в Мексику?

Она покупала молчание Чайна Кинга, которого сама взяла в Санта-Маргариту. Кто поедет его туда искать? Кэли Джон мог сколько угодно предупреждать шерифа округа.

Теперь он смотрел на Алоиза с каким-то испугом, спрашивая себя, что еще могло слететь с этих презренных уст.

— Когда я узнал, что свадьба состоится, что Спенсер станет зятем самого богатого человека Тусона, я понял, что он никогда не уступит концессию. Меня обыграли. Мне ничего не оставалось. Англичанин и О'Хара, вероятно, сговорились. Тогда я стал размышлять, думать, к

кому из троих лучше пойти. Десять раз я чуть не поговорил с мистером Спенсером и не потребовал у него свою часть под угрозой, что все расскажу вам.

— Ты сделал это?

— На свое несчастье, нет. Не знаю почему, но мне это было неудобно.

Вы знаете, как высокомерен он с людьми.

Дело было не в Спенсере, который никого не презирал. Еще мальчишкой, у него появилась эта манера задирать подбородок, все равно с кем он разговаривал.

— Я как кретин снова — пошел к Роналду Фелпсу. Мне надо было бы засомневаться, что он найдет настоящие причины, чтобы успокоить меня. Он почти доказал, что, заговори я, и именно меня арестуют за организацию засады Ромеро. Он потом сказал, что ситуация изменилась, что он первый от этого пострадал, что шахта ушла у нас обоих из-под носа, но что он готов возместить мне что-нибудь... Он дал мне немного денег — пятьсот долларов — пообещал больше, если я еще некоторое время пробуду на ранчо для того, чтобы не вызывать подозрений.

Несколько позже именно он приказал мне требовать рыть артезианские колодцы. Это было нетрудно. Мистер Спенсер, который после своей свадьбы жил в Тусоне, накинул мне на шею узду.

Вот таким образом открыли шахту, понимаете? Шахту, которая должна была принадлежать мне, если бы все удалось...

— Если бы меня убили, — задумчиво уточнил Кэли Джон.

— Если бы я не купился на жуликов, которые разбогатели за мой счет.

Тем не менее я получил двадцать тысяч долларов. Мне посоветовали поехать в Сан-Франциско.

Затем еще два раза я вырывал у них деньги. Я стал торговцем недвижимостью. Провел успешные спекуляции на землях. Женился. И только в тысяча девятьсот двадцать девятом, в период великой депрессии, все потерял, и мне пришлось начинать все заново.

— Энди Спенсер ничего не знал! — медленно произнес Кэли Джон.

— Он не знал ничего... В противном случае те, другие, не обратились бы ко мне с комедией рытья артезианских колодцев. Ну теперь вы больше знаете, а? Признайтесь, вы бы предпочли, чтобы я сказал совсем другое...

Взгляд Кэли Джона тяжело остановился на нем, но мысли были так далеки, что казалось, он смотрел сквозь коротышку.

— Неожиданный поворот принимают события в Вашингтоне...

Это радио. Голос диктора звенит.

— В сенатской комиссии, перед которой предстал авиаконструктор Дж. Б.

Акетт, события приняли неожиданный поворот. В та время, пока председатель продолжал засыпать конструктора вопросами, а тот упорно держался своих предыдущих заявлений,

прибыла телеграмма, которая была тут же зачитана. Телеграмма эта, отправленная из аэропорта между Сент-Луисом и Чикаго, подписана финансистом из Аризоны Энди Спенсером.

Финансист, покинувший Тусан прошлой ночью, с минуты на минуту прибудет в Вашингтон, где он просит неотложно быть — выслушанным перед комиссией.

Ожидаются сенсационные разоблачения...

Кэли Джон медленно поднялся. Он ничего не ел, ни крошки с утра. Во рту у него пересохло, и в горле оставался привкус кошачьей мочи, который пропитал эту каморку с красными диванами.

Не глядя на мужчину с седой бороденкой, он направился к портье, которую отодвинул, прошел через лавку, поискал глазами Дженкинса и обнаружил его — тот стоял прислонившись к соседней витрине.

— Домой? — тихо произнес он как очень уставший человек.

Впервые в жизни ему довелось ошибиться, он машинально открыл заднюю дверцу и тяжело опустил на сиденье.

Машина проследовала между домами, прилепившимися к склону горы, казалось, Кэли Джон заснул.

Однако он не спал и прежде, чем они въехали в Санбурн, дотронулся до плеча Дженкинса.

— Не надо домой...

Небо с двумя большими жемчужными облаками багровело над сине-зеленой полосой на горизонте.

— Куда вы хотите ехать? — задал вопрос молчаливый Дженкинс, когда через несколько миль понял, что не получил инструкций.

И сзади тихо слышалось:

— Вперед...

Глава 9

Он почувствовал легкое прикосновение руки на своем плече, но так как он не двинулся, рука мягко, но чуть более настойчиво легла ему на плечо.

Тогда он открыл глаза и увидел стюардессу, которая не могла не улыбнуться при виде его детского удивления, когда он очнулся ото сна. Он ей тоже улыбнулся, извиняясь. Думая, что он еще не совсем пришел в себя, стюардесса сама застегнула ему ремень. Она была молоденькой и свежей, и он подумал о Розите и Пегги, какими они были когда-то, потом о себе и об Энди. Правда, нельзя было сказать, что он действительно думал. Это были не мысли, а образы. Более часа он жил с этими образами, а окружающие решили, что он спит, откинувшись в кресле.

Да и более ли реальным, чем эти образы, было для него маленькое светящееся табло напротив: «Просьба не курить. Пристегнуть ремни»?

Он протер иллюминатор, склонился над ним, смотря вниз, и увидел блестящее в свете полной луны царство заснеженных гор, холодный хаос, за самые острые пики которого самолет, казалось, готов был зацепиться каждую минуту.

Однако уже через несколько мгновений самолет пошел на посадку и на равнине засветились огни города. Это был Денвер в Колорадо. Самолет описывал широкие круги над светящимся пунктиром, который вдруг исчез, потому что навстречу самолету побежала размеченная дорожка аэродрома.

Пассажиры на еще несколько ватных ногах направлялись к освещенным окнам аэровокзала. Он вспомнил, что ему надо было всех обогнать.

Это была странная ночь. Прошлой ночью Энди Спенсер летел в Лос-Анджелес, а оттуда — в Сент-Луис и Чикаго.

Теперь настала очередь Кэли Джона болтаться в небе Америки. Было холодно. На нем был только светлый габардиновый костюм, почти белая шляпа с широкими полями, а под брюками угадывались голенища сапог, которые носят только на Западе. Все вокруг него кутались в плащи, на большинстве женщин были меховые манто, а на улице изо рта вырывалось в ночной воздух облачко пара.

Кэли Джон склонился над стойкой, где лежала карта, по которой он водил своим тяжелым пальцем. Служащий перелистал расписание и списки пассажиров.

— Могу вам предложить только одно место в самолете, который через несколько минут вылетает в Канзассити. Дорога не прямая. Если вам оттуда удастся добраться до Сент-Луиса, вы опередите пассажиров с прямого рейса.

Его самолет полетел дальше. Другой приземлялся, но это был еще не тот, на который ему было надо. Кэли Джон уже напихал в себя столько бутербродов, что один вид буфета вызывал у него тошноту. Чай — тоже. Он немного попил простой воды из фонтанчика. Ему не хотелось признаваться, но в самолетах, на которых он обычно летал только на небольшие расстояния — в Феникс или Эль-Пасо, — ему становилось плохо с сердцем.

— Ваш багаж...

У него его не было. У единственного. Взвесили его самого. Это было уже во второй раз, начиная с прошлого вечера, и ему стало надоедать, что его взвешивают на каждой пересадке.

Он попросил Дженкинса остановиться, когда они проезжали Санбурн, и Дженкинс, естественно, остановился перед Эльдорадо. Он не увидел ни реклам, ни музея. Разменял деньги в баре, подошел к телефону.

Не так ли вел себя Энди накануне?

Он дозвонился до аэропорта Феникса, где не было ни одного свободного места на ближайшие рейсы. Затем серьезно задумался, не доехать ли до Санта-Фе или до Эль-Пасо. Ему пришло в голову, что легче дозвониться до Тусона.

— Подождите минутку... Если вы перезвоните через пять минут, я выясню, не осталось ли места до Денвера.

В конце концов он попросил место все равно куда. Как Энди. Майлз Дженкинс, который пил у

стойки пиво, слушал его совершенно невозмутимо.

Джон снова набрал Тусон. Взгляд его равнодушно остановился на игорных столах, над которыми ему случалось склоняться, чтобы следить за игрой, на отполированной стойке, о которую он облакачивался, когда был еще юнцом.

— Алло! Через три четверти часа? Да, успею. У нас есть время, Дженкинс?

В город он не вернулся. Они сделали круг, чтобы добраться до аэродрома.

— Ты можешь возвращаться прямо домой. Если я не смогу позвонить, передай сестре, чтобы она не волновалась: вернусь через несколько дней.

Когда самолет должен был вылетать, объявили задержку на полчаса.

Машина, летевшая из Мексики, села где-то неподалеку, может быть в Ногалесе, где была гроза, конца которой ждали с минуты на минуту — из-за нее самолет не мог взлететь.

Тут-то он съел сэндвичи, потом ему пришла в голову мысль позвонить.

Сначала к себе домой. Бедняжка Матильда! Как она должна была вздрогнуть, когда раздался телефонный звонок.

— Алло? Это ты? Я только что отправил к тебе машину. Когда вернусь, не знаю... Этой ночью? Наверняка нет... Завтра тоже... Может быть, через несколько дней...

Почему ему казалось, что она хитро улыбается? Голос ее звучал скорее нежно, чем иронично.

— Счастливого пути, Джон!..

Затем ей захотелось что-то добавить, она помолчала, но после довольно долгой паузы передумала и повторила:

— Счастливого пути... Главное, не простудись... Купи себе что-нибудь теплое.

Итак, она знала, куда он направлялся. Он обошел зал ожидания, дважды удостоверился, что посадку еще не объявляли, и только тогда снова попросил соединить его с Тусоном. Как он и думал, ему ответили «Занято».

Занято было и на четвертый раз, и на пятый — прежде чем он дозвонился, ему понадобилось ровно тридцать две минуты, так что когда наступил момент и появилась возможность сказать что бы то ни было, ярость обуревала его.

— Алло! Пегги!

Она узнала его по голосу. Она не могла его не узнать. Но Пегги не могла отказать себе в маленьком жестоком удовольствии и сухо спросила:

— Кто говорит?

— Джон...

И холодно, бесконечно жестко уточнила:

— Джон Эванс?

Пусть! У него не было времени на эти тонкие игры со старыми дамами с улицы О'Хары.

— Послушай, Пегги. Мне надо сказать тебе нечто важное, очень... Я думаю, я уверен, что ты ошиблась...

Она продолжала молчать, и ему захотелось заорать: «Индюшка, постарайся понять, что я тебе звоню, потому что люблю, что я твой лучший друг, что я хочу помешать тебе наделать новых глупостей...»

— Алло! Ты меня слушаешь!

— Да...

— Ты плохо поняла письмо. Я тоже его плохо понял, но по-другому.

Точнее, и ты, и я ошиблись в том, кому оно предназначалось...

Если бы он мог быть уверен! Внутренняя уверенность у него была. Уже в Бисбее он понял, что вдохновителем этой старой истории, которая уже никого не интересовала, разве что нескольких стариков, был Роналд Фелпс.

Буква в письме, та пресловутая буква, которую он принял за А, была Р или, может быть, Ф.

Роналд Фелпс.

Роналд Фелпс, который приказал Малышу Гарри найти в Санбурне верного убийцу.

Малыш Гарри сообщал об этом О'Харе, с которым у него были дела.

— Твой отец не платил Ромеро...

Тогда так жестоко, как могла говорить только она, Пегги проронила через какое-то время:

— Знаю...

— Как ты поняла?

— Будь ты женщиной, а не таким идиотом мужиком, ты бы тоже понял.

Куда ей было спешить в тишине своей гостиной или комнаты? Она не ждала самолета с минуты на минуту.

— Если женщина что-нибудь ищет, то делает со всей тщательностью.

Зеленый сундук был в твоём распоряжении целых три дня, а ты как сумасшедший носился по дорогам, вместо того чтобы листок за листком разобрать его содержимое. Но у меня-то хватило на это терпения, и между страничками программки я нашла конверт. Он в точности соответствует письму. Тот же почерк, так же выцвели чернила. На нем адрес моего отца...

Он чуть было не сказал, что простил старику Майку его молчание.

Потому что, в конце-то концов, предупрежденный о том, что должно было случиться, О'Хара не

удосужился предупредить будущую жертву.

Хитрюга, она ждала, что Кэли Джон сам поднимет этот вопрос.

— Я к тебе зайду через несколько дней... — заявил он, не обратив на это внимания.

Теперь настала очередь Пегги прильнуть к телефонной трубке.

— Алло! Подожди, Джон! Ты меня слушаешь? На конверте еще было кое-что...

— Что?

Тогда она хохотнула, как чревовещательница:

— Марка, идиот! Счастливого пути!

Она повесила трубку. Объявили посадку в самолет, который виднелся за большими стеклами. Оглушенный, не понимая, что она хотела сказать, он заторопился к выходу. Она не шутила и не собиралась его обнадеживать. Он уселся в одно из кресел, еще не понимая, что услышал.

«Марка, идиот! «

Вдруг, когда ему застегнули ремни, он понял. Раз на конверте была марка, значит, письмо не было отправлено с нарочным, а пошло по почте.

На нем была дата — 13 августа. Засада была запланирована на 15-е. Ну а в те времена, особенно в Санбурне, почта работала плохо.

О'Хара был негодяй, это правда. Его правильно называли «этот негодяй Майк», и старику, может быть, это доставляло некоторое удовольствие.

Тем не менее в то время не было человека, который бы мог обвинить его, что он убил кого-нибудь из засады. Он скорее бы расправился с кем угодно собственноручно — недаром так гордился своими кулачищами.

Что же касается зарабатывания денег не обязательно честными средствами, это — другое дело.

Самолет, который летел над горным цирком, легко качало; Джон сидел прикрыв глаза, его укачивало, и он начал слабо улыбаться, «ангельской», как говорила его мать, когда он был маленьким, улыбкой.

Он нежно подсмеивался над Пегги Клам. Он видел, как она утром в воскресенье, под струями дождя, едет на машине на ранчо «Кобыла потерялась», ищет клад около оконного наличника, роется в вещах в его комнате...

«Она должна была все-таки хорошенько трусить»... — думал он.

А китаец! Это неожиданное появление китайца, который, по всей видимости, подошел бесшумно, как он имел обыкновение, и вдруг предстал перед ней. Джон представил себе, как шла торговля, как согласился Чайна Кинг, который, наверное, нее сундук в машину.

«Чертова Пегги»!

Он ее очень любил. Он всегда ее любил. Он давно уже вбил себе в голову одну мысль, мысль, которую сам называл стариковской. К несчастью, ее воплощению кое-что мешало. Пегги была ужасно богата.

Ну разве не восхитительно им пожениться? Ему было шестьдесят восемь, Пегги — шестьдесят пять. Оба они были немолоды, но им оставалось еще немного нежности, и он бы хотел закончить свой путь вместе с ней, как если бы они поженились когда-то давно и все истекшие годы прожили вместе.

Он улыбался, представляя себе изумление Матильды, стычки между двумя старыми женщинами.

Светящаяся табличка погасла. Он мог расстегнуть ремень, зажечь сигару. Но нет. Стюардесса любезно подошла к нему, наклонилась и с извиняющимся видом прошептала:

— Только сигарету...

Сильно сомневаясь, что у этого пассажира есть в кармане сигареты, она заторопилась принести их ему.

— Чашку чаю?

— Спасибо.

— Сандвичи?

Удивительная ночь. Самая странная, самая непредсказуемая. Более непредсказуемая, чем сон. Луна, плывущая в ледяном небе за иллюминатором, огоньки, которые по временам показывались внизу, свет фар редких машин на далеких дорогах...

Неожиданно на него накатывалось воспоминание: Риалес и его каморка с красными репсовыми диванами. Риалес был отвратителен. Он первым бы хладнокровно принял смерть Кэли Джона, чтобы завладеть шахтой. Больной, амбициозный, завистливый, он видел сам себя хитрецом, почти дьявольски хитрым, а после того, как его надул старый англичанин, заканчивал свои дни в лавчонке, в которую никогда не заглядывали солнечные лучи.

Роналд Фелпс работал на себя. Работал раньше, работал и тогда на большие компании, а прибыль уходила у него из-под носа, он вынужден был, чтобы утолить свою жажду денег, войти в контрабандную торговлю Малыша Гарри.

Но, если отвлечься, план Алоиза был не глуп. Оставшись один, подстегиваемый долгами, Энди Спенсер, возможно, и уступил бы свои права на концессию.

Какое-то неопределенное воспоминание возникло в голове у Кэли Джона.

Образы по-прежнему мелькали у него перед глазами, часто неясные, как когда ищешь что-то во сне, а все зря: иногда это были строчки, лицо, какой-то предмет, светящиеся точки, совершенно белый пейзаж и силуэты детей, кидающих друг в друга снежками, поезд, который останавливается непонятно где, совсем маленький поезд, и никакого вокзала — наверное, это их приезд в Санбурн...

И Энди, все время Энди — пронзительный взгляд, матовая кожа...

Господи! Да как же он, Кэли Джон, мог до такой степени ошибиться?

Думаешь, что ты мужчина, старик. Легко представляешь себе, что все знаешь. С глупым упорством копишь горечь и вот уже совершенно готов клясть Господа Бога и жизнь, а все потому, что просто проходил рядом с людьми и не понимал их.

Все ли так? И поняла бы, например, Матильда, которая прожила с ним всю жизнь, с самого детства, не считая краткого расставания, поняла бы она, задуши он только что Алоиза?

Да он и мог его задушить. Продолжай этот негодяй еще несколько секунд молчать, и Кэли Джон был бы сейчас убийцей, чьи поступки описывают в газетах.

И сам он не понял Энди. Так и не понял! Временами в эти последние годы ему виделась правда, но ему не хотелось в нее поверить.

Потому что он не шел дальше. Потому что не хотел дать себе отчет в своем собственном характере.

Ему совсем без труда представилось вновь, как сестра до сих пор его представляла: рассеянный увалень со светлыми, как песок, волосами, несколько робкой улыбкой.

И тем не менее у него сохранилась в памяти фотография, которую Энди должен был еще хранить: пятнадцатилетний мальчишка, на полголовы выше, чем его товарищи, с руками дровосека, к которым, казалось, привязали большущие кулаки. Этот Джон, розовый и мощный, как молодой бычок, был спокоен и наивен, как все, кто чувствует себя на земле хозяином.

Он думал, что выбрал Энди себе в товарищи, потому что считал того умнее, а на самом деле это Энди выбрал его, потому что нуждался в его силе и ясности ума.

Все эти образы роились теперь у него в голове, он же сам сидел в самолете, уносящем его к какой-то точке на карте Соединенных Штатов, откуда ему предстояло лететь куда-то снова и потом снова садиться в самолет.

А Матильдины драгоценности? Нет, она не ошибалась. Один выбор этих драгоценностей свидетельствовал о большой нежности. Все, вплоть до их небольшой стоимости, говорило о робости и изысканности выбора.

Уехал бы Энди из Фарм Пойнт один, без него? Он утверждал так, чтобы подзадорить его. Он специально вел себя так резко.

«Потому что он не чувствовал уверенности в себе!» — отвечал теперь старик, сидя в кресле самолета.

Его визит на ранчо... Стакан воды... И как он настаивал: «... где он захочет... Когда захочет...»

Ему казалось, что он слышит резкий голос Пегги Клам, утверждающей:

«Бог мой, какие мужчины дураки!»

Она нападала на своего зятя, она тоже, но это была лишь игра, потому что ей нужен объект для насмешек.

И даже сама ирония Пегги. Не нынешней Пегги. Той Пегги, тех лет, когда оба компаньона ухаживали за Розитой. Он не осмелился бы признаться в этом никому, но вдруг почувствовал

почти полную уверенность в том, что насмеялась она над ним, потому что он не осмеливался... Осмелься он, не одержал бы в сердце Розиты победу над своим другом?

Пока они жили вместе, Энди и он, именно Энди, если не вникать в суть дела, принимал решения. Но не посматривал ли он исподтишка на своего компаньона, ища одобрения или хулы?

Почему скрывал свою страсть к игре? Зачем скрытно уезжал с ранчо, уверяя всех, что едет по делу, как юноша, который боится своих родителей?

Им было по тридцать лет. Состоявшиеся люди. Каждый был волен делать что захочет.

Энди всегда что-то скрывал: Энди стеснялся его.

— Бедняга Энди!..

Кто сходил с ума, когда проигрывал деньги и рисковал обратиться только к безответной Матильде?

Всю свою жизнь Кэли Джон был уверен, что он из них двоих — слабейший, и наделял своего компаньона уверенностью, энергией, язвительностью, которой тот никогда не обладал. Затем он наделил его и макиавеллевскими планами.

Разве в тот момент, когда шахта была открыта и Энди пришел к нему с совершенно новенькими акциями компании, он не был еще стыдлив и стеснителен?

Кто знает, согласись он, не предложил бы ему Энди взять половину? Или он не посмел предложить это из-за своего тестя?

И не улетел ли он только что в Вашингтон, проблуждав последнюю ночь, как Кэли Джон из аэропорта в аэропорт?

Почему Матильда не заговорила раньше?

«Потому что ты бы не поверил», — ответила бы она.

Наверное, и добавила бы со спокойствием, которое временами приводило в отчаяние: «Нужно было, чтобы ты сам дошел до этого... Я знала, что это когда-нибудь случится...»

Да, в шестьдесят восемь лет! Потеряв тридцать восемь лет собственной жизни в самокопаниях, укорах совести, желании их не слышать и настраивают себя против Энди.

Потому что бывало, что он делал это и специально. Он сам это знал. Он не был так безупречен, как о нем думали. Его достойная мина его устраивала. Он строил из себя жертву, которая улыбается слегка меланхолической улыбкой, вместо того чтобы кусаться.

Ну, Кэли Джон, ты вел себя как мальчишка... Да, как мальчишка, которым ты оставался всю свою жизнь.

Вы просто два мальчишки, сбежавших из Коннектикута, из городишка Фарм Пойнт, и вы продолжаете все еще сражаться в снежки.

Вы оба упрямы, как надутые друг на друга школяры...

Чего вы добились отдельно? Энди захотел доказать, что он силен. И не столько это доказать другим, которые его уже таким считали, потому что он так себя вел, а самому себе.

Став зятем Майка О'Хары, он, может быть, прекратил играть в рулетку и покер, но стал играть в дела, в дела все более и более важные, он стал самым богатым человеком в Тусоне, самым влиятельным, и не мечтал ли он, что станет когда-нибудь его единственным хозяином.

— И это из-за того, что тебя не было рядом, Кэли Джон!

Какой рейс он выбрал? Самолет по-прежнему летел ночью, луны, которая теперь находилась с другого борта, не было видно. Дважды перед его взглядом блеснула река. Другие аэродромы. Вечное небольшое головокружение в тот момент, когда выходишь из самолета. Более или менее просторные залы ожидания, более или менее отапливаемые. Было холодно.

Запад остался далеко позади, и его окидывали с ног до головы взглядом, угадывали под брюками сапоги, посмеивались над его широкополой бежевой шляпой.

Сент-Луис... Индианаполис... Затем рассвет после неприятного перехода ночи в день, который был сер и холоден, как преддверье рая.

Солнце слепило глаза. Он чувствовал тяжесть во всем теле. Хотелось спать. Горячие губы высохли, на них осел вкус ночного путешествия.

Бедный Энди! Как ему должно было быть не по себе! Потому что еще в юности он бледнел, когда ему казалось, что в него не верят: купил он, например, по случаю в городе книгу и пытается поразить товарищей химическими опытами, а они у него не получаются...

— Ты в этом ничего не понимаешь, Энди...

Он все ломал. У него стучали зубы. А ведь он был просто игрушкой в чужих руках, именно тогда, когда Кэли Джон приписывал ему демонические планы.

И не случилось ли ему у О'Хары искренне рассказывать о том контракте, что они подписали кровью, перед тем как уехать из Фарм Пойнт, и возобновили, когда построили себе ранчо?

Возможно. Даже точно. Иначе О'Хара никогда бы не принял его себе в зятя.

Даже если сам О'Хара не был негодяем, работал он вместе с мошенниками. Малыш Гарри и англичанин часто включали его в свою игру. Он был богатым человеком, без капиталов которого ничего нельзя было сделать.

Роналд Фелпс наверняка пришел к нему поговорить о шахте. И не О'Хара ли учинил допрос англичанину по поводу покушения на Джона?

— Что за идея убивать этого парня?

Тогда Фелпс ему все рассказал. В любом случае англичанину бы потребовалась еще чья-нибудь денежная поддержка, чтобы начать разработку шахты.

Бедный Энди, да, бедный, — он был просто влюблен и ухаживал без всякой надежды, и вдруг старина Майк одобрил его!

Конечно же, из-за шахты! Он не знал, как хитро переглядываются оба сообщника. Он думал, что беден, весь в долгах, а на самом деле оказался владельцем жилы, которая через несколько

лет начала приносить миллионы.

В какую бы он впал ярость, заподозри это!

В течение долгих лет он так ничего и не подозревал. Так же как и Кэли Джон не угадал истинного положения вещей. Они оба были слепцами, слепыми врагами.

И вдруг в саду появляются две комические марионетки, два комедийных героя — фотограф и коротышка-еврей, его сосед. Вдруг на бюро оказывается это письмо.

Энди понадобилось меньше времени, чем Кэли Джону, чтобы его понять.

И только один Бог знает, чем это письмо было для него! Его дом, семья, две дочери и сын, жена, дворец в снобской дыре, большие магазины, всевозможные дела, которые он заварил, все это грозило рухнуть, все это основывалось на обмане.

А он, Наполеончик с Аризоны, который в конце концов в это поверил и говорил сухо и безапелляционно, оказался просто карикатурой на власть, человеком, которого обвели вокруг пальца, чтобы посадить на то место, которое он занимал.

Кэли закрыл глаза, и по мере того, как он приближался к Востоку, его охватывала тоска. Но это не была противная тоска последних дней. Чувство было тоньше. Нечто столь же могущественное, как четыре мотора самолета, гнало его вперед.

В какой-то момент — может быть, в полудреме — у него возникло странное чувство: ему показалось, что машина сейчас приземлится в Фарм Пойнт и Кэли Джон в коротких штанишках выйдет из нее перед школой.

В половине двенадцатого Кэли Джон прибыл в Вашингтон, куда приезжал только раз в жизни. Накрапывало, и мелкие капли были холодны. Заседание комиссии по расследованию начиналось лишь в полдень. Он успел бы зайти в магазин, купить себе костюм и плащ, но настолько торопился, что предпочел пристроиться в хвост перед дверью, которая открылась без десяти десять.

Каждое мгновение он ожидал увидеть Эдди Спенсера. Толпа бросилась занимать сидячие места. А так как он не поторопился, то так и остался стоять в глубине зала — он не знал, что ему делать, немного волновался, и его фигура выделялась светлым пятном.

Господа расселись перед пюпитрами, начали заниматься своими делами, кто-то смеялся. Были в зале и журналисты, и фотографы.

При ударе молотка все застыли, и председатель после паузы уселся на свое место.

Какие-то три господина завели длинную техническую дискуссию, в которой он ничего не понял. Он даже не знал, кто из этих людей был Дж.

Б. Акетт.

Имя Спенсера произносилось дважды или трижды, но Джон его по-прежнему не видел. Наконец дверь отворилась.

Это был Энди — худой, одетый с иголочки, он шел в сопровождении ни на шаг не отстающего от него секретаря с тяжелым кожаным портфелем в руках.

В зал он не смотрел. Он двигался вперед, спокойный, владеющий собой, на вспышки фотоаппаратов не обратил ни малейшего внимания, поднял руку, чтобы произнести клятву.

— Здесь не могли выяснить, кто ссудил Дж. Б. Акетта деньгами, и он затруднился ответить на этот вопрос. Я благодарю господина Акетта, но я приехал сюда сообщить комиссии, что двадцать миллионов основного капитала дал ему я. Как компаньон господина Акетта считаю, что должен разделить с ним ответственность.

Заседание шло без перерыва два часа, и атмосфера его была не столь торжественна, как это представлял себе Кэли Джон. Люди ходили взад и вперед, переговаривались, перевешиваясь через пюпитры. Журналисты входили, выходили, фотографы устремлялись то к одному, то к другому действующему лицу. В динамиках, установленных в четырех углах зала, звучал то голос Акетта, то его адвоката, то председателя, то Спенсера, но то, о чем они говорили, по-прежнему ускользало от понимания Кэли Джона.

Кэли Джон был высокого роста, но, стараясь быть замеченным Энди, приподнимался на цыпочки; время от времени Энди предлагали сесть, и тогда, возвращаясь на свое место, он на мгновение оборачивался к залу лицом.

Он был очень бледен и на глазах становился все спокойнее. Большинство тех, кто присутствовал в зале, смотрели на него с восхищением, только сосед Джона пробурчал:

— Ну и идиот, что охотно сам теряет свои деньги...

Наконец взгляды их встретились. На секунду Энди Спенсер застыл лицом к залу. Лицо его немного оживилось, на тонких губах появилась улыбка, он слегка кивнул и уселся на свое место.

Хотя стрелка часов едва перевалила за семь часов утра, в Тусонском аэропорту оказалось так много народу, что пришлось установить заграждения и поставить полицейских, машин же на дороге было столько, сколько бывает только в дни родео.

Вход внутрь вокзала был закрыт для публики, и только немногие важные шишки смогли туда проникнуть. Они образовали группку в одном углу, около турникета, в другом же — стояли три женщины, которые временами начинали вглядываться в небо, вздрагивая при малейшем звуке мотора.

Обе эти группы обменивались, скорее, ненавидящими взглядами, потому что все эти господа, столпившиеся в одном углу, были крупными акционерами из клана Спенсера, которые только что за несколько дней потеряли порядочную часть своих денег.

— Вам не кажется это странным, а? — голос был пронзительный, как у чревоушательницы.

Это Пегги Клам решила кое-что сообщить остальным двум дамам:

— Самое забавное, что каких-то десять дней назад я сказала Джону, что мы кончим свои дни на соломе. Я говорила о старухах с улицы О'Хары.

Потому что, не знаю, заметили вы или нет, но со временем наша улица превратилась в старушечью... Даже ты, ну да, ты, сестричка! Сколько тебе стукнет?.. Шестьдесят. Прекрасно! Тебе было пятьдесят девять в январе.

Она высунула язык жучке пожилых застывших мужчин.

— Мюриэл, которая потеряла девять десятых из того, что ей оставил муж, предложила мне вчера вечером открыть шляпный магазин.

Пегги никак не удавалось согнать озабоченность с Розитино лица — та чувствовала за своей спиной толпу и слышала угрожающий рокот.

— Увидите, все пройдет благополучно.

Матильда улыбалась — она была так плохо одета, что выглядела компаньонкой других двух дам.

Предлагали посадить самолет в Фениксе и тайно доставить Энди Спенсера и Джона домой на машине, но они отказались. Это стало известно. Шериф сам объявил об этом дамам. Он время от времени подходил подбодрить их.

— Мои люди тут! Ничего не бойтесь.

Посадку самолета предпочли громко не объявлять, хотя это было принято, так что толпа решила, что садится другая машина. Самолет кружил над аэропортом. Издалека за иллюминаторами виднелись чьи-то головы.

Самолет остановился точно перед зданием. Первыми появились пассажиры, которых никто не знал, — те торопились, с ужасом поглядывая на всю эту толпу.

Теперь настала очередь последних: они появились в дверном проеме и начали спускаться по трапу; сначала высокий широкоплечий мужчина с розовым лицом, в широкополой бежевой шляпе: он обернулся, подождал Энди Спенсера, который спускался по трапу вслед за ним, — тот был худее его и изысканнее — в безукоризненном плаще.

Раздались свистки, улюлюканье. Недалеко от мужчин упал камень.

Кэли Джон шел очень прямо. Он казался выше, чем обычно, этот изменившийся Кэли Джон, который смотрел на толпу сгрудившихся за решеткой и медленно шел навстречу ей, не снимая с плеча Энди свою руку.

Толпа загудела и смолкла, как прибой. Они вошли и дверь аэровокзала.

Вместо того чтобы сразу же поцеловать сестру, Кэли Джон поискал глазами Пегги, которая пыталась расхохотаться:

— Так вот где тебя носило, собака...

Но во взгляде Джона было что-то столь новое и настойчивое, что она не смогла выдержать своей обычной иронии и смутилась.

Тут настала очередь краснеть Кэли Джону. Неужели она смогла догадаться?

— Прощу, пожалуйста, прости меня, — прошептал Энди, обнимая жену. — У нас мало что осталось. Но Джон и я...

Кэли услышал, что он сказал, хотя слова эти были произнесены шепотом.

Он поцеловал сестру в обе щеки, и тут две крупные слезы не только выкатились у него из глаз, но и потекли по лицу Матильды, которая незаметно сжала пальцы брата.

Ему стало стыдно. Что это Энди сказал?

— Джон и я...

Конечно, поздно. Им обоим по шестьдесят восемь. Но чему это мешало?

— Я распорядился поставить машину прямо перед дверьми... Одна полицейская машина пойдет впереди, другая — сзади... Ничего не бойтесь...

Глаза Энди презрительно сверкнули. Разве он чего-нибудь боялся? Шериф так хорошо его понял, что поторопился добавить:

— Это из-за дам, господин Спенсер.

Как и при выходе из самолета, они оба оказались одновременно в проеме двери.

— Джон и я...

И, наверное, из-за этого толпа пришла в замешательство, свист смолк, и удивленные люди уставились на них, не совсем понимая, что происходит.

Тусон (Аризона), сентябрь 1947 г.